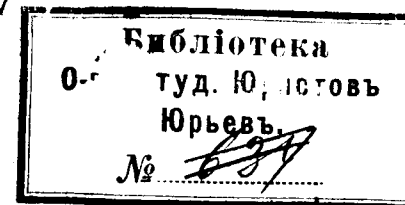

Est. Лаутенбах,
А-9402 Я.

Очерки из истории
литовско-лат.
7680

~~2. IV RWA~~

~~14. XII 66 M. 100000 RWA~~

Очерки

изъ истории

литовско - латышского народного
творчества.

Параллельные тексты и изслѣдованія

Я. Лаутенбаха.

A-9402

I.

Народныя пѣсни.

	Стр.
Предисловіе	IX
Источники. а) Литовскіе	1
б) Латышскіе	7
Тексты.	
I. Пѣсни о пѣніи	14
II. Мѣсяческія пѣсни.	
1) Свадьба дочери Солнца	14
2) Роза (вар. бобъ)	19
3) Солнце, заботящееся о сиротахъ	23
4) Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ	25
5) Считаніе звѣздъ	27
6) Лайма и утонувшій братъ	28
7) Велѣдствіе несчастной любви умершій юноша	32
8) Божественное родство сироты	42
III. Военныя пѣсни.	
1) Два голубя, два брата	43
2) Сестра воина	45
3) Вѣсть о войнѣ	47
4) Освобожденіе воина	51
IV. Пѣсни о похищеніи невесты.	
Похищенная сестра	53
V. Объ упавшемъ вѣнокъ.	
Дѣвица теряетъ вѣнокъ	60
VI. Объ упавшемъ кольцѣ.	
Объ утонувшей дѣвицѣ	62
VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.	
Три кукушки	66
VIII. О потерянномъ конѣ.	
Предложеніе къ вступленію въ бракъ	69
IX. О сватаніи — о ночевкѣ.	
1) Преимущество дѣвицы передъ вдовою	70
2) Молодая жена	73
3) Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка, у вдовца	74
4) Любовныя размышленія на ночномъ	75
5) Ночлегъ	78
X. Братъ посѣщаетъ вышедшую замужъ сестру.	
Защита обиженной сестры	78

VI

XI. Сиротскія пѣсни.	Стр.
1) Могила матери	80
2) Отвѣтъ матери изъ могилы	81
3) Строгіе бары	82
XII. Странное обѣщаніе	82
XIII. Дорогая семья.	
1) Примѣты	83
2) Поиски возлюбленной	86
XIV. Пьяница.	
Сидящій на лошади	88
XV. Свадьба птицъ, волка.	
Разныя роли гостей	88
XVI. О козлѣ.	
Приключенія козла на мельницѣ	93
XVII. Колыбельныя пѣсенки.	
Мышка приноситъ сонъ	96
XVIII. Многократный обмѣнъ.	
Даръ удача и отца	97
XIX. Служба.	
Различное вознагражденіе	98
XX. Прощаніе	
Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей	100

Исслѣдованія.

Введеніе	102
I. О пѣніи	108
II. Мнѣстическія пѣсни	114
1) Свадьба дочери Солнца	116
2) Роза (вар. бобъ)	123
3) Солнце, заботящееся о сиротахъ	130
4) Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ	134
5) Считаніе звѣздъ	142
6) Лайма и утонувшій братъ	144
7) Юноша, умершій вслѣдствіе несчастной любви	155
8) Божественное родство сироты	165
III. Военныя пѣсни	168
1) Два голубя, два брата	170
2) Сестра воина	172
3) Вѣсть о воинѣ	173
4) Освобожденіе воина	177
IV. Пѣсни о похищеніи невѣсты.	
Похищенная сестра	179
V. Объ упавшемъ вѣнцѣ.	
Дѣвица теряетъ вѣнокъ	184
VI. Объ упавшемъ кольцѣ.	
Объ утонувшей дѣвицѣ	186
VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.	
Три кукушки	188

VII

VIII. О потерянномъ козлѣ.	Стр.
Предложеніе вступить въ бракъ	189
IX. О сватаніи, о ночевкѣ	190
1) Преимущество дѣвицы передъ вдовою	191
2) Молодая жена	192
3) Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка и у вдовца	193
4) Любовныя размышленія на ночномъ	194
5) Ночлеги	195
X. О посѣщеніи братомъ вышедшей замужъ сестры.	
Защита обиженной сестры	196
XI. Сиротскія пѣсни.	
1) Могила матери	198
2) Отвѣтъ матери изъ могилы	199
3) Строгіе бары	200
XII. Странное обѣщаніе	201
XIII. Дорогая семья	202
1) Примѣты	203
2) Поиски возлюбленной	205
XIV. Пьяница.	
Сидящій на лошади	206
XV. Свадьба птицъ, волка.	
Разныя роли гостей	207
XVI. О козлѣ.	
Приключенія козла на мельницѣ	210
XVII. Колыбельныя пѣсенки.	
Мышка приноситъ сонъ	212
XVIII. Многократный обмѣнъ.	
Даръ удача и отца	213
XIX. Служба.	
Различное вознагражденіе	214
XX. Прощаніе.	
Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей	215
Заключеніе	215

Предисловіе.

Уже много лѣтъ тому назадъ поражало меня сходство многихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Подробно изучая ихъ, я нашелъ, что уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Л. И. Реза, профессоръ Кенигсбергскаго университета, первый выдающійся собиратель и критикъ литовскихъ дайнъ (лит. народныхъ пѣсенъ), замѣтилъ сходство между литовскими и латышскими пѣснями и помѣстилъ двѣ такія сходныя съ литовскими латышскія пѣсни въ своемъ объемистомъ изданіи „Dainos oder Litthauische Volkslieder. Nebst einer Abhandlung über die litthauischen Volksgedichte. Königsberg, 1825“ (Ср. ibid. стр. 312, 314 и сл.). Я не остановился на однѣхъ дайнахъ, но въ своихъ изслѣдованіяхъ литовскихъ и латышскихъ параллельныхъ текстовъ пошелъ дальше. Я простеръ свои разысканія по всей весьма богатой духовной сокровищницѣ литовскихъ и латышскихъ народныхъ преданій. За дайнами слѣдовали пословицы, заклинанія и загадки. Относительно послѣднихъ я долженъ сказать, что я пришелъ, какъ и Д-ръ А. Биленштейнъ, къ заключенію „объ удивительномъ сходствѣ литовскихъ загадокъ съ латышскими“ (Ср. 1000 Lettische Räthsel. Uebersetzt und erklärt von A. Bielenstein. Mitau 1881, стр. 10, 18 и сл.). Когда почти всѣ собранные мною источники были приведены въ порядокъ, я весьма обрадовался, что нашелъ и у уважаемаго ученаго А. Бенценбергера (Litauische Forschungen) сравненіе нѣсколькихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ и загадокъ; то же предпринялъ и я, — только въ большемъ объемѣ. — Выразивши въ своемъ сочиненіи мнѣніе о томъ, что сравненіемъ литовскаго народнаго творчества съ латышскимъ возможно будетъ констатировать большее число древнихъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, А. Бенценбергеръ говоритъ: „Ich zweifle nicht, dass manche diese forderung mit

achselzucken aufnehmen werden, sie ist indessen unabweisbar geworden, nachdem Bielenstein (in der gratulationsschrift zum 50jährigen amtsjubiläum des generalsuperintendenten Wilpert, Mitau 1858) die daina „Laima šaūkē, Laima vērķē“ im Lettischen nachgewiesen, und Mannhardt (Die lettischen Sonnenmythen, Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875, s. 73 ff.) andere übereinstimmungen des lettischen mit dem litauischen volksgesang hervorgehoben hat¹⁾. Указывая затѣмъ на нѣсколько соотвѣтствій, Бенценбергеръ замѣчаетъ: „Es wird nicht schwer fallen, derartige übereinstimmungen, die — trotz des nachweislichen eindringens lettischer lieder in das Litauische — eine weite historische perspective eröffnen, in grösserer zahl nachzuweisen, und es wäre sehr dankenswert, wenn dies einmal geschähe“²⁾. — Моя работа, хотя лишь случайно, соотвѣтствуетъ желанію, выраженному профессоромъ Бенценбергеромъ. Составляя свой трудъ „Needrischu Widwuds“ (Митава, 1891 г.), я замѣтилъ соотвѣтствія также и въ чисто эпической народной поэзіи (въ сказкахъ) литовцевъ и латышей.

На этотъ разъ я ограничусь достаточно богатымъ матеріаломъ, содержащимъ параллельные тексты дайнъ, пословицъ, заклинаний и загадокъ. Я изслѣдовалъ, по возможности, всѣ письменные источники литовскаго и латышскаго народнаго творчества и привожу ниже названія всѣхъ тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ я взялъ паралл. тексты и ихъ варианты. Такъ какъ я имѣлъ дѣло съ множествомъ сборниковъ, часто совсѣмъ не обработанныхъ или даже вовсе не приведенныхъ въ порядокъ, и такъ какъ я для своей цѣли долженъ былъ просмотрѣть многія тысячи произведеній народной поэзіи, то возможно, что я и проглядѣлъ нѣкоторый годный для меня матеріалъ. На абсолютную полноту не могу здѣсь имѣть претензій и вслѣдствіе того, что собраніе этихъ народныхъ произведеній еще не вполне окончено. Но благосклонный читатель, по сопоставленнымъ мною ниже текстамъ, ихъ параллелямъ и вариантамъ, можетъ убѣдиться, что передъ нимъ находится достаточно исчерпанный матеріалъ, приведеніе въ порядокъ, обработка и изданіе ко-

торого заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе.

Въ I части помѣщены народныя пѣсни, во II части пословицы, заклинанія и загадки. Ради лучшаго обзора я раздѣлилъ параллельные тексты народныхъ пѣсней на нѣсколько отдѣловъ: I о пѣніи, II миѣическія пѣсни, III военныя пѣсни и т. д. Впрочемъ, такое дѣленіе есть лишь попытка, такъ какъ литовскія и латышскія народныя пѣсни строго раздѣлить по содержанію очень трудно, даже невозможно. Напр., миѣологическій элементъ проходитъ почти чрезъ всѣ пѣсни, и я назвалъ ихъ военными, спротскими etc. пѣснями потому, что въ нихъ какъ разъ война, спроты и т. д. играютъ главную роль, а миѣическій элементъ — второстепенную. Въ другихъ пѣсняхъ имѣются иные мотивы дѣленія.

Въ томъ же порядкѣ, въ какомъ находятся параллельные тексты, помѣщены и разысканія и выводы, состоящіе изъ введенія и заключенія. Для языковѣда всегда важны источники извѣстнаго языка. Въ своемъ сочиненіи я предлагаю такіе источники литовско-латышскаго языка. Такъ какъ эти параллельные тексты представляютъ общее достояніе, общее духовное сокровище литовцевъ и латышей, такъ какъ они, несомнѣнно, вводятъ насъ въ то время, когда латыши и литовцы составляли еще одинъ, нераздѣльный народъ, который говорилъ на одномъ — всѣмъ его членамъ понятномъ — языкѣ, и свои духовныя произведенія создавать и передавалъ еще вмѣстѣ, то мы имѣемъ въ этихъ паралл. текстахъ памятники глубокой древности. Они доставляютъ для лингвиста очень важную часть самыхъ древнихъ источниковъ литовско-латышскаго языка.

Что касается правописанія, то я достигъ единства лишь относительно согласныхъ, употребляя въ литовскихъ текстахъ, по примѣру Юшкевича, вмѣсто польскихъ sz, cz etc., принятыя въ лингвистической транскрипціи š, č etc., чтобы такимъ образомъ ихъ согласовать съ латышскимъ правописаніемъ, въ которомъ въ новѣйшее время предпочитается послѣднее начертаніе. Касательно гласныхъ я оставилъ, какъ это дѣлалъ и Шлейхеръ, то разнообразіе, которое господствуетъ въ различныхъ изданіяхъ, чтобы не уничтожить діалектическихъ отбѣнковъ, которые большею частью выражены гласными. Нѣкоторые лит. тексты имѣютъ удареніе, другіе не имѣютъ. II

1) См. его Litauische Forschungen стр. X.

2) Ibid. стр. XI.

въ этомъ отношеніи я строго держался источниковъ. При этомъ, въ дайнахъ можно обойтись безъ обозначенія ударенія, ибо тутъ встрѣчается, какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ языкахъ, отличный отъ ежедневнаго разговорнаго языка акцентъ. Какъ литовецъ, такъ и латышь различаетъ въ народныхъ пѣсняхъ акцентъ прозы отъ акцента ритма (ср. Nesselmann, Littauische Volkslieder, стр. IX и A. Leskien und K. Brugman, Litauische Volkslieder und Märchen, стр. 90). Знаки ` и ' въ латышскомъ текстѣ не обозначаютъ ударенія, но — протяжныя (gedehnte) и толкучія (gestossene) гласныя.

Въ заключеніе, прошу благосклоннаго читателя не поставить мнѣ въ особую вину тѣхъ промаховъ противъ русскаго стиля, которые вѣроятно найдутся въ настоящей моей работѣ; нѣкоторымъ извиненіемъ этого можетъ служить то, что предлагаемый трудъ есть первый печатный мой опытъ на русскомъ языкѣ.

Источники.

а) Литовскіе.

Еще въ 1689 г. И. А. Брандъ (профессоръ въ Дуйсбургѣ, † 1691) опубликовалъ два отрывка литовскихъ народныхъ пѣсенъ въ своемъ „Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardten, Tweerien und Moskovien“. Послѣ этого начала первыми напечатанными литовскими народными пѣснями нужно считать три „dainos“ (нар. пѣсни), изданныя въ 1745 г. пасторомъ Ругигомъ (Ruhig, 1708—1749 г. въ Вальтеркемѣ у Гумбины) въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Betrachtung der litthauischen Sprache in ihrem Ursprung, Wesen und Eigenschaften“. Познакомившись съ этими тремя пѣснями, Лессингъ первый въ своемъ тридцать третьемъ письмѣ (въ 1759 г.), въ которомъ онъ касается новѣйшей литературы, обратилъ вниманіе всего литературнаго міра на достоинство литовскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1778 и 1779 гг. издалъ Гердеръ въ своей книгѣ „Stimmen der Völker in Liedern“ тоже нѣкоторыя литовскія „даины“, хотя только въ нѣмецкомъ переводѣ. Полные сборники литовскихъ народныхъ пѣсенъ появляются лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи. Въ 1809 и 1824 гг. появились стихотворенія Резы подъ заглавіемъ „Prutena“, между которыми мы находимъ и нѣкоторыя переведенныя литовскія даины, а въ 1825 г. былъ напечатанъ имъ объемистый сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ. Важнѣйшія изданія литовскихъ народныхъ пѣсенъ, въ хронологическомъ порядкѣ (съ указаніемъ тѣхъ сокращеній, подъ которыми онѣ цитуются) слѣдующія:

1. Rh.: Rhesa L. J. Dainos, oder Litthauische Volkslieder gesammelt, übersetzt und mit gegenüberstehendem Urtext her-

ausgegeben. Nebst einer Abhandlung über die litthauischen Volksgedichte. Königsberg, 1825. Neue Auflage von F. Kur-schat. Berlin, 1843.

Это — самый древний сборникъ, который содержитъ 85 не-метрически на нѣмецкій языкъ переведенныхъ литовскихъ на-родныхъ пѣсенъ и составляетъ, какъ по объему, такъ и по богатству своего содержания, сдѣланныхъ примѣчаній, наблю-деній и приложенныхъ народныхъ напѣвовъ, надежное осно-вание для сужденія о литовской національной поэзіи. Гёте написалъ одобрительную рецензію объ этомъ сочиненіи, ко-торая начинается словами: „Durch diese Sammlung ist aber-mals einer meiner Wünsche erfüllt.“ Хотя Нессельманъ и ука-зываетъ въ этомъ сборникѣ на погрѣшности противъ раз-мѣра и на недостатки строфическаго построенія, но это имѣ-етъ значеніе только съ чисто эстетической точки зрѣнія и не причиняетъ научному разысканію никакого ущерба. На-противъ, то обстоятельство, что Реза оставилъ свои пѣсни такъ, какъ онъ ихъ слышалъ въ народѣ, возвышаетъ ихъ поэтическую объективность. Жаль только, что недостаетъ здѣсь дѣлений пѣсенъ по содержанию. Новое изданіе этого сборника заключаетъ въ себѣ несущественныя поправки, касающіяся только нѣкоторыхъ словъ и ихъ ударенія въ ли-товскомъ текстѣ. Кромѣ того, здѣсь отдѣльныя пѣсни озна-чены номерами, чего въ первомъ изданіи не имѣется. Я при-бавилъ, по примѣру Нессельмана, каждой ссылкѣ на Резу двѣ цифры, изъ которыхъ первая означаетъ номеръ пѣсни, а вторая (въ скобкахъ) страницу перваго изданія.

2. Stan.: Stanewicz S. Daynas Žemaycziau surynktas yr iszdutas. Wilniuje, 1829. (Жемайтскія пѣсни. Собраны и изданы С. Станевичемъ. Вильно, 1829.)

Эти пѣсни (числомъ 30) собраны (какъ въ заглавіи ука-зано) въ Жемайтіи. Нѣкоторыя изъ нихъ совпадаютъ съ пѣснями сборника Резы, представляя лишь варианты послѣд-нихъ. Это изданіе относительно строфическаго построенія, по мнѣнію Нессельмана, гораздо правильнѣе и лучше, чѣмъ изданіе Резы. Этотъ незначительный сборникъ мало извѣ-стенъ, хотя, по сообщенію Нессельмана, появилось и второе его изданіе. Я пользовался этими пѣснями по сборникамъ Нессельмана и Шлейхера.

3. Brz.: Brzozowski K. M. Pieśni Ludu Nadniemeńskiego

z okolic Aleksoty zebrał i przełożył K. M. B. z dołączeniem niektórych melodyj. Poznań 1844.

Этотъ сборникъ мнѣ извѣстенъ только по Нессельману и Барчу. Тутъ находится метрическій переводъ на польскій языкъ 51 литовской народной пѣсни, но только первая во-семь пѣсенъ приведены въ подлинникѣ, отъ другихъ лишь по двѣ или по три начальныхъ строки. Текстъ упомянутыхъ восьми пѣсенъ, какъ и Нессельманъ говоритъ, очень непра-вильнъ. Приложены къ этой книжкѣ и нѣкоторыя мелодіи.

4. Dowk.: Dowkont S. Dajnes Žiamajtiū pagal žodiū Dajninikū iszraszytas. Pirmasis Pėdelis. Petropilie, 1846. (Же-майтскія пѣсни, написанныя со словъ пѣсельниковъ. Первый выпускъ. Ст. Петербургъ, 1846.)

Этотъ сборникъ содержитъ 118 на жемайтскомъ говорѣ написанныхъ пѣсенъ, между которыми имѣются многія не чисто народныя и многія заимствованныя изъ сборниковъ Резы и Станевича. Группировка матеріала и редакція исполнены небрежно: случается, напр., много разъ, что одна и та же пѣсня съ незначительными измѣненіями (варіаціями) встрѣ-чается въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что упомянутый сборникъ доставляетъ менѣе богатую добычу; чѣмъ по числу его пѣсенъ можно было бы ожидать. Эта книга такъ же, какъ и Станевича, безъ перевода и мало извѣстна, такъ что я и его пѣснями могъ воспользоваться только по сборникамъ Нессельмана и Шлейхера.

5. Ness.: Nesselmann, G. H. F., Littauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt. Mit ei-ner Musikbeilage. Berlin, 1853.

Этотъ сборникъ содержитъ 410 номеровъ самого разно-образнаго содержания и объемистѣе всѣхъ предшествующихъ. Онъ по словамъ гг. Фортунатова и Миллера (см. ниже № 8) „составляетъ какъ бы энциклопедію литовскаго народ-наго творчества по части пѣсенъ въ прусскихъ областяхъ Литвы“. Кромѣ богатыхъ рукописныхъ матеріаловъ и много-численныхъ пѣсенъ, встрѣчаемыхъ въ изданіи „Neue Preuss. Prov.-Blätter“ (съ 1846 г.), онъ поглотилъ въ себя всѣ выше-упомянутые пѣсенные сборники. Хотя въ этой книгѣ про-изведена группировка по однороднымъ пѣснямъ, но въ ней не имѣется никакихъ наименованій для этихъ группъ, вслѣд-ствие чего тутъ довольно трудно читателю ориентироваться.

Нессельманъ подвергнулъ имъ изданныя пѣсни эстетической критикѣ и въ большинствѣ случаевъ вносилъ нѣкоторыя измѣненія на основаніи правилъ, выведенныхъ имъ изъ эстетической оцѣнки, вслѣдствіе чего онѣ приобрѣли большее художественное достоинство, но за то утратили нѣсколько характеръ непосредственности и простоты народнаго преданія. Кромѣ того всѣ мѣстные отличія говоровъ имъ стерты и такимъ образомъ вся богатая добыча, драгоцѣнная для филолога, оставлена почти безъ вниманія. Переводъ — метрическаго склада и какъ Нессельманъ самъ признается въ предисловіи „дословный и вполне передающій смыслъ подлинника“. Текстъ сопровождается сравнительными примѣчаніями и музыкальнымъ приложеніемъ.

6. Schl.: Schleicher A., Litauisches Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.

Тутъ находятся всего 63 пѣсни, снабженныя лингвистическими примѣчаніями, частью заимствованныя изъ сборниковъ Резы, Нессельмана, Станевича и Довконта (причемъ пѣсни Резы сравнены съ пѣснями Нессельмана), частью записанныя самимъ Шлейхеромъ (последнихъ всего 35).

7. Юшк.: Юшкевичъ И. А., Литовскія народныя пѣсни. Съ переводомъ на русскій языкъ. Санктпетербургъ, 1867.

Этотъ маленькій выпускъ, напечатанный русскими литераторами, содержитъ предисловіе, трактующее объ опытѣ „примѣненія русской азбуки къ литовскому языку“ и 33 литовскія народныя пѣсни, снабженныя неметрическимъ переводомъ на русскій языкъ.

8. Ф. и М.: Фортунатовъ и Миллеръ, Литовскія народныя пѣсни. Изданіе Императорскаго Московскаго Университета. 1872 г.

Сборникъ этотъ заключаетъ 100 напечатанныхъ русскими буквами пѣсенъ съ предпосланными статьями о литовскихъ народныхъ пѣсняхъ и о людвиновскомъ нарѣчій. Текстъ сопровождается русскимъ прозаическимъ переводомъ и синтаксическими замѣчаніями.

9. Kol.: Kolberg O., Pieśni Ludu Litewskiego. Zebrał O. K. Kraków, 1879.

Тутъ помѣщены 75 пѣсенъ, сопровождаемыхъ напѣвами и

польскимъ переводомъ. Предпослано этимъ пѣснямъ обстоятельное разсмотрѣніе литовской народной поэзіи.

10. Arch.: Archiv für Slavische Philologie. Unter Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausgegeben von V. Jagić. Vierter Band. Berlin, 1880.

Въ этомъ томѣ опубликованы А. Лескиномъ и снабжены замѣчаніями Г. Веберомъ 28 пѣсенъ изъ Вилкишкена.

11. Jušk. Sv. R.: Svatbīne Rėda Velūnų Liétuvių surašyta par Antaną Juškevičę 1870 metų. (Свадебные обряды Велѣнскихъ литовцевъ, записанные Антономъ Юшкевичемъ в 1870 году). Казань, 1880.

Въ сочиненіи этомъ можно найти между разнообразными свадебными обрядами Велѣнскихъ литовцевъ въ разныхъ мѣстахъ и нѣсколько литовскихъ свадебныхъ народныхъ пѣсенъ.

12. Jušk. L. d.: Liétuviškos Dainos užrašytos par Antaną Juškevičę apigardoje Pušalačiu ir Velūnós iš žodžių Liétuvių Dainininku ir Dainininkiu ([Pirmà ir] 'Antra ląjda). — (Литовскія народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ в окрестностяхъ Пушолат и Велѣны со слов литовскихъ пѣвцев и пѣвиц.) (Приложеніе къ „Ученымъ Запискамъ“ Императорскаго Казанскаго университета. Годъ XLVII.) Казань, 1880.

Antra knýga. (Trečia ir ketvirtà ląjda.) Том второй. (Третій и четвертый выпускъ.) (Изданіемъ издателя.) Казань, 1881.

Trečia knýga. (Литовскія народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ в окрестностяхъ Велѣны со слов литовскихъ пѣвцев и пѣвиц и от Ольсядскихъ Жемайтовъ.) Третій томъ. (Изданіемъ издателя.) Казань, 1882.

Это по нынѣ самый обширный сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, числомъ 1569. Хотя въ этотъ трудъ попали и нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, не чисто народныя пѣсни, все-таки онъ представляетъ вообще солидную и надежную работу. Но такъ какъ она, къ сожалѣнію, не имѣетъ почти никакой группировки громаднаго матеріала, то читатель блуждаетъ въ ней какъ въ первобытномъ лѣсу безъ путеводителя.

13. Lesk. u. Brug. Litauische Volkslieder und Märchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen, gesammelt von A. Leskien und K. Brugman. Strassburg, 1882.

Въ сочиненіи этомъ помѣщены Лескиномъ 143 пѣсни изъ Вилкишкенской окрестности и Бругманомъ 106 изъ Годлевы, при чемъ и тѣмъ и другимъ предпосланы предварительныя примѣчанія.

14. Bezz. L. F.: Bezenberger A., Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Göttingen, 1882.

Сочиненіе это заключаетъ, между другимъ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ, 67 пѣсенъ, снабженныхъ замѣчаніями и ссылками, и въ концѣ книги находятся ноты къ нѣкоторымъ дайнамъ.

15. Jušk. L. sv. d. Lietuviškos Svotbinių Dainos, užrašytos par Antaną Juškėvičę ir išspaudintos par Joną Juškėvičę. Petropūlė, 1883. Литовскія Свадебныя Народныя Пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Санктпетербургъ, 1883.

Это — второй, также весьма объемистый, сборникъ, вмѣщающій 1100 литовскихъ свадебныхъ народныхъ пѣсенъ, коимъ предпослано предисловіе на русскомъ и литовскомъ языкахъ. Издатель самъ замѣчаетъ, что тутъ „немало встрѣчается свадебныхъ пѣсенъ, которыя происходятъ изъ глубокой старины, отъ того времени, когда существовали отличные отъ теперешнихъ свадебные обычаи и обряды. Во второй части настоящей книги, въ числѣ обрядовыхъ пѣсенъ, встрѣчается гораздо болѣе пѣсенъ приличныхъ совершаемому обряду; онѣ поются на свадьбахъ тѣхъ Велѣнскихъ Литовцевъ, которые придерживаются еще обычаевъ своихъ отцовъ и предковъ. Къ третьей части свадебныхъ пѣсенъ отнесены тѣ пѣсни, въ которыхъ молодая или молодой хвалитъ или хулитъ свою долю. Здѣсь помѣщены тоже тѣ пѣсни, которыя можно бы отнести къ тому или другому обряду.“ Тутъ очень богатый матеріалъ уже довольно обстоятельно группированъ; именно, пѣсни по своему характеру раздѣлены на нѣсколько частей.

16. Mitt.: Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft. Erster Band. Heidelberg, 1883.

Въ этомъ томѣ опубликовано только незначительное число пѣсенъ.

17. Bar.: Bartsch Chr., Dainu Balsai. Melodien litau-

scher Volkslieder, gesammelt und mit Textübersetzung, Anmerkungen und Einleitung im Auftrage der Litauischen Litterarischen Gesellschaft herausgegeben. Erster Teil. Heidelberg, 1886. Zweiter Teil. Heidelberg, 1889.

Тутъ помѣщены 392 лит. нар. пѣсни, переведенныя на нѣмецкій языкъ, болѣею частью уже извѣстныя и снабженныя напѣвами. Каждая изъ этихъ пѣсенъ содержитъ лишь начальную строфу въ литовскомъ подлинникѣ. Сочиненіе это имѣетъ цѣлью ознакомить нѣмецкую публику преимущественно съ литовскою народною музыкою.

б) Латышскіе.

Первыя латышскія народныя пѣсни напечатаны въ латышской грамматикѣ Г. Ф. Стендера (Первое изданіе, Брауншвейгъ, 1761 г.), слѣдовательно — позже литовскихъ народныхъ произведеній. Въ изданіи „Gelehrte Beiträge, Riga 1764“ опубликовано тоже нѣсколько латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Гердлеръ былъ первый, который, ознакомившись съ поименованными учеными записками, обратилъ вниманіе въ своей книгѣ „Stimmen der Völker in Liedern“ и на латышскую народную поэзію. Хотя цивилизованный міръ узналъ о латышскихъ пѣсняхъ позже, чѣмъ о литовскихъ, все-таки сборники латышскаго народнаго творчества стали появляться раньше, чѣмъ литовскіе. Здѣсь слѣдуютъ источники въ хронологическомъ порядкѣ съ указаніями тѣхъ сокращеній, подъ которыми они цитуются.

1. St.: Stender G. Fr. Lettische Grammatik, verfasst von Gotthard Friedrich Stender, Probst des Selburgischen Kirchenkreises, Pastor senior zu Selburg und Sonnaxt, und der Königl. deutschen Gesellschaft zu Göttingen Mitgliede. Zweyte Auflage, von dem Verfasser selbst verbessert, vermehret und von neuem umgearbeitet. Mitau, 1783.

„Damit man sich von dem Genio dieser Liederchens näher Begriffe machen möge, will ich einige derselben mit ihrer wörtlichen Uebersetzung hersetzen“. Такъ говоритъ самъ авторъ въ этой грамматикѣ и приводитъ 14 пѣсенъ, — нѣкоторыя изъ нихъ только въ отрывкахъ, какъ примѣры для трагемой имъ латышской поэтики.

2. Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen

Gesellschaft. Fünften Bandes erstes und zweites Stück. Mitau, 1835. Тутъ помѣщены:

- Bergm. { (a) (Erste) Sammlung acht Lettischer Sinngedichte von Gustav von Bergmann. Rujen, 1807.
(b) Zweite Sammlung Lettischer Sinn- oder Stegreifs-Gedichte von Gustav von Bergmann. Rujen, 1808.
в) Palzmareeschu Dseešmu Krahjums (Lettische und Palzmarsche Lieder und Sinngedichte). Von Fr. Daniel Wahr. 1807.

Тутъ имѣется и изъ первыхъ трехъ латышскихъ сборниковъ множество пѣсенъ, при чемъ пѣснямъ, собраннымъ Бергманомъ, предпослана англійская рецензія въ нѣмецкомъ переводѣ. Первый изъ этихъ выпусковъ заключаетъ 238 и второй 252, всего 490 пѣсенъ, которыя Бергманомъ собственноручно были напечатаны въ немногихъ экземплярахъ, никогда не появлявшихся въ продажѣ. Въ введеніи къ этимъ пѣснямъ, записаннымъ въ Лифляндіи и Курляндіи и получившимъ столь малую извѣстность, пасторъ фонъ Бергманъ обратился къ своимъ младшимъ товарищамъ по службѣ съ воззваніемъ, ревностно собирать латышскую народную поэзію. Воззвание это дало поводъ пастору Вару немедленно выступить съ сборникомъ, содержащимъ 411 народныхъ пѣсенъ. Вотъ три первые сборника латышскихъ народныхъ произведеній, которые впрочемъ весьма неполны и не имѣли никакого распространенія.

3. Büttner: G. F. Büttner, Latweeschu ļauschu dseešmas un singes. Latweeschu tautai un wiņņas draugeem ļagahdatas po Latweeschu draugu beedribas. Jelgawā, 1844. (Латышскія народныя пѣсни и романсы. Латышскому народу и его друзьямъ. Изданы Обществомъ Латышскихъ Друзей. Митава, 1844 г.)

Это — первый объемистый сборникъ, который даетъ возможность обстоятельно ознакомиться съ латышскою національною поэзіею и составляетъ надежное основаніе для ея изученія. Такъ какъ пасторъ Бютнеръ самъ собралъ болѣе 3400 пѣсенъ, къ которымъ присоединилъ пѣсни, полученные имъ отъ профессора и ректора Дерптскаго университета Д-ра Ульмана, и три уже упомянутыхъ изданія, то въ его трудъ вошло около 4500 народныхъ пѣсенъ и 760 ихъ варіантовъ. Но изъ нихъ вошли въ его сборникъ только

2854 пѣсни. Тутъ пѣсни разгруппированы по содержанію и мѣстностямъ, въ которыхъ онѣ собраны, и показываютъ разнообразныя діалектическія оттѣнки. Въ предисловіи Бютнеръ говоритъ, что онъ этимъ сборникомъ хотѣлъ 1) до сихъ поръ мало извѣстную народную поэзію сдѣлать публикѣ доступною, 2) латышамъ сохранить сокровище ихъ національнаго (духовнаго) произведенія и 3) наконецъ, открыть языковѣдамъ источникъ изученія настоящаго латышскаго языка (Sprachstudium). Все это въ своемъ сборникѣ онъ — этотъ отличный знатокъ и критикъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ — дѣйствительно мастерски исполнилъ. Въ приложеніи встрѣчаются краткія объясненія и замѣчанія.

4. Šeh.: Šeha, dabba, pašauļe. Trešča grahmata. Tehratā 1860 gaddā. (Дворъ, природа, міръ. Третья книга. Юрьевъ, 1860 г.)

Этотъ выпускъ заключаетъ между прочимъ народныя пѣсни. Если выбросить подѣльные, то остается тутъ около 128 чисто народныхъ пѣсенъ, большею частью четверостишій.

5. Спр.: Памятники латышскаго народнаго творчества, собраны и изданы Иваномъ Спрогисомъ. Вильна 1868.

Эти пѣсни собраны у Западной Двины на границѣ трехъ губерній, Лифляндской, Курляндской и Витебской, именно — въ окрестностяхъ Штокмансгофа и Кокенгузена. Большое достоинство этого почти во всѣхъ отношеніяхъ надежнаго сборника, вмѣщающаго 1857 пѣсенъ, покоится какъ на многочисленныхъ, интересныхъ вариантахъ къ уже извѣстнымъ пѣснямъ, такъ и на многихъ новыхъ произведеніяхъ. Онъ напечатанъ русскими буквами, снабженъ русскимъ переводомъ и введеніемъ, трактующимъ о латышскомъ народномъ пѣснотворествѣ.

6. Pl. u. M.: Plater Comtesse C. v. u. Mannteuffel-Szoegé Baron G. v. Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. Vierzehnten Bandes zweites Stück. Mitau, 1869. Lettische Volkslieder von Comtesse Celine von Plater und Baron G. von Mannteuffel-Szoegé.

Въ этомъ томѣ встрѣчаются 170 пѣсенъ, собранныхъ въ Краславской окрестности Витебской губерніи. Эти пѣсни особенно драгоценны вслѣдствіе собственнаго говора Краславской окрестности. Нѣсколько изъ нихъ (съ измѣненіями)

уже напечатано въ „Inflantu ziemes laika gramata“ („Временникъ инфлантской земли“).

7. Zim.: Zimse J., Dseesmu rota jauneklēm un wihreem. Otra daļa. Lauka puķes. Latweeschu tautas-dseesmas. Apgah-datas no J. Zimse, seminara direktora. Leipzija, 1872. Trešā daļa. Rihgā, 1874. Zeturta un peekta daļa. Rihgā, 1875. Šestā daļa. Rihgā, 1879. (Полевые цвѣты. Латышскія народныя пѣсни въ четырехъ выпускахъ.)

Въ этихъ четырехъ выпускахъ и пяти частяхъ находятся переложенные на ноты латышскіе народные напѣвы съ ихъ текстами. Въ этихъ послѣднихъ иногда разбросаны безъ строгаго разбора чисто народныя пѣсни между искусственными; но все-таки при тщательной критикѣ и тутъ получается богатая добыча чисто народной поэзіи.

8. Брив.; Бривземніакъ Фр., Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва, 1873.

Въ этомъ сборникѣ мы находимъ 1118 пѣсень, напечатанныхъ русскими буквами и снабженныхъ русскимъ переводомъ. Предпосланы ему предисловіе и статья о народной поэзіи латышей. Сочиненіе сопровождается поясненіями и замѣчаніями къ пѣснямъ, гдѣ этнографъ можетъ найти краткія указанія на нѣкоторыя стороны народнаго быта и характера.

9. Biel.: Bielenstein A., Latweeschu tautas dseesmas. Šameklētas un peeždešmitam beedribas gadam par peemiņu drukā dōtas no Latweeschu draugu beedribas. I. Leipzigā, 1874. II. Leipzigā, 1875. (Латышскіе народныя пѣсни. Собранныя и въ память 50-лѣтней годовщины изданы Обществомъ латышскихъ друзей (подъ редакціею А. Биленштейна). I. Лейпцигъ, 1874. II. Лейпцигъ, 1875.)

Этотъ сборникъ началъ выходить къ 50-лѣтнему юбилею Латышскаго литературнаго общества и долженъ былъ заключать въ себѣ какъ пѣсни, записанныя еще въ молодыхъ годахъ самимъ Биленштейномъ и его товарищами съ устъ народа, такъ и пѣсни, собранныя и напечатанныя Бютнеромъ, потому что его изданіе было распродано. Предположено было въ четырехъ выпускахъ издаваемого сборника напечатать отъ 9000—10000 четырехстишій. Къ сожалѣнію, до сихъ

поръ появились лишь первые два выпуска съ 4793 пѣснями, расположенными, какъ и въ изданіи Бютнера, по содержанію и мѣстностямъ, гдѣ онѣ собраны.

10. Taut. d.: Tautas dseesmas šalašitas Wentas krastōs Leišmalē. Leepajā, 1876. (Народныя пѣсни. Собранныя на берегахъ Виндавы на литовской границѣ. Либава, 1876.)

Какъ сказано въ заглавіи, эти пѣсни, всего 475, собраны у береговъ рѣки Виндавы на литовской границѣ. Въ сборникѣ этомъ въ первый разъ (послѣ Г. Ф. Стендера) справедливо отдѣлены длинныя пѣсни (zinges, dainas или романсы, здѣсь названы dzejoli) отъ краткихъ (dziesmas).

11. Jur.: Jurjanu Andrejs, Latweeschu tautas dzeesmu krājums. I. Rīgā, 1884. II. Rīgā, 1885. (Латышскія народныя пѣсни, собранныя А. А. Юрьяномъ. Lettische Volkslieder, gesammelt von A. Jurjan.)

Въ этихъ двухъ выпускахъ напечатано всего 20 пѣсень или народныхъ романсовъ съ ихъ мелодіями.

12. Bezz. L. D.: Bezenberger A., Lettische Dialekt-Studien. Göttingen, 1885.

Тутъ между прочимъ помѣщены, какъ діалектическіе примѣры, около 79 пѣсень. За исключеніемъ нѣкоторыхъ не чисто народныхъ произведеній мы и здѣсь имѣемъ возможность познакомиться съ самобытнымъ народнымъ творчествомъ.

13. Ar. M.: Muhšu Tautas dseesmas. Pa tehwiņas kalneem un lejālm lašitas un waiņagā wihtas Aronu Matisa. Rīgā, 1888. (Наши народныя пѣсни. По горамъ и долинамъ отечества собраны Матисомъ Арономъ.)

Сборникъ этотъ содержитъ 2067 пѣсень. Составитель сборника, какъ видно изъ его разныхъ замѣчаній, имѣлъ цѣлью, возбудить и оживить въ народѣ интересъ къ наслѣдованной отъ предковъ поэзіи.

14. R. kr.: Rakstu krajums izdots no Rīgas Latveešu Beedribas Zinību Komisijas. 5. krajums. Latveešu tautas dzeesmas. Jelgavā, 1889. 6. krajums. Jelgavā, 1890. (Сборникъ, изданный научною комиссіею Рижскаго Латышскаго Общества. Выпускъ 5. Латышскія народныя пѣсни. Митава, 1889. Выпускъ 6. Митава, 1890.)

Въ пятомъ выпускѣ находятся 1377 пѣсень, группиро-

ванныхъ такимъ же образомъ, какъ въ вышепоименованномъ сборникѣ Спрогиса. Въ шестомъ выпускѣ встрѣчаются между прочимъ описанія латышскихъ свадебныхъ обрядовъ, гдѣ, какъ и въ вышеупомянутыхъ описаніяхъ свадебныхъ обрядовъ литовцевъ, цитуются множество латышскихъ народныхъ пѣсень.

15. R. nod.: Jelgawas Latweešchu Beedribas Rakstnezibas Nodaļas Rakstu krahjums. I. Tautas dzeesmu virknes. Jelgavā, 1890. II. Jelgavā, 1893. (Сборникъ литературнаго отдѣленія Митавскаго Латышскаго Общества. I выпускъ. Народныя пѣсни. Митава, 1890. II выпускъ. Митава, 1893.)

Первый выпускъ содержитъ 168 большею частью длинныхъ пѣсень или народныхъ романсовъ; второй заключаетъ около 127 большею частью четверостишія, написанныхъ какъ діалектическіе примѣры въ разныхъ говорахъ.

16. Э. В.: Вольтеръ Э. А., Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи. Собралъ и снабдилъ объясненіями Э. А. Вольтеръ. Часть I. Праздники и семейныя пѣсни латышей. Санктпетербургъ, 1890.

Въ этомъ сборникѣ этнографическихъ матеріаловъ помѣщено около 900, частью уже извѣстныхъ, изъ прежнихъ изданій заимствованныхъ, частью до того времени еще не опубликованныхъ, пѣсень. Пѣсни сопровождаются русскимъ переводомъ и объясненіями. Эта работа исполнена почти безъ всякой критической оцѣнки. Тутъ, напр., часто встрѣчаются четверостишія съ искаженными и невѣрно переданными мыслями. Кажется, собиратель недостаточно понималъ латышскій языкъ, въ особенности верхнелатышское нарѣчіе, на которомъ эти пѣсни написаны. Этимъ объемистымъ, но весьма ненадежнымъ сочиненіемъ надо пользоваться очень осторожно. Въ предисловіи обѣщана вторая часть этого сборника, но до сихъ поръ еще не появилась.

17. R. B.: Behrsip R., Latwijas wijolites. Tautas romazes, šakahrtotas un isdotas no R. B. I. waiņags. Jelgavā, 1894. (Фіалки латышской земли. Народные романсы, собраны и изданы Р. Берзинемъ. I вѣнокъ. Митава, 1894.)

Тутъ находятся 60 народныхъ романсовъ съ приложеніемъ напѣвовъ для 20 изъ нихъ. Въ предисловіи собиратель обѣщаетъ, послѣ благосклонной встрѣчи его труда, издать и второй томъ.

18. Austr.: Austrums sinibas un rakstnezibas mehnešch-raksts. Jelgavā 1885—1894. (Востокъ, научно-литературный ежемѣсячный журналъ. Митава, 1885—1894.)

Тутъ встрѣчаются, именно въ № 8 1894 г., нѣкоторые годные для моей цѣли народные романсы.

19. B. et W.: Baron Kr. et Wissendorff H., Chansons nationales lataviennes. Latwju dainas. Kr. Barona un H. Wissendorffa isdotas. Jelgavā, 1894.

Этотъ сборникъ началъ лишь недавно выходить и въ настоящее время появились только четыре выпуска, заключающіе, кромѣ очень многочисленныхъ вариантовъ, 2043 пѣсень. Упомянутый сборникъ, какъ видно, будетъ далеко превосходить своимъ объемомъ всѣ предшествующіе. Онъ долженъ вмѣстить въ себѣ всѣ прежнія изданія и новыя пѣсни со всѣми вариантами — всего на всего 150,000 произведеній, расположенныхъ по новой группировкѣ и классификаціи.

20. L.: Мною собранныя въ Нижней Курляндіи, но еще ненапечатанныя латышскія народныя произведенія.

Библиотека
О-ва Студ. Юристовъ
Юрьевъ,

№

Тексты.

Литовские.

Латышские.

I. Пѣсни о пѣннѣ.

Bezz. L. F. 54.
Jušk. L. d. 66; 756.

Ar. M. 143; 144; 145.
B. et W. 26; 758; 759.

Aš išdainoju
Visas dainėles,
Dar vėnos nedainavau.
Aš išdainošu
Pavasarių
Rutėles rovēdama.

Visas dziesmas izdziedaju,
Brāla govis ganidama,
Vienas dziesmas nedziedaju —
To dziedāšu vakarā,
To dziedāšu vakarāi
Mazajai māsiņai.

II. Миѣическія пѣсни.

1. Свадьба дочери Солнца.

Rh. 26 (220) Ness. 4.
Schl. 4.

L... (Bergm.) Брив. 41; 43; 89.
W. Mannhardt (Zeitschrift für
Ethnologie, Jahrgang 1875. Die
lettischen Sonnenmythen) 72; 73.
K. Ulmann (Lettische Volkslie-
der, übertragen im Versmass der
Originale, Riga, 1874) 451; стр.
195, № 16.

Aušrine svodba kēle,
Perkuns pro vartus ijojo ¹⁾,
Aužolą žalą ²⁾ parmuše.

Mēness jēma Saules meitu ¹⁾,
Pērkons jāja panākstōs,

- 1) Ness. jojo.
2) Schl. žalių; Ness. Žal'aužolą.

1) Zim. III, 99.
Ausekls pēma Saules meitu,
Pērkons jāja vedejōs.

Aužolo krauj's vervėdams
Apšlakste mano ¹⁾ drabužius,
Apšlakste vainikėlį.

Saulės dukryte verkiant
Surinko tris metėlius,
Pavytusius ²⁾ lapėlius.

O kur, mamyte mano,
Drabužius išmazgōsu?
Kur kraują išmazgōsu?

Dukryte, mano jaunoji ³⁾,
Eik pas tą ežerātį,
Kur tėk devynos ⁴⁾ upātes.

O kur, mamyte mano,
Drabužėlius džovisu? ⁵⁾
Kur vėje išdžovisu?

Dukryte, tame daržatij',
Kur aug devynos rožates.

O kur, mamyte mano,
Drabužėis apsivilksu?
Baltosus išnešōsu?

Dukryte, toj' diėnėlej',
Kad spīs devynos Saulėles.

Pa vārtiemi iejādāmis,
Nospēr' zelta ozoliņ',
Nošlak manus brūnus svārkus
Ar ozola asinīm.
Saules meita trīs gad' raudaj',
Zelta zarus lasidam'.
Mīlai Mārai pavaicāju:
Kur es svārkus ismazgāšu?
Mazgā, puisi, tai upēi,
Kur deviņas straumes tek.
Mīlai Mārai pavaicāju:
Kur es svārkus izžāvėšu?
Žāvė, puisi, tai dārzāi,
Kur deviņas rōzes aug.

Pa vārtiemi iebraucoti
Nosper zelta ābelit'.
Saules meita trīs gad' raudaj',
Zelt' ābolus lasidama. Слячи
ниже (5) второе замѣчаніе.

Taut. d. 9.

Auseklitis aistecejis
Saules meitu lūkoties.
Mēness jēma Saules meitu,
Pērkons jāja panākstōs;
Isjādāmis, pārjādāmis
Sasper zelta ozoliņu.
Saulē ¹⁾ raude trīs gadiņus
Zelta zarus lasidama;
Trīs gadiņi ceturta
Usjem pašu galokniti.
Saules meitas nopinušas
Zelta zaru vaiņadziņu,
Nopinušas, nonesušas
Mīlas Māras baznicā. — — — ²⁾

- 1) Ness. man.
2) Schl. pavýtusius.
3) Ness. jauna.
4) Schl. devýnios.
5) Schl. džovįsiu.

1) Брив. 43 Sērdianite gauži
raud — — —
2) См. ниже (5) Var. Taut.
d. 9.

Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kur es svārkus sarullēšu?
 Rullē, puisi, tai rullēi,
 Kur deviņi vilcejiņi.
 Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kur es svārkus paglabāšu?
 Glabā, puisi, tai klētēi,
 Kur deviņas atslēdziņas.
 Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kad es svārkus novalkāšu?
 Valkā, puisi, tai dienai,
 Kur deviņas Saules spīd.

1. Var. Austr. 1894 r. № 8,
 crp. 97.

Saki, saki, sakulīti,
 Kādi viesi istabai?
 Sirmu zirgu mītenieki,
 Jaunu meitu precinieki. —
 Kam tie zirgi, kam tie rati
 Pie Saulītes nama durvu? —
 Dieva zirgi, Laimas rati,
 Saules meitas precenieki.
 Dieva dēli pūru veda
 Ausekliņa-dēliņam,
 Dieva dēli pūru veda
 Meža galus kārstidami:
 Liepai kāra zelta ziedus,
 Priedei mēlu villainīti,
 Mazajama bērziņama
 Zelta griestu gredzentiņu.
 Saules meita isjādama
 Lūdz Pērkonu panākstōs;
 Pērkonītis isjādamis
 Nosper zelta ozoliņu.
 Nošlac manus brūņus svārkus
 Ar ozola asinīm. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus ismazgāšu? —
 Meklē tādu lielupiti,

Kur deviņas straumes tek;
 Devītāi straumītēi,
 Tur tu viņus ismazgāsi.
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus isžavēšu? —
 Meklē tādu lielu osi,
 Kam deviņas atvasītes;
 Devītāi atvasēi etc. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus sarullēšu? —
 Meklē tādu lielu rulli,
 Kam deviņi vilcieniņi;
 Devītāi vilcienāi etc. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus paglabāšu? —
 Meklē tādu liepas pūru,
 Kam deviņas atslēdziņas;
 Ais devītas atslēdziņas —
 Tur tu viņus paglabāsi.

2. Var. Брив. 42.

Zirgi zviadz, velni brāuc,
 Tek upīte dzirkstēdam';
 Es stāvēju maliņā
 Ar asūa zuabenīp'.
 Es sacirtu velnam galvu
 Deviņām gabaliem.
 Man apskrēja brūni svārki
 Ar tām velna asinīm.
 Es māsīp' pavaicāju:
 Kur es viņus izmazgāšu?
 — Meklē tādu ezerīp'
 Deviņām istekām.
 Es māsīp' pavaicāju:
 Kur es viņus izkaltēš'?
 — Meklē tādu uazualip'
 Deviņām žuburiam.
 Es māsīp' pavaicāju:
 Kur es viņu sarullēšu?
 — Meklē tādu ruļļu galdu
 Deviņām vilcējam.

Es māsīņ' pavaicāju:
Kur es viņu paglabāšu?
— Meklē tādu šķirstu galdu
Devīnām atslégām.

3. Var. Спр. стр. 303 и 304.
K. Ulm. стр. 187, № 13.

Laime gāja baznicā,
Mani līdzī aicināja.
Laime joza zelta jostu,
Man iedeva sudrabiņa.
Ta sacīja iedodama:
„Nes, meitiņ', ar godīņu!“
Apsa-gauži-raudajos¹⁾,
Tos vārdīpus dzirdedama.
Kur es būšu noslaucīt
Savas gaudas asariņas?
Jedod man pate Laime
Savu zīda nazdaudziņ'.
Kur es viņu izmazgašu.
Laimes dotu nazdaudziņu?
Pate Laime parādīja
Zelt-upiti lejiņā.
Kur es viņu izkaltešu,
Laimes dotu nazdaudziņu?
Pate Laime parādīja
Zelta kārti dārziņā.
Kur es viņu sarullešu,
Laimes dotu nazdaudziņu?
Pate Laime parādīja
Zelta rulli kambarē.
— Izkalte, sarulle,
Liec pūriņa dibinā!
Kad atnāce svēta diena,
Tad iedod arajam, —
Tad iedod arajam
Laimes dotu nazdaudziņu.
Kad iedama tautiņās,
Sedz man baltu vilnaniti!

1) Вмѣсто: Gauži apsaraudajos.

2. Poza (var. 606x).

Rh. 84 (300). Schl. стр. 10. Bergm. II, p. 67, № 237. W.
Mannhardt 83.

Žemynēle¹⁾, žiedeklēle²⁾,
Kur sodīsu rožu šakēlē?
Ant aukšto kalnēlio,
Prie jurū, prie marēlū³⁾.
Žemynēle, žiedeklēle,
Kur rāsu tėvā, močutē,
Aš prastumta vargdienute?
Eik ant aukšto kalnēlio,
Pri jurū, pri marēlū!⁴⁾

Iš rožu kelmāčo
Užaugo didis medatis,
Šakos iki debeseliū.
Užkopsu ant debeseliū
Per tas rožu šakēles.

Ir sutikau jaunā bernytī
Ant Dievo žirgyčo.
Ay bernyti, raitelyti,
Ar ne regējei tevā, močutē?
Mērgyte, mano jaunoji,
Eik ī pakalnēs šali,
Ten tevēlis, močute
Sesytei svodbā kēla⁴⁾.

Nuėjus' ī pakalnē:
Lab' ryt', laba dien', tetuti,
Lab' ryt', laba dien', močute,
Kam manē mažā prastumēt
Ī svetimus žmonēles?

Man bij viena zelta rōze,
Kur mēs to stādīsim?
Tur mēs to stādīsim —
Pašā kalna galipā.

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Tur usauge garas rōzes
Līdz pašām debesīm.
Es uskāpu debesīs
Par tiem rōžu zariņiem.

Es atradu Dieva dēlu,
Kumeliņu seglojot.
Lab' rīt', lab' rīt', Dieva dēls,
Voi redzej' tėv' ar māt' ?
Tēvs ar māti Vāczemē
Bālulīpam kāzas dzer.

Es nogāju Vāczemē
Pa tiem jūras licišiem.
Lab' rīt', lab' rīt', tėvs ar māt',
Kur jūs mani maz' atstājat?

1) И въ латышскихъ народ-
ныхъ пѣсняхъ встрѣчается эта
богиня, какъ-то: Vai, lūdzama,
Zemes-māte, — — (Būtn. 238.
Спр. стр. 218, № 18 и 21).

2) Schl. žēdkelēle.

3) Schl. prē jūriu, prē marēliu.

4) Schl. kēlie.

Užaugau dide mergāte;
Viena radau lopšytelī,
Kur džaungiaus' kudikele¹⁾).

Var. Ness. 7.

Žemynēle, Žēdēklele,
Kur rožiū šakā sodīsiu?
Sodīk ant aukšto kalnelio,
Prē jureliū, prē mareliū.

Žemynēle, Žēdēklele,
Kur rasiu tėvā, močūtē?
Rasi ant aukšto kalnelio,
Prē jureliū, prē mareliū.

Užaugo didis medatis,
Šakos iki debeseliū.
Užkopjau ant debeseliū
Per tas roželiū šakeles.

Sutikau jaunā bernytī
Jojant ant Dēvo žirgyčo.
Ey bernyti, raitelyti,
Ar matai tėvā, močūtē?

Mergyte, mano jaunoji,
Eik ī Pakalnes šalelē,
Ten tėvelis, ten močute
Sesytelei svodbā kelia.

Nuėjusi ī Pakalnē:
Lab' ryt', laba dēn', tetuti,
Lab' ryt', laba dēn, močute,
Kam manē jaunā prastumēt?

Prastumēt manē ī žmones.
Užaugau dide mergate.
Vēno radau lopšytelī,
Kur džaungiausi kudikele.

Es usaugu liela meit';
Šūpulit' es vien atradu,
Kur es maziņš ligojos.

1. Var. Брив. 90.

Es dēstiju baltu rūazi
Baltā smilkšu kalniņā;
Man izāuga kupla rūaze
Līdz pašāmi debesīm.

Pa tiam rūazu zariņiam
Es uzkāpu debesīs.
Es redzēju Diava dēlu,
Baltus zirgus segluajuat.

Diavs palidze, Diava dēls!
Vaj redzēj' tėv' ar māti?
— Tēvs ar māti Vāczemē
Bāliņam kāzas dzer.

Es apkālu krauklām kājas,
Es nūajāju Vāczemē.
Vāczemniaki brinejās:
Tavu melnu kumeliņ!

2. Var. R. nod. I, 46.

Es iedēstu baltu rōzi
Baltā smilšu kalniņā.
Ta usauga gara, leela
Līdz pašāmi debesīm.

Es iekāpu debesīs
Pa rōzites zariņiem.
Redzu pašu Dieva dēlu
Sirmu zirgu seglojam.

Dievs palidzi, Dieva dēli,
Vaj redzeji tėv' ar māt'?
— Tēvs ar māti Vāczemēi
Bāliņami kāzas dzer.

3. Var. Э. В. стр. 370, а 2.

Es uzkāpu debesīs
Pa rūzejtes lapeņōm,
Es atrodu D'īva dālu

Kumēleņu saglūjūt.
D'īvs paleidz, D'īva dāls,
Kumēleņu saglūjūt.
D'īvs paleidz, D'īva dāls,
Oj redzeji munu moati?
Tavs tās, tava moate
Jyuras molā kozas džār.
Muns tās, muna moate,
Kur jyus maņi pamātōf?
Sydabrēna šyupūli
Eņģelejšu šyupūjūt.

4. Var. Брив. 88.

Es dabuju baltu pupu,
Stādij' kalna galiņā.
Ta izāuga liala, gara
Līdz pašām debesīm.
Es uzkāpu debesīs
Pa tiam pupu zariņiam;
Tur redzēju Diava dēlu
Kumeliņu sedlūajam.
„Labdian, labdian, Diava dēls!
Kur aizgāja tēvs ar māt’?“
— Tēvs ar māt' Vāczemē,
Saules meitai kāzas dzer:
Saule pate pūru vede
Mežiam galus veltidama:
Uazūalam rāibus cimdus,
Līapai zaļu villāiniti,
Mazājam kārkliņam —
Apzeltītu priavitīnu.

5. Var. Сп. стр. 72.

Es dabuju baltu pupu
Daugaviņas maliņā.
Teku šurpu, teku turpu,
Kur es viņu iedēstišu?
Teku rōžu dārziņā,
Tur es viņu iedēstiju.

1) Schl. kudikēlis, masc. gen.

Ta bij man uzaugusi
 Līdz pašām debesīm.
 Es uzkāpu debesis
 Pa pupiņas lapiņām;
 Jeraudziju Dieva dēlu,
 Kumeliņu seglojot.
 — Labrītī, Dieva dēls!
 Kur jums tēvs, māmaliņa?
 — Tēvs ar māti jūrmalē
 Es paliku šai zemē;
 Es paliku šai zemē
 Zobenīņu kaldināt.
 Es pakalu zobenīņu
 No bitītes dzenoliņa.
 Es sacirtu jōdu (velna) māti
 Deviņiem gabaliem.
 Man apskrēja brūni svārki
 Ar teem jōdu asiniem.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus izmazgašu?
 — Dabu tādu ezeriņu,
 Kur deviņas upes tek.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus izkaltešu?
 — Dabu tādu ozoliņu,
 Kur deviņi žuburiņi.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus izrullešu?
 — Dabu tādu ruļļu koku,
 Kur deviņi vilcejiņi.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus paglabašu?
 — Dabu tādu šķirsta lādi,
 Kur deviņas atslēdziņas.

6. Var. Zim. III, 99.

Stādij' vienu baltu pupu
 Baltā smilšu kalniņā.
 Ta usauga tieva, gara
 Līdz pašām debesīm.

Es uskāpu debess virsū
 Pa tiem pupu zariņiem.
 Es redzeju Dieva dēlus
 Kumeliņus seglojoti.
 Labrīt, labrīt, Dieva dēli,
 Kur redzejāt tēv' un māt' ?
 Tēvs un māte Vāczemītē
 Saules meitai kāzas dzer.
 Ausekls ņēma Saules meitu,
 Pērkons jāja vedejās.
 Pa vārtiemi iebrāucoti
 Nosper zelta ābelīt'.
 Saules meita trīs gad' raudaj',
 Zelt' ābolus lasidama.

7. Var. 3. B. стр. 371 а 3.

Treis dīnešes, treis naksnešes
 Nī putrōm' ās naraudzeju.
 Dijs nūsvīd'e vīnu pupu,
 Tū samynu kōjeņōm;
 Tei izauga kupla gara
 Da patīm debesīm.
 Ās ikōp debesis
 Pa tōs pupēs zařeņīm:
 Tur redzēju Dīva dālū
 Kumelēnu sadlojūt.
 Dijs paleidž, Dīva dāls,
 Redzēj munu tāv' ar mōti?
 Paldis, cīma dzaltaņeite,
 Redzēj tavu tāv ar mōtē,
 Deviņūs kambarūs,
 Aiz deveņ atslēdzeņ!

3. Солнце заботящееся о сиротахъ.

Rh. 78 (282).

Miela Saulyte, Dievo dukryte,
 Kur taip ilgay užtrukei,
 Kur taip ilgay gyvenai,
 Nū mus' atstojusi?

Спр. стр. 309, № 2 и 4.

Kur, Saulite, kavejies,
 Ka tu agri ne izlēci?
 — — — — —
 — — — — —

Po juriū, po kalneliū
Kavojau sirateles,
Sušildžau piemenāčus.

Miela Saulyte, Dievo dukryte,
Kas rytais, vakarėleis
Prakure tav ugnėlį?
Tav klojo patalėlį?

Aušrine, Vakarine:
Aušrine ugnį prakure,
Vakarine patalą klojo.
Daug mano gimenėles,
Daug mano dovaneliū.

1. Var. Ness. 1.

Saulyte, Dėvo dukte,
Kur taip ilgay užtrukai?
Kur taip ilgay gyvenai,
Nū musū atstojusi?

Po juriū, po kalneliū
Kavojau sirateles,
Sušildau pėmenačus.
Daug mano dūvaneliū.

Saulyte, Dėvo dukte,
Kas rytais, vakarėleis
Prakure tav ugnelę?
Tav klojo patalėlį?

Aušrine, Vakarine:
Aušrine ugnuželę,
Vak'rine patalėlį.
Daug mano gimenelės.

2. Var. Schl. стр. 3.

Mėlā Saulytė, Dėvo dukrūtė,
Kūr teip ilgai užtrukai,
Kūr teip ilgai gyvenai,
Nū mūs atstojusi?

Mėlā Saulytė, Dėvo dukrūtė,
Kās rýtais, vakarėleis
Prakūrė tāv ugnėlę,
Tāv klójo patalėlį?

Aiz kalniņa kavejos,
Bāreniti sildidama. —

Ai, Saulit', māmaliņ,
Parādies ganiņam:
Ganiņam gara diena,
Kad Saulites ne redzeja!

1. Var. Biel. 3798.

Kur, Saulite, kavėjies,
Ka tik spodri netecēji?
Aiz kalniņa kavėjos,
Bārenišu sildidama.
Pulciņš teka bārenišu
Basājām kājiņām.

2. Var. Zim. VI, 9. Ar. M. 218.

Kas tie tādi, kas dziedāja
Bes Saulites vakarā?
Tie ir visi bāra bērni,
Bārgu kungu klausitaj'.
Kurin' ugun' ¹⁾, silda gaisu,
Slauka gaužas asariņ's ²⁾;
Krimta cietu pelav' maizi,
Avotiņā mērcedam'.

Saulit' vėlu vakarāi
Sėžās zelta laiviņā.
Ritā agri uslēkdama,
Atstāj laivu ligojot.

1) Лучше: Кур уguni.

2) Поправлено вместо непра-
вильного „asaras“.

Aušrinė, Vakarinė;
Aušrinė ugnį prakūrė,
Vakarinė patalą klójo.
Daug máno gimenėlės,
Daug máno dovaneliū.

Kam, Saulite, vėlu lėci?
Kur tik ilgi kavėjies?
Ais viñiemi kalniñiemi,
Bāra bėrnus sildidam'.

3. Var. Biel. 3779.

Kur, Saulite, kavėjies,
Ka' tu agri neūzlėci?
Aiz kalniņu kavėjos,
Sėrdienišus sildidama.

4. Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ.

Rh. 27 (92).

Menū Saulužę vede
Pirmą pavasarelį.

Sauluže anksti kelės;
Menužis atsiskyre.

Herder (Stimm. d. V.) 9.

Gestern nicht, es war schon
lange ¹⁾,
Da die Sonne Braut noch war;
Gestern nicht, es war schon
lange,

Als der erste Sommer ward.
— — Rejta agry Saule lacia,
Vokorā Mieniestiañč. — — —
(Pl.-M. 101.)

Var. Zim. II, 38 (I. 1);
VI, 9. Ar. M. 218.

(Saulit' vėlu vakarā
Sėžās zelta laiviņā.)
Ritā agri uslēkdama
Atstāj laivu ligojot ²⁾. — —
(Ср. стр. 311, № 16.) Saule bāra
Mēnestiņu,
Kam tas dienu ne spīdeja;
Mēnestiņš atbildeja:
„Tav' dieniņa, man' naksniņa.“

1) Слич (1.) выше „Mēness
jēma Saules meitu“ — —2) См. выше (3.) второй вари-
ант.

Var. Zim. II, 38 (II, 3.)

Saulīt kūle Mēnesniņu
Ar sidraba čakarniņu.
Ak, Saulīte, nekul mani:
Tev dienīņa, man naksniņa.
(Брив. 94. Спр. стр. 313, № 30.
St. стр. 274. Rh. стр. 316.
Bergm. стр. 42.)

Saul' sacirta Mēnestiņu¹⁾
Ar asaju²⁾ zobentiņu:
Kam paņēma³⁾ Auseklam
Saderetu⁴⁾ ligaviņu?

1. Var. Брив. 62.

Saule kūle Mēnesnīt'
Ar sudrab' pátadzīp':
Kam paņēme Auseklam
Saderētu mātes méit'.

2. Var. Спр. стр. 311, № 19.

— — Saule laide Mēnešam
Ar sudraba akmentiņ'.

3. Var. Ar. M. 1934.

Mēnestiņ, vecais brāl,
Kam tu dienu neteceji?
Kam tu nakti maldināji
Savu smuidru augumiņu?

1) St. и Rh. Saule Mēnesi
sacirte.

2) Спр. Ar aso.

3) St. и Rh. Kam paņēme —

4) Rh. Suderetu.

Perkuns didey supykēs
Jī kardu perdalījo.
Ko Saulūžes atsiskyrei?
Aušrinē pamilējei?
Viens naktij' vaikštinējei?

1. Var. Ness. 2.

Mēnū Saulūžē vede
Pirmā pavasarelī.
Saulūžē anksti kēlēs,
Mēnužis atsiskyre.
Mēnū vēn's vaikštinējo,
Aušrinē pamylējo.
Perkun's didey supykēs
Jī kardu perdalījo.
Ko Saulēš atsiskyrei?
Vēn's naktij' vaikštinējei?
Aušrinē pamylējei?
Širdis pilna smutnybēs.

2. Var. Schl. стр. 3.

Mēnū Saulūžē vėdē,
Pirmā pavasarēlī.
Saulūžē anksti kēlēs,
Mēnužis atsiskyrē.
Mēnū vēns vaikštinējo,
Aušrinē pamylējo.
Perkūns didei supykēs
Jī kardu pėrdalījo.
Ko Saulūžes atsiskyrēi¹⁾,
Aušrinē pamylējei,
Vēns naktý vaikštinējei?
Širdis pilnā smutnybēs.

1) Вѣрно: Ko nū Saul. ats.
(Зам. III.)

5. Считаніе звездъ.

Jušk. L. sv. d. 637.

Bütt. 264. Спр. стр. 314, № 4.

1. Užteka Saulūžē,
Daulēlu, lēlu ¹⁾ ,
Aplīnkāj dangūži,
Daulēlu ¹⁾ .	— — — —
— — — —
— — — —
— — — —
2. Apėjki, Saulūžē,
Aplīnkāj orūži.	— — — —
— — — —
3. Paskajtyk, Saulūžē,
Ar visos žvajgždūžēs?	Mēnesniņis zvaigznes skaita,
Voi ¹⁾ ir visas vakarā.
4. Jau skajtaū, ne skajtaū,
Jau viēnós ir nēra.	Visas zvaigznes vakarā,
Ausekliņa vien nevaid;
Ausekliņš Vāczemē
5. Šviēsiāusios žvajgždūžēs,
Kur ānkstī užtekēju.	Saulitei svārkus šuva;
Vienu stripi zelta lika,
Otru tira sudrabiņa.
6. Kur ānkstī užtekēju,
Ir vēlāj nusilējdu.	
7. Užteka * Saulūžē,
Aplīnkāj Dangūži.	Var. Taut. d. 9.
— — — —
8. Apėjki, matūše,
Aplīnkāj dvarūži.	— — zvaigznes skaitit ²⁾ ,
Vaj ir visas vakarā.
9. Paskajtyk, matūše,
Ar vīsos dukrūžēs?	Ir gan visas vakarā,
Ausekliša vien nevaida.
10. Jau skajtaū, ne skajtaū,
Jau viēnós ir nēra.	Auseklitis aistecejis
Saules meitu lūkoties.
11. Viriāusiosios dukrūžēs,
Kur ānkstī atsikēlē.	Mēness jēma Saules meitu — — ³⁾
12. Kur ānkstī atsikēlē,
Ir vēlāj atsīgulē.	
13. Linēliu verpējēlēs,
Drobēliu audējēlēs.	
14. Šienēliu grēbējēlēs
Rugēliu pjovējēlēs.	

1) Спр. Ar'.

2) Относительно народной поэзии неправильный стихъ.

3) Варианты въ нѣмецкомъ переводѣ находятся у В. Мангардта въ его статьѣ „Die lettischen Sonnenmythen“ въ „Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875 стр. 82, № 73; у К. Ульмана въ его книгѣ „Lettische Volkslieder übertragen im Versmass der Originale“. Riga, 1874. Здѣсь № 451 гласить:

1) Повторяется во всѣхъ строфахъ.

Mond zählt alle goldnen Sterne,
Die am Himmel nah' und fern;

6. Лайма и утонувший братъ.

Rh. 75 (272).

Слр. стр. 1.

Laime šauke, Laime rēke¹⁾,
Basi bēgant per kalnēli. —
Aš užkopusi kalnēli,
Mačiau tris žvejačus,
Kopininkus ant juračū.
Ar ne matēt mano broleli
Ant aukštū jureliū?
Ay mergate, lēlijate,
Tavo brolytis gul nuskendęs
Ant juriū dugnelio.
Smiltas²⁾ jo veidelį grauža,
Vilnys jo plaukelius plauja.
Kopininkai, mieli kumai,
Ar ištrauksite brolytį
Iš juriū dugnelio?
Kągi dūsi, kad ištrauksim?
Vienam dūsu šilkū josta,
Antram dūsu aukso žiedą,
Trečiam ne turu ko dūti.
Tūmi pati suderėsu,
Jaunu styrininku.
Styrininkas mudrus vyras,
Tasai mok' akrotu bėgti,
Bėgt su vėju, bėgt prieš vėją.
Kaipgi tu vengtė išvengsi
Savo nieprietelius? — —

1. Var. Ness. 8.

Laime šauke, Laime rēke.
Basi begau per kalnēli,

1) Одна лат. нар. пѣсня начинается такъ: „Laimit' kļiedza, Laimit' brēca“ — — — (сличи Zim. III, 79).

2) Въмѣсто Smiltis (един. ч.), smiltys (множ. ч.).

Tris māsiņas gauži raud,
Gar jūrmali staigadamas.
— Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
Redzejāt mūs' bāliņus?
— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Kādi bija jūs' bāliņi?
— Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
Tādi bija mūs' bāliņi:
Sarkan-baltiem vaidziņiem,
Dzeltaniem matiņiem.
— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Tie gul' jūras dibinā!
— Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
Velciet viņus malīņā!
— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Ko jūs mums maksasiet?
— Vienam došu slēšu kreklū,
Otram — zida nazdaudzīp'.
Tam trešam ne ko dot,
Tam es pate piederešu:
Ne vienam, ne otram,
Kā pašam stūrmaņam!
Stūrmanītis — gudris vīrs,
Tas māceja laivu griest:
Preti vėju, pret ūdeni,
Preti savu naidinieku!

1. Var. Слр. стр. 2.

Vakar gāja jūriņā
Div' bāliņi tīklu mest;

Alle waren hell erschienen,
Fehlte nur der Morgenstern.
Morgenstern ist fortgeritten,
Auf zur Sonne geht sein Flug,
Sonnentochter will er freien,
Und Perkunos führt den Zug — —
сл. выше (1) и (2) шестой вариантъ.

Jēškodama brolužytį.
Aš užkopusi kalnēli,
Tai pamačiau trys žvejačus,
Kopininkus ant juračū.
Kopininkai mėli kumai,
Ar ne matėt brolytelį
Ant jureliū, ant mareliū?
Ey mergate Pakalnėne,
Tavo brolytis nuskendęs
Gul ant juračū dugnelio.
Gul ant juračū dugnelio,
Smiltys jo veidelį graužia,
Vilnys jo plaukelius plauja.
Kopininkai, mėli kumai,
Ar ištrauksit, ar žvejosit
Mano broli iš dugnelio?
Ey mergate Pakalnėne,
Kągi dūsi, kad ištrauksim?
Kągi dūsi, kad žvejosim?
Vėnam dūsiu šilkū josta,
Antram dūsiu aukso žėda,
Trečiam ne turiu ką dūti.
Su šiū trečūju žvejačū,
Su jaunūju styrininku,
Su tū pati suderėsiu.
Styrininkas mudrus vyras,
Tasai mok akrotu bėgti,
Bėgt' su vėju, bėgt' prėš vėją.

2. Var. Schl. стр. 8.

Laīma šaūkė, Laīma vėrkė;
Basi¹⁾ bėgau pėr kalnėli
Jėškodama brolužytį.
Aš užkopusi kalnėli
Pamačau tris žvejāčus,
Kopininkus ant jurāčū.

1) По Шлейхеру женск. родъ теперь неупотребляемаго „basūs“.

Šodien iet jūrmalē
Trīs māsiņas skatīties.
— Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
Redzejāt mūs bāliņus?
— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Kādi bija jūs bāliņi?
— Vienam bija balts sejiņis,
Otram zelta maltu gali.
— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Tie gul' jūras dibinā!
— Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
Velciet viņus malīņā!
— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Ko jūs mums maksasiet?
— Vienam došu cimdu pāri,
Otram — zida zēgeliti;
Tam trešam — stūrmaņam,
Tam es pate piederešu!
Stūrmanītis — gudris vīrs,
Tas māceja laivu griest
Pret ritiem, vakariem:
Pret ritiem laivu grieze,
Pret vak'riem¹⁾ zēgeliti.

2. Var. Jur. II, 17.
K. Ul. стр. 163²⁾.

Jūra krāca, jūra špāca
Miglaināi rītiņā.
Ejma māsas mēs uz jūru,
Uz jūrmalu pastaigat.
Uz jūrmalu pastaigati,
Bāleliņus apmeklet.
Visi bija mūs bāliņi,
Pastariša vien nebij.

1) Вѣрнѣе: vakariem.

2) Вариантъ въ нѣмецкомъ переводѣ у К. Ульмана въ его книгѣ „Lettische Volkslieder“.

Kópininkai, mēli kūmai,
Ar nemātēt māno brolēli
Ant jūriu, marēliu?

Ei mergātē Pakalnēnē,
Tāvo brólis gul nuskēndēs
Ant jurāču dūgnēlio.

Smiltys jo veidēli grāužie,
Vilnys jo plaukeliūs plāuje.

Kópininkai, mēli kūmai,
Ar ištāuksit, ar žvejósit
Māno brolytēli?

Ei mergātē Pakalnēnē,
Kāgi dūsi, kād ištāuksim,
Kāgi dūsi, kād žvejósim?

Vēnām dūsiu šilkū jūstā,
Antrām dūsiu āukso žēdā,
Trečām nēturiu kā dūti.

Sū šīd trečūju žvejāču
Pati suderēsiu,
Sū¹⁾ jāunu stýrininku.

Stýrininkas budrūs výras.
Tasaí mok akrútu bēgti,
Bēgt sū vēju, bēgt prēš vējē.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 465.

1 Ējva, sēsē,
Ējva, sēsē,
Seserēlē,

Jūriu-marūžiu } ds.
Pažiurēti.

2 Jūrēs-mārēs,
Jūrēs-mārēs
Sululāvu,

Vāriu tiltūžis
Suskāmbēju.

3 Po tūm tiltu,

Dožajami, ložajami,
Meklejami bāleliņa.

Mekledamas bāleliņa,
Uzejm jūras zvejnieciņus.
Zida tiklis, zelta laiva,
Sudrabiņa zēgelite.

Ai, jūs jūras zvejnieciņi,
Redzejati mūs bāliņi?

Ai, jūs ciema zeltenites,
Kāds bij jūsu bāleliņš?

Sarkan-baltiem vaidziņiem,
Dzeltaniemi matiņiem.

Ai, jūs ciema zeltenites,
Tāds gul jūras dibenā!

Ai, ludzami zvejnieciņi,
Velciet viņu maliņā!

Ai, jūs ciema zeltenites,
Mēs par velti nevīksim.

Ai, jūs jūras zvejnieciņi,
Mēs par velti negribam. —

Vienam devu slēša kreklu,
Otram zida mutautiņ'.

Tam trešam neko doti —
Devu zelta gredzentiņ'.

Kuram zelta gredzentiņ,
Tam es pate piederej'.

Ne vienami, ne otrami,
Kā pašami stūrmaņam.

Stūrmanitis gudris viris,
Pret vilniti laivu grieza.

Pret vilniti laivu grieza,
Pret vējiņu zēgelit'.

Lai pūš vēji, kur pūsdami,
Neizpūta maliņā.

Kad putisi ziemelitis,
Tad izputis maliņā.

Ziemeļami baltas putas,
Man baltākas zēgelit's.

3. Var. Zim. II, 41.

1. Vakar gāja div' bāliņi

Po tūm tiltu,
Tiltužēliu,

Te žvejóju
Trys žvejélej.

4 Ej, jus žvéjej,
Ej, jus žvéjej,
Trys žvejélej,

Ar ne mātēt
Mus brolēliu?

5 Viēnas tārē,
Viēnas tārē:
Mes ne mātēm,

'Antras tārē:
Ne regējūm,

6 O šis trēčias,
O šis trēčias
Žvejuzēlis:

Kān man dūsi?
Pasakýsiu.

7 Viēnām dūsiu,
Viēnām dūsiu
Šilkū kūskā,

Antrām dūsiu
Auksu žiedā,

8 O šiam trečiām,
O šiam trečiām
Žvejuzēliuj

Patī tēksiu
Mergužēlē.

9 Jūsu brólis,
Jūsu brólis,
Brolužēlis

Nū žirgēliu
Pasvyrēju.

10 Jis, ijódams,
Jis, ijódams
I jurēles,

Nū žirgēliu
Pasvyrēju.

11 Jis, ipúldams,
Jis, ipúldams

Gar jūriņu spēledami:
Šodien nāca trīs māsiņas
Gar jūriņu raudadam's.

2. Ai, jūs jūras zveinieciņi,
Vai redzejāt mūs' bāliņus?

Ai, Vidzemes zeltenites,
Kādi bija jūs' bāliņ'?

3. Ai, jūs jūras zveinieciņi,
Tādi bija mūs' bāliņi:

Dzeltaniemi matiņiem,
Sarkaniemi vaidziņiem.

4. Ai, Vidzemes zeltenites,
Viņ' gul jūras dibinajē¹⁾,

Smiltis viņu kaulus balē,
Udens matus pludina.

5. Ak, jūs jūras zveinieciņi,
Velkat viņus malinajē¹⁾

Velkat viņus malinajē¹⁾
Rokat viņus smiltinās.

6. Ai, Vidzemes zeltenites,
Kotad jūs mums maksasieti?

Vienam došu linu kreklu,
Otram zižu nēzdociņ'.

7. Trešam došu sav' rociņu,
Savu zelta gredzeniņu,

Un es pati padošos
Pēc Laimites likuma²⁾.

4. Var. R. nod. I, 130.

Mēness pēma Saules meitu³⁾,
Pērkons jāja precibās.

Aizjādamis, pārjādamis
Nosper zelta ozoliņu.

Sērdienite gauži rauda,

1) Обыкновенно: dibināje, maliņāje, или: dibenāi, maliņāi.

2) Единственно правильно: likumiņ' или likumiņa.

3) Въ издании невѣрно: Saule pēma mēness meitu.

1) Это „Sū“ прибавлено самимъ Шлейхеромъ.

- I juréles,
Aukštýn rānkas
Iškéldamas: —
12 Gébēk mānē,
Gélbēk mānē,
Žvejuzēli,
Norts ne mānē, —
Kepurēlē.
13 Kān gēlbēsiu,
Kān gēlbēsiu,
Brolužēli,
Mes ne tūrim
Klėvu ģrklu.
14 Klėvu ģrklas,
Klėvu ģrklas
Išplušōju,
Šīlkū tīnklas
Sublizģēju.
- Zelta zarus lasidama ¹⁾.
Salasij'si zelta zarus
Tek ar vienu tecešanu.
Tacedama uzteceja
Lejā zelta ābeliti.
Narauj zelta āboltīpu,
Tek ar vienu tecešanu.
Tecedama uzteceja
Trīs zvejniekus jūrīņā.
Labdien, labdien, zvejniecīpi:
Vaj redzejat man' bāliņ' ?
Paldies, paldies, smukmeitiņa,
Kāds bij tavis bāleliņš ?
Sarkanbaltiem vaidziņiem,
Dzelteniemi matiņiem.
Paldies, paldies, smukmeitiņa,
Tāds gul jūras dibināi.
Miļi lūdzu, zvejniecīpi,
Izzvejojiet malīņā.
Paldies, paldies, smukmeitiņa,
Ko dos' mums par izvilkšanu ?
Vienam došu ziedu sauju,
Otram zelta āboltīpu,
Trešajami, istajam,
Tam es pati piederešu.

7. Вслѣдствіе несчастной любви умершій юноша.

Rh. 85 (304).	Спр. стр. 279. R. nod. II, стр. 149.
Bēgk, bēgk, valtēle,	— — — —
Ant greitōs Nēmonēlēs!	— — — —
Pribēgk aukštā kalnēli,	— — — —
Kur žalas aužolēlis.	— — — —
Ten aukštame kapātij'	— — — —
Gul mano tėvātis.	— — — —
Pasiskusu mielam tevėliui,	— — — —
Kā patevis man daro.	— — — —
Skaudžey manē išbare,	— — — —
Iš nameliū išvare — —	— — — —

1) Это введение соответствует № 4 сего же отдѣла.

Bēgk, bēgk, valtēle,
Ant greitōs Nēmonēlēs!
Pribēgk žalājī dvaratī!
Tam' žalamjam' dvaratij'
Trys viežlibos mergates:
Viena staklužes taisē,
Antroji plonay verpe,
Trečioji šilkais raše.
Ta, kuri šilkais rašo,
Bus mano mylimoji.
O jey aš tā ne gausu,
Numirsu dėl smutnybės.
O kur jus manē laidosit,
Kad mirēs iš smutnybės?
Tēh lelijū daržatij'
Po rožū krumaču.
Ir atėjo jaunos mergates
Kas nedėlės rytužī
Sav kvėtkėles pyti.
Skinkit, skinkit, mergates,
Vis ką tikt norit;
O tikt ne skinkit žiedelī
Nu to rožū krumėlio.
Ir atėjo jauna sesyte
Šventōs nedelės rytā,
Nuskyne rožės pumpurelī
Nū tū rožū krumėlio.
Ay, gražey kvėpja žiedėlis,
Tas rožū pumpurėlis.
Atsake močute verkiant:
Juk tai ne rožū žiedėlis,
Tai dvase jauno bernėlio,
Kurs mirēs dėl smutnybės.

1. Var. Ness. 379.

Bēgk, bēgk, mano valtele,
Ant greito Nemonelio,
Pribēgk aukštā kalnelī,
Kur žalias aužolėlis.
Ten aukštame kapatij
Gul mano tėvužatis.

Ligo, laiva, uz ūdeņa,
Uz araja meitiņām!
Arajam skaistas meitas,
Zēgelišu audejiņas:
Viena vērpa, otra auda,
Treša zidu šķetereja.
— Do', māmīņ', to meitiņu,
Kuŗa zidu šķetereja.
Ja ne dosi tās meitiņas,
Es nomiršu bēdiņās.
Kur jūs mani glabasiet,
Bēdiņās nomiršu?
Sarkan' rōžu dārziņā,
Zam rōžišu lapiņām.
Tur izauga kupla rōze
Deviņiem žuburiem.
Tur teceja trīs meitiņas
Ikritiņus pušķoties,
Viena saka: Rauj rōziti!
Otra saka: Ne var raut!
Treša saka, stāvēdama:
Ta ir puīša dvēselite,
Ta ir puīša dvēselite
Meitu bēdās nomirūša!

1. Var. St. стр. 278.

(Стендеръ говоритъ: Въ этой длинной пѣснѣ (zingē): Кур ту ieseli, bālulī, Куда ты пойдешь, братецъ? гласить подь конецъ):

Nu piejāju lielu ceļu,
Istek man trīs zeltenites,
Divi mani pašu vede
Treša manu kumeliņ'.

Jeved mani istabā,
Kumeliņu stallītē,
Paceļ manim liepu-galdu,
Apklāj baltu gāldautiņ.
Usklājuši gāldautiņ',
Usliek manim sāl' un maiz'.

Pasiskūsiu tēveliui,
Kā patēvis man daro.
Skaudžey manē išbare,
Iš nameliū išvare.

Bēgk, bēgk, mano valtele,
Ant greito Nemonelio,
Pribēgk žaliaj dvaratī.
Tam' žalamjam' dvaratij'
Trys vēžlybos mergates.
Vēna staklužes taisē,
Antroji plonay verpe,
Trečoji šilkais raše.
Ta, kuri šilkais rašo,
Bus mana mylimoji.

O jey aš tā ne gausiu,
Numirsiu dēl smutnybēs.
O kur manē laidosit?
Ten lēlijū darzatij'
Po roželiū krumaču.
Ir atējo mergates
Sav kvētkēles nuskīti.
Skinkit, skinkit, mergates,
O tikt ne skinkit žēdā
Nū to rožiū krumelio.

Ir atējo sesyte
Šventōs nedēlēs ryta,
Nuskyne pumpurelī
Nū to rožiū krumelio.
Ey gražey kvēpja žēdas,
Tas rožiū pumpurelis.
Močut' atsake verkiant:
Juk tai ne rožiū žēdas!
Tai dvase bernuželio,
Kur's mirēs dēl smutnybēs.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 18.

1 Vākar diēnā
Aukštām svirnē
Trys mergūtēs
Šīlkus sūku.

Nu es iešu lūkoties,
Ko tās ciema meitas dara.
Viena vērpe, otra ade,
Treša zīdu šķetere.
Dod man, māmiņ, to meitiņu,
Kas to zīdu šķetere.
Ja ne dosi to meitiņu,
Es nomiršu bēdīnās.
Kur jūs mani apraksiet,
Kad nomiršu bēdīnās? —
Raksim rōžu dārziņā
Apakš rōžu lapīnām.
Tur usauge dailas rōzes
Mana kapa galiņā,
Tur teceja ciema meitas
Svētku rītā puškoties.

2. Var. Bergm. I, стр. 37 и 38.

Divi dienas mežā gāju,
Ne ka labu ne dabuj.
Nu vėl iešu trešā dienā,
Dabūs' mellu kumeliņ.
Uskāpišu mugurā,
Usjājišu augstu kalnu:
No ta kalna nojājišu,
Jejājišu smukā birzī,
No tās birzes isjājišu,
Nogriezīšu šautru šaujiņ',
Istrūks ciema suniņi¹⁾:
Istek tur trīs skaistas meitas;
Divi mani pašu pēme,
Viena manu kumeliņ.
Kumeliņu stalli vede,
Mani pašu istabā:
Kumeliņam auzas silē,
Man pacēle liepas galdū,
Usklāj baltu galdautiņ,
Ustais' manim sienu vietu,

1) Неправильно оканчивающийся стихъ.

- 2 Viēna vērpe,
Antrā āudē,
O šī trečiā
Šīlkus sūku.
- 3 Motynēlē,
Sengalvēlē,
Pažadēk ma
Tān dukrēlē.
- 4 Pažadēk ma
Tān dukrēlē,
Kurī vākar
Šīlkus sūku.
- 5 Ja ne lējsi
Tos dukrēlēs,
Aš numirsiu
Šēn diēnēlē.
- 6 Bernužēli,
Dobilēli,
Kur mes tāvē
Pakavōsim?
- 7 Ar stajnlē
Tarp žirgēliu?
Ar daržēly
Tarp rutēliu?
- 8 Ni stajnlē
Tarp zirgēliu,
Tik daržēly
Tarp rutēliu.
- 9 Kāj p lāngēlī
Pavirēsīt',
Māņē, jāunā
Paminēsīt:
- 10 Benē tas če
Gul bernūtīs,
Katrās mīrē
Dēl mergūtēs.

3. Var. Ness. 83.

— — — — —
— — — — —
— — — — —

Lūdze manim, lai es guļu:
Guledams nolūkaju,
Ko dar ciema meitiņas¹⁾.
Viena šūš, otra ade,
Treša tine zīžu diegus,
Cetorta, jaunaka,
Ta cūciņas ēdināj'.
Dod man, māmiņ, to meitiņu,
Kas cūciņas ēdināj'.
Ja ne dosi to meitiņ,
Miris' meitas bēdīnās.
Kur jūs mani racisiet?
Racis rōžu dārziņā,
Apakš rōžu saknītēm.
Tur usauge zelta rōzes
Mana kapa galiņā.
Atjāj divi Dieva dēli,
Nolauz' divi zariņus¹⁾,
Aisnes Māras baznicā,
Puško Māras altariti;
Saka Māra sieredama:
Ta puīša dvēselite,
Meitas bēdas nomirusi.

3. Var. Pl.-M. 16.

Isim syla maleniā,
Sausim syla vovierejti;
Nusovuš vovierejti,
Pordusim naudieniā;
Pordavuš naudieniā,
Pierksim siermu kumieleniu;
Pierksim siermu kumieleniu,
Brauksim miejtu cimieniā.
Nadabrauksim da vortienia,
Iztak miejtu dzaltoniejta,
Porjam siermu kumieleniu,
Porjam siermu kumieleniu,

1) Неправильно оканчивающийся стихъ.

Dūkit man tada ilsētis
 Ne po kalnu šauru,
 Kasdamu ir bjauru.
 Bet labjaus atsigulēti
 Po daržo rutelems,
 Apkaišyt's kvētkelēms.
 Jey tada ateis sesytes
 Žalias rutas skinti,
 Man ant galvôs minti,
 Tai manēs jus atsimīsīt,
 Man apēra dējant,
 Ašaras pralējant.

Ivad mani pogolmā,
 Ivad mani ustobā,
 Ajzvad mani ajz lipys golda;
 Dud' maņ ēst, dziert',
 Dud' vitu porgulet'
 Tymsajā kaktienā.
 Bieja Diva div daleni,
 Agry brauca laulotus;
 Iraudzieja Morys miejtas,
 Satiecieja rožu dorzā,
 Vina šyva, utra oda,
 Treša roksta ziejžutienies. (?)
 Dud' mamieņ tu miejtieniu,
 Kurej roksta ziejžutienies;
 Ka' nadusi tos miejtienias,
 Kurej roksta ziejžutienies,
 Numiert' maņ biedieniom;
 Numiert' maņ biedieniom,
 Kur jyus mani paglobosit?
 Smolku rožu darzieniā,
 Mogunieniu lapieniōs.

4. Var. Брив. 381.

Man uztāisa dūmu gultu
 Tumšajā kaktiņā.
 Gulēdams rūdzijūas,
 Kūa dar ciama dzeltainites:
 Viana vērpa, viana āuda,
 Trešā diagu šķeterēja.
 Dūad, māmiņa, tūa mēitiņū,
 Kas tūa diagu šķeterēja,
 Par visām jāunākūa,
 Par visām skāistākūa.
 Ja nedūasi tūa mēitiņū,
 Es nūamiršu bēdiņās.
 Kur jūs mani iaraksit
 Bēdiņās nūamirušu?
 Rūaciet rūožu dārziņā
 Apakš rūožu saknītēm.
 Tur uzāuga kupla liapa

Mana kapa galiņā.
 Tur sanāca ik svēdianas
 Jaunas mēitas krūanus vit.
 Rāujat, mēitas, pazarītes,
 Nerāujat galūatnītes.
 Lai palika galūatnītes
 Vējiņam vēdināt.

5. Var. Брив. 382.

Arājam skāistas mēitas,
 Zēgelišu vērpiņās:
 Viana ada, ūatra vērpi¹⁾,
 Trešā raksta zīda āut'.
 Dūad manim tūa meitiņ,
 Kuŗa raksta zīdāutiņ.
 Ja nedūasi tās mēitiņas,
 Es nūamiršu bēdiņās.
 Kur jūs mani glabāsīt
 Žēlabās nūamirušu?
 — Tur mēs tevi glabāsim
 Skāistā rūožu dārziņā.
 Tur izāuga kupla liapa
 Deviņiam žuburiam.
 Ik svēdianas mēitas nāca
 Vaiņadziņus darināt.
 Nūavijušas vaiņadziņ,
 Aiziat Māras baznīcā.
 Māra prasa rūadādama:
 Kur, mēitiņa, tādu pēmi?
 — Rīgā pirkū, nāudu devu,
 Vāczemē kaldināju.
 — Kūa jūs, mēitas, melūajat?
 Tā puisīša dvēselīte.

6. Var. Zim. IV, 80.

1. Ligo, laiva, us ūdeņa,
 Us arāja meitiņām!

1) Или: vērpi.

Arajam ir¹⁾ skaistas meitas,
Zēgelišu audejīn's!

2. Viena ada, otra vērpa,
Treša raksta zidautīn'.
Dod, māmīpa, to meitiņu,
Kura raksta zidautīn'!

3. Ja nedosi tās meitiņas,
Es nomiršu žēlabās.
Kur jūs mani glabasietī,
Žēlabās nomirušu?

4. Tur mēs tevi glabasimi:
Skaistā rōžu dārziņā.
Tur isauga kupla liepa
Deviņiem žuburiem.

5. Ik svētdienas meitas nāca
Vaiņadziņu darināt.
Novijušas vaiņadziņus,
Aisiet Māras baznīcā.

6. Māra prasa raudadama:
Kur, meitiņa, tādu ņēm'?
Rīgā pirkū, naudu devu,
Vāczemei²⁾ kaldinaj'.

7. Ko jūs, meitas, melojat i
Ta ir puiša dvēselit';
Ta ir puiša dvēselite,
Žēlabās nomiruša!

7. Var. Bezz. L. D. стр. 34.
Zim. II, 59.

Trīs diņiņas mežā brauču,
Naka lōba nedābū',
Ka izbrauču caturtū,
Dābū' vōsku riteniš'.
Nū ta vōsku ritenīše
Īzakūlu naudīpu,
Nūzēpirku aukstu zirgu,
Uzejāju aukstu kōlnā,

1) Это „ir“ вставлено.

2) Обыкновенно: Vāczemei.

Pilasīju šautru klāpi,
Nūsviž' cīma sētmali.
Sājutuši cīma supi
Sāka visi čavināt;
Istek divi¹⁾ dzeltānites
Dzeltanām kāipām,
Īvad zirgu stalitē,
Īvad pati istabā,
Pacel baltu²⁾ lēpas gōldu,
Usklai bōltu²⁾ pōladziņu,
Uzlik baltu²⁾ biķerites,
Uzlik bōltu²⁾ maizes klaipu,
Lik man āst, lik man dzārt,
Lik naktiņu pārgulāt.
As²⁾ aizgāju, nūzever',
Kū darīja cīma meitas:
Vīna oda, ūtra²⁾ šūi,
Treše zīdu šķeterā.
Dūd, mamiņ', man tō meitu,
Kas tō zīdu šķeterā;
Ja nadūsi tās meitiņas,
Es²⁾ nūmiršu bādīpās.
Kur jus mani glōbāsāt,
Bādu puiši nūmiruš'?
Zem rōzišu lāpiņām,
Mōgūniņu dārziņā.
Tur uzauga lēla lēpa
Dāviņim žuburim,
Tur ikrītā meitas gāja
Pi tās lēpas puškūtīs.
Rāva vīna, rāva ōtra²⁾,
Nenūrāva galvenīka.
Dajā' divi Dīva dēli,
Tē nūrāva galvenīku.

1) Двойств. число женск. рода.
(Зам. Бецц.)

2) Здѣсь нѣтъ послѣдовательности.

8. Var. Bezz. L. D. стр. 43.

Līgoa laiva us ūden',
 Us arāja meitinām.
 Arājam blj' skaistes meites,
 Zāgālišu audējīnes;
 Viena āda, oatra šū',
 Treša rakst' zīž' autīn'.
 Doad, mamīna, toe meitīn',
 Kas māc rakstīt zīž' autīn';
 Jā, mamīn', tās nedoes',
 Žēlabās nomirīšu.
 Kur jūs mani glabasiet,
 Žēlabās nomirušu?
 Roaceet¹⁾ mani roež' dārzā
 Apakš' roežu saknītem.
 Tur uzaug' kupla liepa
 Devīpiem žuburiem.
 Ik svēdienes meites gāje,
 Vaipecīnus darināt,
 Noepīņušas vaipecīnus²⁾
 Aiznes Māres baznīcā.
 Māre pras' raudādam':
 Kur jūs meites tādu ņemat?
 Rīgā³⁾ pirkam, naudu dāvam;
 Vāc(z)emē kaldinām⁴⁾.

1) Sic! Хотя ожидается „Roaciet“.

2) Sic! Хотя ожидается „vaipecīnus“.

3) Здѣсь Беценбергерь замѣчаетъ: Ich weiss nicht, ob die Altertumsforscher der Ostseeprovinzen schon beachtet haben, dass der litauische Name Rigas Ringa ist (s. Juškevič Liēt. dajņ. № 298, Lit. Forsch. S. 24); sicher ist lett. Rīga hieraus entstanden. Сличу у Юшкевича тамъ же 1169-ую дайнѹ.

4) Или: kaldinājam. (Зам. Бецц.)

Koe, jūs meites, melojet?
 Ta ir puisi dvāsalīt'
 Žēlabās nomiruša.

9. Var. Austr. 1894 г. № 8, стр. 98.

Tautu meita gultu taisa,
 Aicin' mani klāt gulet. —
 Guli viena, tautu meita,
 Es pie tevis negulešu;
 Es gulešu jūrīņai
 Savā niedru laivīņai.
 Niedru laiva viegli teka, —
 Simtu jūdžu naksniņai.
 Tecedama aizteceja
 Saules muižas pagastai,
 Saules muižas pagastai
 Viena veca māmuliņa.
 Tai māmīņi trīs meitiņas,
 Katra savu darbu dara:
 Viena ada, otra raksta,
 Trešā zīdus šķetināja.
 Dod, māmīņa, to meitiņu,
 Kas tos zīdus šķetināja. —
 Ne, puisīti, to nedošu,
 Ta ta visu jaunakā. —
 Ja nedosi to meitiņu,
 Es nomiršu sirdēstōs.
 Kur jūs mani glabasita,
 Sirdēstōsa nomirušu?
 Rokāt rōžu dārziņai
 Rōžu krūma galiņai.
 Tur uzauga kupla rōze,
 Mana kapa maliņai.
 Tur sanāca svētu ritu
 Jaunas meitas pušku raut. —
 Laužat zarus, pazarītes,
 Galonites nelaužata!
 Atjāj divi Dieva dēli,
 Tie nolauza galoniti,

Nolauzuši galoniti,
 Nones tautu istabai.
 Meitu mātē brīnījasi:
 Kur jums tādi ziedi zied?
 Tie nebija rōžu ziedi,
 Ta bij puiša dvēselite ;:
 Sirdēstōsa nomirūša ;:
 To meitiņu nedabuj'ša ;:
 Kas tos zidus šķetināja.

8. Божественное родство сироты.

Ness. 74. Dowk. 84.
 Lesk. 119. Brug. 50.

Спр. стр. 177, № 1.

— — — —
 — — — —
 — — — —
 Saule motuše,
 Saule motuše,
 Saule motuše
 Kraiteliui kloti.
 Mēnū tetušis ¹⁾ — — —
 Dalelei skirti.
 Žvaigžde sesele ¹⁾ — — —
 Vainikui pinti.
 Sētas ²⁾ brotatis ¹⁾ — — —
 Lauku lydēti.

Var. Ness. 81. Bar. 11.

O kur josiū, brolužei,
 Šitā švēsū rytužī?
 Jēškau, jēškau, merguže,
 Savo bērā žirgužī.
 Be tetužio, mamužēs,
 Kai bēdnoji sirata.
 Švēsi Saule ant dangaus,
 Tai yr' mano močuže.

1) Повторяется тоже три раза.
 2) Сито, семизвѣздіе. (Зам.
 Несс.)

Nem, bāliņ, bāreniti,
 Bārenite liela rada:
 Dieviņš — tēvs, Laime — mātē,
 Dieva dēli — bāleliņi.

Var. Ar. M. 295.

Grib bāliņš, sievu pēmt,
 Nevar meitu sataujāt.
 — Nem, bāliņ, bāreniti,
 Netaujā mātes meitas!
 Bārenite, usāugdama,
 Visu darbu ieradusi —
 Jeradusi riju kult,
 I māliti ritināt. —

Nem, bāliņ, bāreniti,
 Bārenite liela rada:
 Dievis — tēvis, Laima — mātē,
 Dieva dēli — bāleliņi.

Švēsus Mēnū ant dangaus,
 Tai yr' mano tetužis.
 Švēses žvaigzdes ant dangaus,
 Tai yr' mano seseles.
 Giroj' žali aužolai,
 Tai yr' mano brolelei.
 Švēsi Aušra ant dangaus,
 Tai yr' mano merguže.

III. Военные пѣсни.

1. Два голубя и два брата.

Dowk. 24. Schl. стр. 29.

Zim. II, 60.

Du balandiu klanī ¹⁾ giere,
 Begerdamu sudumoje,
 Ar but gerti, ar negerti,
 Ar sparnelius paplasnoti.
 Gerkliau, gerkliau balandeli,
 Kaip pagersiau paplasnosiau
 Ir nulieksiau į girelę
 Ir nutupsiau į pušelę.
 Pušijs šaka linkterieje,
 Visa gire užterieje.
 Du broleliu keliu joje,
 Bejodamu sudumoje,
 Ar but joti, ar nejoti,
 Ar žirgelius nubalnoti.
 Jokiau, jokiau, brotereli,
 Kaip nujosiau, nubalnosiau.

— — — —
 — — — —

1. Var. Jušk. L. d. 1566.

1. Du broleliu keliu jōju,
 Be-jōdamu sudumōju: { ds.
2. Ar vādum jōti, ar ne jōti,
 Ar žirgēlius nubalnōti?

Div' baloži pelti dzēra;
 Kā tas var būt?
 Padzēruši plivināja;
 Tas gan var notikt.
 Div' bāliņi karā gāja,
 Kā tas var būt? ¹⁾
 Abi gāja dōmadami,
 Tas gan var notikt ¹⁾.
 Vai būs ieti, vai ne-ieti,
 Vai būs palikt šai zemītē? ²⁾
 Kas karajā cīsas taisa,
 Kas klāj baltu paladziņu?
 Zobins, plinte cīsas taisa,
 Skrōšu, lōžu paladzinis.
 Us ta lauka zaļa zāle,
 Us tās zāles zelta rasa.
 Us tās rāsas zelta gulta,
 Us tās gultas zida dekis.
 Jesim nu un skatīsimies,
 Kas tai gultā iekšā gulej'?
 Tur guļ divi kara viri,
 Sašaudīti, sakapati.

1) Этот стихъ повторяется въ
 каждой строфѣ.

2) Правильнѣе: Vai palikti šai
 zemī.

1) Или: klanē. (Срав. III.)

3. Jókiv, jókiv, broteréli,
Kajp parjósva, nubalnósva,
* * *
4. Du balāndiu klāne gērē,
Be-gérdamu sudumóju:
5. Ar vādum gērti, ar ne gērti,
Ar sparnélius paplasnóti?
6. Gērkiv, gērkiv, balandēli,
Kajp pagērsva, paplasnósva.
* * *
1. Var. Pl.-M. 46.
Div balužy paltie dziera,
Pidzarušy plejvynava.
Obi dziaria gudodami,
Div broleni karā goja,
Obi goja raudodami.
Div broleni karaviejry dumo-
dami:
Vaj mums jot', vaj na jot',
Vaj palikt' šymā molā?
Isim cimā mosieniom.

7. Dvi bitēli médu nēšē,
Be-nēšdami sudumóju:
8. Ar vādvim nēšti, ar ne nēšti,
Ar rejķ čē-pat žiēmavóti?
9. Nēškv, nēškv, bitelājte,
Kajp parnēšva, žiēmavósma.
* * *
2. Var. Cnp. ctp. 98.
Div' baloži paltē dzēre,
Izdžēruši plivineja.
Div' bāliņi karā jāja,
Abi jāja dōmadami,
Abi jāja dōmadami:
Voi būs iet, voi ne iet,
Voi palikt šai zemē?
Šai zemē laba dzīve:
Pašas meitas vietu taisa,
Aicin' mani klāt gulēt.
Kas taisija zoldatam?
Zoldats guļ tirumā,
Zoldats guļ tirumā
Uz peleka akmentīņ,
Zobentiņš pagalvē.

10. Dvi sesēli šilkūs siūva,
Be-siūdami sudumóju:
11. Ar vādvim siūti, ar ne siūti,
Ar ne siūtus dovanóti?
12. Siūkv, siūkv, seserēlē,
Kajp pasiūsva, dovanósva.
13. Ī trīs kertēs šilkūs siūva,
Ī ketvīrtā vārdā sāva.
2. Var. Jušk. L. d. 723.
1. Du karvēliu klōny gēre, } ds.
Be-gérdamu suuldāvu: } ds.
2. O kur mūdu karvelēliu,
O kur gāusiv nakvynēlē?
3. Viēnas: lēksiv ģ girēlē,
Ī girēlē pas gegēlē.
4. 'Antras: lēksiv ģ ānžūlā,
Ī ānžūlā pas genēli.
5. Bepīg tau, karvelēli,
To girēlē — pas gegēlē.
6. Bēda ma, karvelēliuj,
Tam ānžūle — pas genēli.
3. Var. Taut. d. 51.
R. kr. V, 1157.
Divi zili balodiši
Strautā dzēra dūdodami;
Duj brāliši karā jāja,
Abi jāja dōmadami.
Abi jāja dōmadami:
Vaj būs jāte, vaj nejāte,
Vaj būs jāte, vaj nejāte,
Vaj palikte Kurzemē?
Kurzemē laba dzīve,
Sleivas, meitas gultu taisa,

7. Du brolēliu laukū jōju,
Be-jōdamu sudumóju:
8. O kur mūdu, brolužēli,
O kur gāusiv nakvynēlē?
9. Viēnas: jōsiv ģ dvarēli,
Ī dvarēli pas mergēlē.
10. 'Antras: jōsiv ģ kiēmēli,
Ī kiēmēli pas mergēlē.
11. Bepīg tāvej, brolužēli,
Tam dvarēly — pas mergēlē.
12. Bēda manej, brolužēliuj,
Tam kiēmēly — pas mergēlē.
- Kas tais' man zaldatam?
Zaldats cēla gājejiņš.
Zaldats cēla gājejiņš,
Zābaks dubļu bridejiņš:
Us akmeni galvu lika,
Kājas mirka ūdenī¹⁾.
4. Var. Zim. VI, 11.
1. Div' dūjiņas gaisā skrēja,
Abas skrēja dūdodam's.
Ai, ai, ai — ja!
Abas skrēja dūdodam's²⁾.
2. Div' bāliņi karā jāja,
Abi jāja domadam'.
3. Vai būs jāti, vai nejāti,
Vai palikti sētiņā?
4. Kur palika mans bālitis,
Karodziņa nesajiņš?
5. Tur palika jājejiņš
Us tām Leišu robežām.
6. Tur staigāja Dieva dēli,
Dvēselites lasidam'.
7. Atraduši dvēseliti,
Ietin baltā villanē.
8. Ienes svētā pa-ēnāi,
Guldiņ' Dieva šūpulī.
9. Liek ēngeli šūpotaju;
Tas dziedāja aijadams.
10. Aija, mīla dvēselite!
Karā kauta, nemirus'.

2. Сестра возна.

- Jušk. L. d. 1074.
Arch. 4.
Брив. 1011; 1012.
Ар. М. 1947 и 1948.
1. Geř bajoraj arelkēlē; } ds.
Netieķgēre, kiek iślājštē. }
2. Išjō brōlis karūmenē,
Paliēķ māžā seserēlē.
3. Parjō brōlis iš karūmenēs,
Ne pažiņu seserēlēš.
- Es karā aiziadamis,
Atstāj mūsu šūpulī:
1) Въ R. kr. V, 1157: Daugavā.
2) Эти два стиха повторяются
въ каждой строфѣ.

4. O, matūšē, o, senóji,
Kanó māžas gul vygélē?
5. O, sunýti, o, jaunāsis,
Taj vis tāvo seserēlēs.
6. Dūki kārda kū ašviāusi
Kīrsiu sesēlēs galvélē.
7. Ne kirsk gālvā subatóje,
Nukīrsk gālvā nedēlióje,
8. Kad daug sviētu pamatýtu,
Kītos tajp ne padarýtu.

Var. Ф. и М. 53, 2.

1. Oj kad aš išojau
In didē vajnelē,
Palikau mergelē
Margoje vigelej.
2. Oj kad aš parjojau
Iš didēs vajnelēs,
Randu merguželē
Už nauju stakleliu.
3. Mergužele mano,
Balta lelijēle,
Oj kas tau padarē
Naujajses stakleles,
O kas tau inredē
Plonajses drobēles?
4. Brolelej padarē
Naujajses stakleles,
Sesēlēs inredē
Plonajses drobēles.

Atpakaļu atnākdamis,
Atrad' līalu uzāugušu.
Paprasiju māmiņai:
Kam tik dāila mātes mēit'?
Māmiņ man atsacija:
Ko atstāji šūpulī.
Būt zināis tō agrāk,
Ka tik līala man' māsiņa, —
Es tai pirktu vāinadziņu
Ar sudraba vizuļiam,
Lai tā manis piaminētu
Tāutu galdu galipā.

1. Var. Jur. I, 8.

Es karāi aizeedams,
Atstaj' māsū šūpulī.
No kara atiedams,
Atrod' lielu rakstītaj'.
Māmiņai pavaicaj':
Kas ta liela rakstītaj'?
Ta, deliņi, tav māsiņ,
Ko atstāji šūpulī.
Rakstītāja, man māsiņ',
Norakst' kara karodziņ'.
Raksti zaļu vaj sarkan',
Mūžam vairsi neredzet.
Būtu manim brīvestib'
No tiem kara vedejiem,
Vestu līdsi sav' māsiņ'
Svešu zemi lieveret.
Laj redzetu man' māsiņ',
Kādu nāvi man jamirst.

2. Var. Bezz. L. D. ctp. 33.

Es karā nūldams
Atstai' māsū šūpulī,
Par trīs gadi atnākdams
Nūraug' lēlu rakstītāju.
Es te lūdzu, mīle māsē,
Rakst' man kara karodziņ'.
— — — — —

3. Вѣсть о войнѣ.

Rh. 37 (130). Stan. 24. Kol. 2. Спр. ctp. 271 и 272. Bergm. I, Arch. 24. Ness. 341—354. Schl. 47. Pl.-M. 1 и 2. Брив. 1006, ctp. 14, 25, 38 и 41. Lesk. 90. 1007, 1009 и 1010. Taut. d. 31 Bezz. 1; 14. Юмк. 3. Jušk. L. и 52. Bezz. L. D. ctp. 36 и 37. d. 1111; 1133; 1135; 1136; 1137; R. kr. V, 1152. L — —. K. Ulm. 1140; 1171. Mitt. ctp. 205. Bar. ctp. 176, № 8.
149; 150.

Jau ir atlēke gulbjū pulkatis:
O ir pavare ī karā jūti.
Kitū išjājo jauni brolyčei,
O musū niera neygi kam jūti:
Brolyčui jūti, brolui ne jūti;
Eiva tevēlui žirgā žaboti!
Viena sesyte brolytī rēde¹⁾,
O ši antroji vartelus kēle.
Ai broli, broli, kada parjūsi
Po musū tėvo raudona rože?
Kad ji pražydēs, tai aš parjūsu.
O ir pražydo nedelēs rytā.
Niera, kai niera muma brolāčio.
Eiva, sesyte, brolyčio laukti,
Ant ano kalno, pas ūsiēs tvorā!
Ir nustovējom' kalnā²⁾, dūbatē,
Ir pakilnējom³⁾ ūsiēs tvoratē.
Niera, kai niera muma brolāčio.
Parbēg' žirgatis, rišia⁴⁾ par-
bēgo⁵⁾.
Aukso kilpatis šalē kabējo⁵⁾.

1) Слнчи Ф. и М. 74, стихъ 3 и 4:

— Suskink, sesele,
Man rutu ir meteliu!
Vaj kap suskiusi
Man rutu ir meteliu,
Užkišk, sesele,
Už mano kepureles.

2) Schl. kalne.

3) Варианты: nurýmojom, pér-
lipinējom.

4) Schl. riščē parbēga.

5) Schl. subāje.

Aši, aši zile dzied
Brāla nama pakaļā.
— Tec, māsiņ, klausities,
Kādu vēsti zil' atnese?
— Zil' atnese tādu vēsti:
Bāliņam karā iet, —
Bāliņam karā iet
Aizpuškotu cepuriti.
— Tec, māsiņ, dārziņa,
Puško brāla cepurit!
— Dziedadama appuškoju,
Raudadama pavadījū.
— Raud, māsiņ, voi ne raud,
Vairs tu mani ne redzēsi!..
Ja tu mani ne sagaid,
Sagaid manu kumeliņ, —
Sagaid manu kumeliņ
Par deviņas vasariņas, —
Par deviņas vasariņas
Ievas ziedu laiciņa,
Vaicajiet no kumēla,
Kur palika jājejiņš?
— Tur palika jājejiņš,
Kur guļ viri, kā ōzoli;
Kur zōbinus sārziem krauj,
Cepurites kaudzēm met...
Tas ne bija stundes laika,
Divi upes asņu tek, —
Divi upes asņu tek,
Treša — gaudu asariņ!..

1. Var. Zim. II, 48. R. kr. V, 1144;
1150. R. nod. I, 70; 162. R. B. 51.

1. Cekulaiņa zile dzied

Eiva, sesyte, žirgą sugaudīt',
Ir jam ¹⁾ sugāvus, išklausinėsim.

Ai žirge, zirge, brolio begune,
O kur tu dejei muma brolytį?
Juma brolytį mušij' nušove,
O mane paleido į visą svieta.
Devynes upes plaukte per-
plaukiau,

O šę dešimtą nerte pernėrau.
Ui, ui Dievuži, Dievulau mano,
Kas mum' ²⁾ padėsi ³⁾ brolio ge-
dėti?

Sauluže tare nusileisdama:
Aš jum' padėsu, brolio gedėti;
Devynes rytus miglužej' temsu,
O ši dešimtą ney ne tekėsu.

1. Var. Ф. и М. LXXIV.

1. O kad aš augau
Pas senąjį tėvelį,
Aš nusišėriau
Žirgelį jūdbėrėlį.
2. O ir atsiuntė
Man margą gromatėlę:
Vaj rajks man, rajks man
In Riguzėlę jotė!
3. Balnok, broleli,
Man žirgą jūdbėrėlį!
Suskink, sesele,
Man rutu ir meteliu!
4. Vaj kap suskinsi
Man rutu ir meteliu,
Užkišk, sesele,
Už mano kepurėlės.
5. Padūk, sesele,
Šikšninį kančiukelį!

Stalša spāres galinā ¹⁾.
Ej, māsije ²⁾, klausities,
Kādu ziņu zil' atnes'?

2. Tādu ziņu zil' atnes':
Būs brāļami karā iet.
Būs brāļami karā iet
Nepuškotu cepurit' ³⁾
3. Ej, māsije, dārziņā,
Puško brāļa cepurit'!
Dziedadama iegājus',
Raudama rōzes rāv'.
4. Dziedadama nopinus',
Raudadama galvā liek;
Dziedadama vartus vēr',
Raudadama pavadij'.
5. Raud', māsije, vai neraud',
Tu jau manis neredzes'.
Devitajā gadinā
Atnācis mans kumeliņš.
6. Kumelāmi pavaicāj':
Kur palika jājejiņš?
Tur palika jājejiņš,
Kur zōbini sviaukš un
svaukš.
7. Tur palika jājejiņš,
Kur asinu upe tek,
Kur asinu upe tek,
No kauliemi tiltu tais'.

2. Var. Zim. VI, 12.

1. Zile dzied, zile dzied
Stalša spāres galiņā ⁴⁾.
Ej, māsija, klausities,
Kādu ziņu zil' atnes!

- 1) Рядомъ съ этимъ: galiņa.
- 2) Обыкновенно: māsija.
- 3) Творительный падежъ ж. р.
- 4) L. Vārtu staba galiņa.

- 1) Schl. jī.
- 2) Варианты: mums, man.
- 3) Ness. padētu.

Vaj kap padūsi
Šikšninį kančiukelį,
Atkelk, sesele,
Žalio vario vartelius!

6. Vaj kad aš jojau
Tai siaurą uličelę,
Gražej kalbėjau
In žirgą jūdbėrėlį:
7. Vaj žirge, žirge,
Žirgeli jūdbėrėli,
Vaj ar nuneši
Tu manę in Rigelę?
8. Da ne dajojau
Nė in pusę kelelio,
Jau ir suklupo
Žirgelis an kojaliu.
9. Vaj kad žinotu
Mano senas tėvelis,
Jis man atsiustu
Žirgelį jūdbėrėlį.

2. Var. Rh. 47 (170). Ness. 24.
Jušk. L. d. 1085; Bar. 118; 160;
376.

Atlēke jūdas varnas ¹⁾,
Atnēse baltą ranką
Ir auksiną žiedėlį.
Klausu tavę, paukštėli,
Tu jūdasīs varnėli:
Kur gavai baltą ranką
Ir aukselio žiedėlį?
Aš buvau didžam' kare.
Ten didį mušį muše,
Ten kardų tvorą tvėre,
Pučkėlemis dūbę kase,

- 1) Сличи Jušk. L. d. 1136:
O ir atlėkė
Jūds vabalėlis, —
и выше: gulbjų pulkatis.

2. Tādu ziņu zil' atnesa,
Ka bāliņam karā iet.
Kur puškota cepurite,
Kur seglotais kumeliņš?
3. Ej, māsija, dārziņā,
Puško brāļa cepurit'!
Puško brāļa cepuriti,
Seglo brāļa kumeliņ'!
4. Dziedadama appuškoja,
Raudadama aizvadij' ¹⁾.
Dziedadama appuškoja,
Raudadama aizvadij' ¹⁾.
5. Par deviņi pusgadiņi
Pie māsijas serstu nākš'.
Ja es pats neatnākšu ²⁾,
Atnācis ³⁾ mans kumeliņš.
6. Paprasait kumelām ⁴⁾:
Kur palika jājejiņš? —
Tur palika jājejiņš,
Kur zōbinus zārdā ⁵⁾ krauj.
7. Kur cepures kaudzē met,
Kur no kauliem tiltu tais';
Kur no kauliem tiltu taisa,
Kur asinu jūra tek.
8. Pāri gāja mūs' māsija,
Kā lapiņa drebedam';
Kā lapiņa drebedama,
Kā lapiņa mirdzedam' ⁶⁾.
9. Nēm, māsija, špudauciņu,
Slauki savas asaras! ⁷⁾
Slauki savas asariņas,
Dziedē savu sirsniņu! ⁸⁾

- 1) L. pavadij'.
- 2) L. nepārnākšu.
- 3) L. Pārtecēs —
- 4) L. Paprasaiti kumelāmi.
- 5) L. sārta.
- 6) L. Kā puķite ziedēdam'.
- 7) Правильно asariņ's.
- 8) Неправильный конец стиха.

Ten kraujo upė bego¹⁾;
 Ten gul ne viens sunėlis,
 Ten verkia ne viens tėvėlis.
 Ui, ui, tai mano žiedėlis.
 Ne gryš mano bernėlis,
 Krint mano ašareles.

3. Var. Jušk. L. d. 1169.

1. Vidūr lauku }
 Kryklės²⁾ ūgu, } ds.
 Balti žiedaj žydi; } ds.
2. Balti žiedaj,
 Jūdos ūgos
 Ir šakėlės lėnku
3. Ir atlėkė
 Jūdas varnas,
 Jūdasis varnėlis,
4. Ir atnešė
 Baltą rąną
 Su auksu žiedėliu.
5. O, tu, varnaj,
 Jūdvarnėli,
 Jūdasis varnėli,
6. O kur ėmėj
 Baltą rąną
 Su auksu žiedėliu?
7. O Rėngūžės³⁾
 Miestužėly
 Dėdis kėras bėvu;
 8. Te nukėrtu
 Brėliu rąną
 Su auksu žiedėliu,

1) Ф. и М. LXXVI, стихъ 5:
 O an kalno vajskaš žusta,
 O po kalnu kraujeis pluksta,
 O nog dumu akis marksta,
 O nog krauju širdis alpsta.

2) Kryklė, jūda slėva, arškė-
 tis, slėvu (Зам. Юшк.).

3) Ф.-М. LXXIV: Rėgužėle.

3. Var. Брив. 1006. Зим. II, 84.
 Jur. I, 4. R. kr. V, 1152. Schl.
 стр. 18.

Div' dūdiņas gėisė skrėja,
 Abas skrėja dūdūdamas;
 Div' bėliņi karė jėja,
 Abi jėja dūamādami: —
 Vai būs jėti, vai nejėti,
 Vai palikti šai zemė¹⁾.
 Tec, mėsina, dārziņa,
 Puškūa brėla cepuriti,
 Dziadādama appuškūaja,
 Rėudādama pavadija.
 Kėra pulkė brasėdamis,
 Piamin savu ligaviņū;
 Ja tu patsi²⁾ neatnėksi,
 Atsūt' savu kumeliņū.
 Par devīņi vasariņi
 Kumeliņis attecēja.
 Pavāicāju kumeliņū:
 Kur palika jājėjiņis?
 Kur palika jājėjiņis,
 Karūadziņa nesėjiņis?
 — Tur palika jājėjiņis
 Uz tiam Lėišu rūabežiam,
 Kur guļ viri kė ūazūali,
 Sārtiam krėuti zūabentiņ';
 Kur asiņū upe tek,
 Nūa kauliami tiltu tāis'.
 Pārbrāuc jāuna ligaviņa
 Kė lapiņa drebėdam'.
 Tur stāigā Diava dēli
 Dvēselites lasīdami;
 Atraduši dvēseliti,
 Iatin baltā villāinē,
 Ianes svētā pa-ēnā,
 Guldin Diava šūpulī;

1) Сличь съ № 1 и его вари-
 антами. См. выше.

2) Соответствует лит. patsai.

9. Te užmušė
 Jus broliūkė,
 Pūjkų karejviūkė.
10. Aš atnešiau
 Baltą rąną
 Pas senūs tėvėlius.
11. O ne viėna
 Motynėlė
 Sunėliu raudėju,
12. O ne viėnas
 Tėvužėlis
 Sunėliu gedėju,
13. O ne viėna
 Sėserėlė
 Brėliu žėlavėju,
14. O ne viėni
 Sunužėlej
 Dumėlė dumėju.
15. Sudumėju
 Dumužėlė,
 Katrām kėran jėti?
16. O gražiāusiam,
 O jauniāusiam,
 Į karėlį jėti.

Liak engeli šūpūatāju,
 Kas dziadāja šūpūadamis:
 Karė kėuta dvėselit'
 Mūžam esi nemirus'.

4. Освобождение воина.

Bezz. L. F. 27.
 Jušk. L. d. 230. Bar. 53.

Bezz. L. F. 27, примѣчаніе 3.
 R. kr. V, 1155.

1. Šyrau žirgėlį i strajėlį,
 Auginau mergėl' per metėl',
 O aš jaūns ipėlau i vargėl'.
2. Sūšėau tarnėl' pas tėtūžė,
 Rėsi manė jaūną išvadėtui.
3. Tėtūžis māno āteidamas,
 Šimtą jūngu jauču ātvezda-
 mas,
 Tik jis manė jaūną neišva-
 dāva.
4. Sūšėau tarnėlė pas mamūžė,
 Rasi manė jaūną išvadėtui.

1. Zvidz, zvidz sirmėis zirdziņš
 Īkš stała,
 Rėud, rėud mīkėis brėliņš
 Īkš kara.
2. Pasakāit tam manam tėvam
 Nū manīm.
 Vāi tas zirgu (al. zemi) ne-
 pārdeva,
 Nū nelaimes nevadūja?
3. Nepārdeva sava zirgu,
 Neispirka man nū kara.
4. Zvidz, zvidz etc.

Ex lib. univ. Tart.

5. Mamūze māno āteidama,
Šimtā kāpu drūbu ātneš-
dama,
Tik ji manē jaunā neišva-
dāva.
6. Sūšcau tarnēlē pas brolyti,
Rāsi manē jaunā išvadotui.
7. Brolytis māna āteidamas,
Šimtā bērū žirgu ātvezdams,
Tik jis manē jaunā neišva-
dāva.
8. Sūšcau tarnēli pas sesyṭe,
Rāsi manē jaunā išvadotui.
9. Sesužyṭe āteidama,
Auksa žēdēli ātnešdama,
Tik ji manē jaunā neišva-
dāva.
10. Sūšcau tarnēlē pas mergyṭe,
Rāsi manē jaunā išvadotui.
11. Mergyṭe māna āteidama,
Mirtu vainikēli ātnešdama,
Ir ji manē jaunā išvadāva.
5. Pasakāit tāi manāi mātēi
Nū manīm.
Vāi tā gūvis nepārdeva,
Nū nelaimes nevadūja?
6. Nepārdeva sava gūvi,
Neispirka man nū kara.
7. Zvidz, zvidz etc.
8. Pasakāit tāi manāi māsai
Nū manīm.
Vāi tā āites (al. pūru) neiz-
deve,
Nū nelaimes nevadūja?
9. Māsa pūru gan izdeve,
Man nū kara neispirka.
10. Zvidz, zvidz etc.
11. Pasakāit tāi manāi brūtēi
Nū manīm.
Vāi tā mantas (al. krōni)
nepārdeva,
Nū nelaimes nevadūja?
12. Tā pārdeva sava mantas,
Nū nelaimes izvadūja
(al. Tā izpirka man nū kara).

Var. Ness. 119.

Devynes metus,
Ne vēnā dēnā,
Tralala lala,
Ne vēnā dēnā
Studentijoj' vaikščojau,
Turmužije sēdējau.
Kad ben ateitu
Mano mamuže,
Kad atsineštu
Du trys šimtelius,
Kad manē išvadotu,
Kojas, rankas liosotu.
O ir atējo
Mano mamuže,
Ir atsineše
Porā šimtelīu,

Var. L — —.

1. Zviedz, zviedz, sirmais zird-
ziņ,
Zviedz, zviedz, zviedz iekš
kara,
Eh, eh, zviedz iekš kar'! {Dz.
2. Raud, raud, jaunais puisit,
Raud, raud, raud iekš kara,
Eh, eh, raud iekš kar'! {Dz.
3. Pasakāiti manam tēvam,
Eh, eh, pasakāit,
Eh, eh, pasakāit!
4. Lai isdeva savu zemi,
Lai ispirka man' no kara.
5. Tēvs isdeva savu zemi,
Neispirka man' no kara.
6. Zviedz, zviedz etc.

Bet manē n'išvadavo,
Ney rankas n'išliosavo.
Kad ben ateitu
Mano sesele,
Ir atsineštu
Du trys šimtelius,
Kad manē išvadotu,
Kojas, rankas liosotu.
O ir atējo
Mano sesyte,
Ir atsineše
Porā šimtelīu,
Bet manē n'išvadavo,
Ney rankas n'išliosavo.
O ir atējo
Mano mergele
Ir atsineše
Aukso žēdēli,
Tai manē išvadavo,
Kojas, rankas liosavo.

7. Raud, raud etc.
8. Pasakāiti manai mātai etc.
9. Lai isdeva savas goves etc.
10. Māte goves gan isdeva,
Neispirka man' no kara.
11. Zviedz, zviedz etc.
12. Raud, raud etc.
13. Pasakāiti manam brālim etc.
14. Lai isdeva savu zirgu etc.
15. Brālis zirgu gan isdeva etc.
16. Zviedz, zviedz etc.
17. Raud, raud etc.
18. Pasakāiti manai māsai etc.
19. Lai isdeva savu pūru etc.
20. Māsa pūru gan isdeva etc.
21. Zviedz, zviedz etc.
22. Raud, raud etc.
23. Pasakāiti manai brūtei etc.
24. Lai isdeva savu krōni,
Lai ispirka man' no kara.
25. Brūte krōni isdevuse,
Man no kara ispirkuse.

IV. ПѢСНИ О ПОХИЩЕНІИ НЕВѢСТЫ.

Похищенная сестра.

- Ness. 206; 204; 205. Dowk. 5. L. — — (Liga. Rīgā un Tēr-
Rh. 42 (152). Kol. 72. Bezz. patā. 1880) стр. 137.
- L. F. 41.
- Dar gaidelai ne gēdojo,
Kad motuše kēlēs,
A a a a a a a
Kad motuše kēlēs.
- Kelkit, kelkit, sunuželei,
Nebēr' seserelēs,
A a a a a a a
Nebēr' seserelēs.
- Reiks jums joti, reiks važiūti,
Seselēs veizdēti,
- Viena pate mūs' māsīņa,
Mēs deviņi bāleliņi;
Viena pate mūs' māsīņa, } Dz.
Mēs deviņi bāleliņ').
- Ko liksimi mēs darīti
Tai vienai māsīņai? —
Ik rītipus pa pārami
Tirus rudzus maldināt.
- 1) См. Жуšk. L. d. 146, строфы 1
и Arch. 13, строфы 4.

A a a a a a a
 Seselės veizdėti¹⁾.
 Eikit, eikit į staldelį,
 Balnokit žirgelius.
 Motušele, balandele,
 Kuriu keliu josma?
 Kur antjosit vėškelelį,
 Ruteleis barstyta.
 Kur atrasit žales lankas,
 Žaliases lėpeles,
 Tū lėpeliū galunelej'
 Margaję gegele.
 Ir antjojem vėškelelį,
 Ruteleis barstyta,
 Ir atradom žales lankas,
 Žaliases lėpeles,
 Tū lėpeliū galunelej'
 Margaję gegele.
 Pasakyki, gegužele,
 Kur mūsų sesele?
 Jokit, jokit, bernuželei,
 Čė nēr' seserelės.
 Kur antjosit aukštus kalnus,
 Margajį dvarelį,
 Ten atrasit seserele
 Užstalių sėdinčę.
 Ir antjojem aukštus kalnus,
 Margajį dvarelį.
 Ir atradom seserele
 Graudžey beverkiančę.
 Ne verk, ne verk, seserele,
 Mes tavę vadosma.
 Nors zirgelius mes padūsma²⁾,
 Tavės ne padūsma.
 Išvadosma, ne padūsma
 Savo seserele.

1) Такие стихи повторяются во всех строфах.

2) Dowk.adūsma (= atdūsma).

Ej, māmīpa, paskatiesi,
 Ko dar' mūsų malejiņa. —
 Ienāk mātė raudādama:
 Nav malejas kambari.
 Ko gaidati, jūs, brālīši,
 Dzenatiesi pēc māsīpas!
 Bēržat piešus, auņat kājas,
 Seglojati kumelīpus!
 Seglojati kumelīpus,
 Velkat lūšu kažociņus!
 Velkat lūšu kažociņus,
 Liekat caunu cepurites!
 Liekat caunu cepurites,
 Dzenatiesi pēc māsīpas!
 Dzenatiesi pēc māsīpas
 Simtu jūdžu naksniņā!
 Simtu jūdžu naksniņāi,
 Divi simti dienīņā. —
 Jau simtiņa galiņāi,
 Stāv deviņi spēlmaniši.
 Vai, deviņi spēlmaniši,
 Kam tik daļi spēlejat?
 Tai māsai spēlejami,
 Ko vakari garam veda;
 Ko vakari garam veda,
 Kam deviņi bāleliņi.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Voi varesim mēs panākt?
 Dzenatiesi otru simtu,
 Tad jūs viņu panāksat. —
 Otra simta galiņāi
 Stāv deviņi spēlmaniši.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Kam tik daļi spēlejat?
 Tai māsai spēlejami,
 Ko vakari garam veda;
 Ko vakari garam veda,
 Kam deviņi bāleliņi.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Voi varesim mēs panākt?
 Dzenatiesi trešo simtu,

Ui brolelei, kame buyot
 Vakar vakareli?
 Kad aš buvau mergužele
 Po rutū vainiko?
 Jau šę dēnā, šę dēnele
 Vyro gulovele.

1. Var. Jušk. L. sv. d. 212; 23;
 88; 151; 180; 209, 210 u 211.

1. Trejī gajdzėj ne giedōju, } ds.
 Kāj močūtē kēlē;
2. Atsikēlus, ulavōju,
 Sunēlius kilnōju: —
3. Kēlkiť, kēlkiť, sunytēlej,
 Balnōkiť žirgēlius;
4. Svīrnu dūrys atdarýtos, —
 Jau sesēlės nēra.
5. Pabalnōkiť šeštūs žirgus,
 Visūs šeštūs širmus,
6. O jus, jōkiť, jus keliāukiť
 Sesēlės jūškōti.
7. Jōkiť, jōkiť, sunytēlej,
 Aņt šešiū kelēliu;
8. Výkiť, výkiť seserēle
 Viēšūju kelēliu.
9. Kur sesēlės nuvažuāta, —
 Rutēlės barstýta,
10. Diēverēliu šalē jōta,
 Rasūžē braukýta,
11. Šalē kēliu-viēškelēliu
 Ugnēlē kūrinta,
12. Aplūk tāņjē ugnužēlē
 Jaunimēliu šōkta.
13. Ir prijōjum žaliā lānkā, —
 Žirgēlej ganýti,
14. Ir prijōjum srōvēs ūpi, —
 Žirgēlej gýrdyti,
15. Ir prijōjum žaliā lēpā, —
 Ugnēlē kurinta,
16. Apē lēpos lūmenēli, —
 Sesēlē šōkdīnta,

Tad jus viņu panāksat. —
 Trešā simta galiņāi
 Stāv vartiņi paviruši.
 Isnāk veca māmuliņa
 Sīvus supus sārgādama.
 Sīvus supus sārgādama,
 Ielaiž mani sētiņā.
 Ielaiž mani sētiņāi,
 Ieved mani istabā.
 Ieved mani istabāi,
 Paceļ mani niedru krēslu.
 Paceļ mani niedru krēslu
 Pie tā balta liepu galda.
 Usliēk mani koka sviestu,
 Stērķelētu baltu maizi.
 Ne mēs ēdam, ne mēs dzēram
 Pēc māsīpas dzidamies.
 Es ierāugu sav' māsīpu
 Sēžam galda galiņā;
 Sēžam galda galiņāi,
 Birst man sēras asariņas.
 Māsīp', zelta drōstaliņa,
 Nāc man līdz us mājīņām.
 Brālīt, vasku ritulīti,
 Es ne-iešu tev vairs līdz.
 Es usgāju labu zemi,
 Labas zemes arajiņu.
 Pārnes manai māmukītei
 Dižus labus vakariņus!
 Kam māmīpa mani lika
 Tani tumšā kambari.
 Tani tumšā kambarēji
 Tirus rudzus maldināt.

1. Var. Cnp. ctp. 261.

Ej, māmīp, maltuvē,
 Apraug savas malejiņas.
 — Durvis, logi vaļā stāv,
 Nau ne vienas malejiņas...
 Sukajiet, seglojiet,

17. Ļ lapēlius, Ļ žaliūsus,
Spilgēlēs smajgstýtos,
18. Ļ liēpēlēs viršunēlē
Vajņikas kabīntas,
19. Ļ liēpēlēs šakužēlēs
Kasņīnkaj vēdinti.
20. Kāj pīrjójum ūšvēs dvāra,
Štaj mūsu sesēlē:
21. Už stalēliu be-sēdinti,
Graūdžej be-vērkianti.
22. Cit, ne verk, seserēlē,
Mes tāvē vadūsīm:
23. Šeštūs žirgus atidūsīm,
Tāvē išvadūsīm.
24. Jau ne čēsas, broļužēlej,
Māņē atvadūti.
25. Būvu atjot, broļužēlej,
Vākar vakarēly,
26. Kāj aš buvaū po vajņiku,
Po šilkū kasņīnku,
27. O jau dabār, broļužēlej, —
Po jūdu gobtūru,
28. Po jūdāju gobturēliu,
Po dýmos rišēliu.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 674;
672; 673. Mitt. I, ctp. 206.

1. Kadā būvu gerī mētaj,
Gērē bernēlej arelkēlē.
2. Kāj bernēlej pasigērē,
Sau mergēlē parkalbēju,
3. Sau mergēlē parkalbēju,
Ni močiūtē ne žināju.
4. Vājšēio mōčia po dvarēli,
Sunytēlius kilūdama: —
5. Kēlkiť, kēlkiť, sunytēlej,
Balnókite žirgužēlius.
6. Pabalnóju ir išjóju
Seserēlēs pajtēškóti.
7. Mes pavýjūm seserēlē
Ant jurēliu, ant marēliu, —

Bāleliņi, kumeliņus!
Dzenaties pēc māsīņas! . .
— Jāju, jáju visu dienu,
Uzjāj vienu augstu kalnu;
Augsta kalna galiņā
Ieraudziju lielu ciemu.
Piesalaužu šautru klēpi,
Laižu ciema sētmalē.
Sasatrūka ciema supī;
Izteka ciema dzeltanites.
Divas mani pašu veda,
Treša — manu kumeliņ'.
Ieved manu kumeliņu
Zaļu piedru stalitē.
Ieved pašu istabā,
Paceļ man liepas krēslu,
Pavelk man meln' galdiņu,
Uzliek Dieva mielasīņu,
Pasniedz baltas biķerites.
Liek man ēst, liek man dzert,
Liek diendusi padusēt.
Ni es ēdu, ni es dzēru,
Pēc māsīņas dzīdamies.
— Ēd un dzer, ne bēda!
Šepat būs jūs' māsīņa . . .
Šai-viņā kambarē
Sēd pie galda rakstidama, —
Sēd pie galda rakstidama,
Balts autiņš galviņā! . .

2. Var. Zim. IV, 20.

1. Ej, bālini, lūkotiesi,
Ko dar' tava malejiņ' ? —
Logi vaļā, duris vaļā,
Nedzird rūcot dzirnaviņ'.
2. Iet bālinis lūkotiesi,
Atnāk as'ras slaucidams.
Velc, bālini, melnus svarkus,
Seglo savu kumeliņ'!
3. Jāju, jáju vienu simtu,
Usjāj' vienu augstu kaln'.

8. Su lajvūnu be-kālbanti,
Ļ lajvēli be-sēdanti,
9. Ļ lajvēli be-sēdanti,
Labāj graūdžej be-vērkianti.
10. Cit, ne vērki, seserēlē,
Išvadūsīm mes brolēlej:
11. Šeštūs žirgus atidūsīm,
Seserēlē išvadūsīm.
12. Jau ne čēsas, broļužēlej,
Jau sudētos bāltos rānkos,
13. Jau sudētos bāltos rānkos
Sumajnyti žēdužēlej.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 682;
853; 854. Bezz. L. F. 17. O. B.
ctp. 162.

1. Šēn naktēlē
Par naktēlē } ds.
Dvarēlis dūnzgēju }
2. O če būta
Didžu pōnu,
Išvēžta dukrēlē.
3. Ir išējna
Motynēlē
Iš āukštu svirnēliu.
4. Išēju iš
Svirnužēliu
Ne rānda dukrēlēs,
5. Ir ne rānda
Dukružēlēs,
Sāvu lelijēlēs: —
6. Kēlkiť, kēlkiť,
Sunužēlej,
Balnókite žirgēlius,
7. Pabalnóje
Žirgužēlius,
Výkite sesēlē.
8. Kur sesēlēs
Nuvažiūta, —
Rutēlēs barstýtos;

- Us ta viena augsta kalna
Trīs deviņi spēlmaniš'.
4. Labdien, labdien, spēlma-
niši,
Kam jūs šodien spēlejiēt?
Tai meitiņai spēlejami,
Ko šo dienu garam ved'.
5. Jāju, jáju otru simtu,
Usjāj' otru augstu kaln'.
Us ta otra augsta kalna
Trīs deviņi kokletaj'.
6. Labdien, labdien, kokle-
taji,
Kam jūs šodien koklejiēt?
Tai meitiņai koklejami,
Ko šo dienu garam ved'.
7. Jāju, jáju trešu simtu,
Usjāj' vienu osolmuiž'.
Visapkart ir liepas sēta,
Vārtu priekšā atslēdziņ'.
8. Isnāk trīsī tēva dēli
Dzeltaniemi matiņiem.
Divi mani pašu veda,
Trešais veda kumeliņ'.
9. Liek man ēsti, liek man
dzerti,
Liek apkārti skatities.
Ne es ēdu, ne es dzēru,
Apkārti vien skatijos.
10. Es redzeju sav' māsīņu
Viņā galda galiņā;
Balta mice galviņai,
Alus kannā rocipā.
11. Ed, bālini, dzer, bālini,
Es vairs tava nebūšu:
Patikama šī zemīte,
Pa prātam ir arajiņš¹⁾.

1) Правильно: Pa prātami ara-
jiņ's.

9. Šalē kēliu,
Viēškelēliu,
Ugnēlē kūrīnta;
10. Pas tāt ūgni,
Ugnužēlē,
Jaunimēliu šokta.
11. Jōkim, jōkim,
Brolužēlē,
Ik žāliaj girēlē.
12. Kāj prijōjum
Žāliā gīrē, —
Žirgēlē ganīti.
13. Jōkim, jōkim,
Brolužēlē,
Ik srōvej upēliu.
14. Kāj prijōjum
Srōvēs ūpi, —
Žirgēlē gýrdyti.
15. Jōkim, jōkim,
Brolužēlē,
Ik mārgam dvarēliuj.
16. Kāj prijōjum
Mārgā dvāra, —
Če rādum sesēlē:
17. Tajp ji gražēj
Parédýta,
Už stālu sodīnta.
18. Grīnžki, grīnžki,
Sesuzēlē,
Grānžina močūtē.
19. Jau ne-tiēsa,
Brolužēlē,
Ne-vtērnī žodēlē;
20. Vākar buvaū
Su vajnīku
Ir su kaspīnēlejs,
21. O jau šēndtēn,
Brolužēlē,
Su šilkū gobtūru.
22. Sudtēv, sudtēv,
Sesuzēlē,

3. Var. Taut. d. 37.

- Mēs devīpi bāleliņi,
Viena pate mūs māsīņa,
Viena pate mūs māsīņa
Ira liela malejiņa.
Ta ikrīta pa pūram
Tirus rudzus maldināja. —
Nerūc zelta dzirnaviņas,
Nedzird mūsu malejiņas.
Eit, dēliņi, apraugāt,
Ko dar' mūsu malejiņa!
Nerūc dzelta dzirnaviņas,
Nav vairs mūsu malejiņas.
Še, dēliņi, raibi zimdi,
Dzenatiesi sav' māsīņu!
Dzenatiesi sav' māsīņu,
Līdz jūs viņu panāksit.
Simtu jūdžu galiņā
Spēlē koši spēlmaniši.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Priekš ka koši spēlejat?
Spēlejam tai māsai,
Ko vakari garam veda.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Kur mēs viņu panāksim?
Dzenatiesi otru simtu,
Tad jus viņu panāksit.
Otra simta galiņā
Spēlē koši spēlmaniši.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Priekš ka koši spēlejat?
Spēlejami tai māsai
Ko vakari pārvedām.
Ai, brāliši, mīli, balti,
Pēc ka jūsi dzenaties?
Ai, māsīņa, mīla, balta,
Mēs pēc tevis dzenamies.

4. Var. Ə. B. ctp. 158.

1. Vaļā duris, vaļā lūgi
Nādzērd mōses moltivē.

- Baltā lelijēle;
23. Mes parnēšim
Motynēlej
Dīdžē naujynēlē.

2. Eij, mamiņ, pasaver¹⁾,
Ku dor meusu malejeņa.
3. Atīt mōte raudōdama,
Asareņas slaucēdama.
4. Celītēs, brōleliņi,
Aunīti zōbokus,
5. Aunītet zōbokus,
Sādalojet kumelenš.
6. Sādlojet kumelenš
Dzenītes simt jeudz.
7. Dzenītes simt jeudz.
Muš mōseņ danōcēt.
8. Simta jeudzu galeņa
Dūdoj pīce dūdmaņīše.
9. Jeus mīli dūdmaņēši,
Kōpec jeus dūdōjet?
10. Tai mōsai dūdōjami,
Kur šū (šo) nakt cauri veda;
11. Bolta mēla vilnōheite,
Syrkan rožu vainuciņš.
12. Jōjam, brōli, ūtru simtu,
Mož mōsiņ(u) danōcēm.
13. Ūtra simta galeņa
Spelej pīce spālmaņi(ša).
14. Jeus, mīleji spālmaņīši,
Pēc ko jūs spēlejat?
15. Tai masai spēlōjam,
Kur šo nakt cauri veda.
16. = 11.
17. Jōjam brōli trešu simtu,
Moš(ž) mōseņu danōcēm.
18. Treša simta galeņai
Doncoj simta dzaltaņīš(u).
19. Jeus, mīļojēs dzaltaņīšes,
Kōpēc jeus doncōjīt?
20. Tai (toi) mōsai doncōjam
и т. д. = 15 = 10.
21. = 16 = 11.

1) Бм. нūsaskrej (Зам. Ə. B.).

22. Līnam, brōli, ustobā,
Mož mōseņu pazinam.
23. Sād mōseņa aiz galdiņa,
Ols kaniņa rūceņa.
24. Lob reiteņ, meus mōseņa,
Is ar mums apakaļ?
25. Eit ar Dīvu, brōleleņ,
Ās nāgōju apakoļ,
26. Man patyka šei zemeife
Šōs zemeites orōjeņ.
27. Eit ar Dīvu, brōleleņ,
Posokōt mōmeņai,
28. Posokīt mōmeņai,
Lai jei mani naraudov.
29. Es nūgōju pavaser,
Kot jeudeņs nūsoskrēj,
30. Kot jeudeņs nūsoskrēj,
Kai kūceņes salopov ¹⁾).

V. Объ упавшемъ вѣнкѣ.

Дѣвица теряетъ вѣнокъ.

Sehl. стр. 33. Rh. 61 (216).
Stan. 7. Dowk. 40. Ness.
83—91. Arch. 27.

Taut. d. 4.

Nusipýniau vainikēlī
Vēnū nēgelkāču;
Užsidējau ant galvélēs,
Ējau vandenāčo.

Ir užkilo vējužēlis ¹⁾,
Šiaurinis vējātis,
Ir nupūtē vainikēlī
Ī srovēs upēlē.
Ir atjōjo trýs bernýcei,
Visi trýs nevēdē;

Smuka meitiņ agri cēlās,
Gāja dārziņā.
Gāja, gāja dārziņā
Ravēt baltas rozes.
Ravē, ravē baltas rozes,
Pina vaiņadziņu.
Pina, pina vaiņadziņu,
Lika galviņā.
Lika, lika galviņā,
Gāja gar jūrīņu.

1) Какъ видно, эта пѣсня
плохо записана: въ ней встрѣ-
чаются неправильности въ отно-
шеніи верхнелатышскаго говора.

1) Вариантъ: Ir pakilo šiau-
rēs vējes. (Срав. и III.)

Kursai būsit māno mēlas,
Plauksit vainikēlio?
Iš tū trijū atsirādo
Šis vēns, tās jaunāsis ¹⁾);
Kai jis plaukdams nepriplaukē,
Tai jis ir nuskēndo.
Nesakýkit mēlām tėvui,
Kād bernýtis skēndo,
Bēnt sakýkit mēlām tėvui,
Kād zirgýčūs girdant.

1. Var. Rh. 6 (20). Ness. 85;
87. Bar. 309.

Kas tai dyvai, didi dyvai!
Rutū sėjau, rožes dygo
Pyk, mergyte, vainikēlī,
Žalū rutū vainikēlī!
Eik, mergyte, vandenēlio!
Aš ir ējau vandinēlio,
Ir užtiko šauras vējas
Ir ģpute vainikēlī
Ī jurū gilumēlī.
Trys bernýcei žaloj' lankoj',
Šēnā pjove žaloj' lankoj'.
Katrās busit' mano mielas?
Katrās plauksit' vainikēlio?
„Ir aš busu tavo mielas,
„Ir aš plauksu vainikēlio
„Ī jurū gilumēlī.“ —
Vainikēlis prie krantēlio,
Bernužēlis prie dugnēlio.
Vainikēlis ant rankēles,
Bernužēlis ant lentēles.

2. Var. Rh. 31 (106). Ness. 144.
Bar. 112.

Pirkit', brolēlei,

1) Вариантъ: Vēnas tās maži-
āusies. (Зам. III.)

Gāja, gāja gar jūrīņu,
Uspūš rīta vējš.
Uspūš, uspūš rīta vējš,
Nopūš vaiņadziņu.
Nopūš, nopūš vaiņadziņu,
Iedzen jūrīņā.

Viņpus jūras es redzeju
Divus bāleliņus;
Viens brālītis isrunāja
Gudru valodiņu;

Otris saka: Nāc maitiņā,
Patur' kumeliņu!
Patur', patur' kumeliņu,
Peldēs ¹⁾ jūrīņā;
Peldēs ¹⁾, peldēs ¹⁾ jūrīņā
Pēc vaiņadziņa;
Bet nesaki māmiņai
No vaiņadziņa,
Sak' no bēra kumeliņa
Ar zelta sedliņiem.

Var. Брив. 414. Спр. стр. 5.
Pl.-M. 18; 19. Zim. II, 38;
III, 3. R. B. 8; 16.

Jūrā gulu ļaunadziņu,
Nīadrē kārū vaiņadziņu;
Atskriān zaļa līdecipa,
Parāu manu vaiņadziņu,
Nem, bāliņi, ūašu ļaivu,
Dzenīas manu vaiņadziņu!
— Smaga ļaiva tā, māsīņa,
Nesadzinu vaiņadziņu.
Nem, bāliņi, ļaivu ļaivu,
Dzenīas manu vaiņadziņu!
— Vīagla ļaiva tā, māsīņa,
Nu sadzinu vaiņadziņu, —
Nu sadzinu vaiņadziņu

1) Sic! Хотя ожидается pel-
dēs'.

Man vainikēlī
Ant gelsvū kaselū!
Vainikužī devēsu,
Lankoj' sēnužē grēbsu.

O ir nupūle
Mano vainikēlis
Ī čystā vandenēlī.
Dabar nuplauksi
Žaloms lankēlēms,
Ī jures, ī marēles.
Jurūžems plauksi,
Mergužē bevirkdīsi.

Ay tič, ne verkis,
Mano mergyte!
Gausi svečią bernytī
Su žaliaiseis tinklēleis.

O tu sužvejosi
Mano vainikēlī
Iš jurū, iš marēlū.

Simtu jūdžu galipā . . .
Es sūaliju simtu mārku,
Ne galviņas nepacēla;
Vēl sūaliju ūatru simtu,
Tad vārdipū vian attēica, —
Tad vārdipū vian attēica:
Lai nāk pate valkātāja, —
Lai nāk pate valkātāja,
Man gultiņas tāisitāja.

VI. Объ упавшемъ кольцѣ.

(Объ утонувшей дѣвицѣ.)

Ness. 378; 93; 94 n 95.
Rh. 65 (232). Kol. 21.

Trys lēpates paupelij',
Visos vēnam' kelmūželij'.
Ir atējo trys mergates
Pas tōs upužēs lēpates.
Dvi sesyti prē šakeliū
Pasilaikusios perženge.

O paskiausia ne galējo,
Ta ipūle ī upele.

Upe jeje ne palaike,
Ir nuneše ī Nemonā.

Nemonas je ne palaike,
Ir nuneše ī Rusnele.

Rusne jeje ne palaike,
Ir nuneše ī mareles.

L. — —. Bergm.¹⁾ Pl.-M 4.
Taut. d. 56. Zim. II, 53.

Skāit' māmīpa, savas méitas!
Ar ir visas vakarā²⁾?

Ira lielas, ira mazas,
Pastarītes vien navāid.

Pastarīte āistecēja

Gar upīti rāudādama,

Gar upīti rāudādama,

Ievas ziedus brāucidama,

Ievas ziedus brāucidama —

Nokrit zelta gredzentiņš,

1) Livona. 1812. Стр. 187.

2) Bergm. kambarē.

Mares jeje ne palaike,
Ir nuneše ī jurates.
Jures jeje ne palaike,
Ir nuplauke pas kranteli.
Če užaugo žalia lēpa
Su devynom's šakuželem's.
Eit brolytis duda pjauti
Iš lēpatēs šakuželēs.

Gražey skamba mano duda,
Balsas graudžey atsilēpja.

Močute atsake verkiant:
Tai ne balsas iš lēpatēs.

Tai sesytēs dvaselate
Ant vandenačo plaukianti.

Var. Ness. 92.

Aš ējau ī daržā,
Aš pransiau veidelī
Su rutū rasele.

Šlostijau veidelī
Lēlijōs lapeliu,
Lēlijōs baltosēs.

Man lenkant lēlija,
Nupūle žēdelis

Nū baltōs rankelēs.

Pamečau žēdelī!

Kas matēt, sakykit!

Kas radot, atdūkit!

Ne mano žēdelis!

Bernyčo pirktasis,

Iš meilēs dūtasis.

Pēc gredzena sniegdamāsi,
Iekrit pate upītē.

Upīt' viņu nepanesa,
Tā ienesa Dāugavā¹⁾.

Dāugav' viņu nepanesa,
Tā ienesa jūrīpā.

Jūrīp' viņu nepanesa,
Tā ismeta malīpā.

Tur isāuga kupla liepa
Deviņiem žuburiem.

Iet brālītis kōkles cirst
Devitāi žuburā.

Sāk brālītis kōkles sist —
Tās kōklites glīti skan.

Sak' māmīpa rāudādama:
Tā dzied mana pastarite,

Kas iekrita upītē.

1. Var. R. nod. I, 100.

Māte savas meitas sauca,
Vaj ir visas vakarāi.

Iraid visas, iraid visas,
Pastarītes vien nevaid.

Pastarite aizteceja
Upes malu raudādama,

Upes malu raudādama,
Baltas rokas mazgadama.

Baltas rokas mazgadama,
Udens zīles lasidama,

Udens ziļu sniedzotiesi,
Iekrit balta villainite.

Villainites sniedzotiesi,
Iekrit zelta gredzentiņš;

Gredzentiņu sniedzotiesi,
Iekrit pati upītēi.

Upīt' viņu neuzņēma,
Nesa vilpi jūrīpāi.

1) Bergm. и Брив. Gāujipā.

Jura viņu neuzņēma,
Nesa viņu malīņai.

Tur uzauga kupla liepa
Deviņiem žuburiem;
Devītajā gadīņai
Tur gāj' brāļi kokļu šķelt.

Tās koklites glīti skanē,
Māmuliņa gauži raud:
Tā dzied mana pastarīte,
Kur' iekrita upītē.

2. Var. Спр. стр. 27 и 28.
K. Ulm. стр. 199, № 18.

— — — — —
— Še ir man visi bērni,
Pasterītes vien nevaid! . .
— Pasterīte aisteceja
Upes malu cīeredama,
Upes malu cīeredama,
Ievas ziedus braucīdama.
Ievas ziediņ i braukot,
Nokrit zelta gredzeniņš;
Gredzeniņu meklējot,
Nokrit mēlu vilnanīte;
Vilnanītes meklēdama,
Iekrit pate upītē.
Ta upīte ne panese,
Ta ienese jūriņā;
Ta jūriņa ne panese,
Ta issīte malīņā.
Tur izauga kupla liepa
Deviņiem žuburiem.
Devītā žuburā
Savi brāļi kōkles šķēle.
Saka brāļi kōkledami:
Gauži skan tās kōklītes . . .
Tā raud mūsu pasterīte,
Svešu zemi staigādama! . .

3. Var. Pl.-M. 5.

Meš biejom trejš mosienias,
Koladu, koladu!')
Mani trešys nairēdzēja,
Išviž mani upiejtā,
Tiej upiejta nanasdama,
Išviž mani azarā;
Tys azars nanasdams,
Išviž mani Daugavā;
Tiej Daugava nanasdama,
Išviž mani jyurenīds;
Tos jyurenis nanasdams,
Izsyt putu gobolā;
Ti isauga kupla lipa.
Na ti bieja kupla lipa,
Ti bie dorga dviesieļjta.

4. Var. Брив. 938.

Kūa tia tēva supi rej
Aiz tūa manu rūažu dārz'?
Tāutiats stāv lejiņā,
Gāida rūažu ravētāju.
Nāca līalas, nāca mazas,
Nenāk mana ļaudaviņa.
Aiziat mana ļaudaviņa
Gar upīti dziadādama, —
Gar upīti dziadādama,
Iavas ziadus lasīdama, —
Iavas ziadus lasīdama —
Nūakrit zelta gredzēnīts;
Pēc gredzena sniagdāmās,
Iakrit pati upītē.
Upīt' nesa, nepanesa,
Tā ianese Gāujiņā;
Gāujiņ' nesa, nepanesa,
Tā ianese jūriņā.

1) Этот стихъ повторяется
во всѣхъ строфахъ.

Jūriņ' nesa, nepanesa,
 Tā izmeta maliņā.
 Tur ūzauga kupla liapa
 Deviņām žuburām;
 Devītā žuburā
 Rigas puiši kūakles tāisa.
 Saka paši kūaklētāji:
 Tās kūaklītes gāuži skan, —
 Tās kūaklītes gāuži skan,
 Kā vīantule ligaviņa.

5. Var. Zim. IV, 75; III, 52.
 Bezz. L. D. стр. 26, № 3.

Trīs meitiņas lieljāsi
 Par Daugavu pārpeldēt;
 Divas vien pārpeldeja,
 Treša grima dibinā.

Kur ta meita nogrimusi,
 Tur usauga balta liep';
 Tur usauga balta liepa
 Apzeltītām lapiņām.

Jauni puiši garām gāja,
 Nedriksteja zaru laust.
 Vienu zaru nolauzuši,
 Ietin zižu lakatā.

Ietin zižu lakatiņā,
 Ieliek pūra dibinā.
 Cik reiz vāku pacilāja,
 Tik asaras noslaucij'.

VII. Обѣ упавшемъ съ лошади юношѣ.

(Три кукушки.)

Rh. 29 (98). Ness. 359.
 Jušk. L. d. 1243.

Брив. 458.

Per tiltā jojau,
 Žirg's issibaido,
 Nu žirgužio nupūlau.
 Ay, tai man minkštas,
 Mans patalēlis,
 Čystasis vandenēlis!

Por tiltu joju,
 Nū zēirga kritu,
 Dublūs tī es voļjūs.
 Es tī gulēju
 Divi nedēļos,
 Nikos mani navāicāja.

Aš atsikēļes,
 Apsižurējēs:
 Jau nier' mano draugēlio.

Aš patsai ludnas,
 Žirgytis smutnas.
 Uj, kā dabar darysu?

O ir atlēke
 Trys gulbuželes
 Iš karalaus darželio.

O ir nutupe
 Tos gulbuželes
 Ant brolyčio kapēlio.

Gulbe pri kojū,
 Gulbe pri galvōs,
 Gulbe pri šalatiēs.

Marti pri kojū,
 Sesū pri galvōs,
 Mamuže pri šalatiēs.

Marti gedējo
 Trīs nedelates,
 Sesū trejus metelus.

O šī mamuže,
 Mano garbužele,
 Kol jos gyva galvéle.

Var. Ness. 360. Stan. 28.
 Dowk. 20. Kol. 4. Jušk. L. d.
 1246. Bar. 116; 313¹⁾; 382.

Per tiltā jojau,
 Nū žirgo pūliau,
 Purvynelij' gulējau.

Žirgelis mano,
 Bērasis mano,
 Pri šalelēš stovėjo.

Minojo mano
 Kojas, rankeles,
 Ir skaistijį veidelį.

1) Справ. Куршатъ: „Gramma-
 tik der Lit. Spr.“ стр. 454.

A trešāja pi man
 Nāk trēis dzaguzas,
 Vidā tumsos naksnēiņos.

Kūkoja vīna
 Pi koju goliņa,
 Utra pi golviņas, —

A treša, (rōiba)¹⁾
 Rōiba dzaguza,
 Kūkoj pi sirsnēiņos.

Pi kojam mōrša,
 Pi golvas mōsa,
 Pi sirsnēiņos mōmulēina.

Žalūja mōrša
 Pus mēneša,
 Mōsa goda pustreša;

A mōmulēina,
 Monis ouklejēina,
 Cikom dzēiva, žalūja.

Mōrša polāida
 Nū tōs vītas,
 Mōsa da baznēicoi;

A mōmulēina,
 Monis ouklejēina,
 Tei da pošas dzimteines.

1) Этого слова нѣтъ у Брив.

Tekėjo mano
 Jūdi kraujelei
 Kaip bijunū lapelei.
 Aš ten gulėjau
 Trys nedėleles,
 Nėk's manės ne gedavo.
 O ir atlėke
 Trys gegužėles
 Vidur tamsiōs naktelės.
 Ui kukoj', kukoj'
 Trys gegužėles
 Pri mano patalelio.
 Vėna kukavo
 Kojū galelij',
 Antroji pri galvelės.
 O ši trečioji,
 Raiba gegele
 Pri pat mano širdelės.
 Marti pri kojū,
 Sesū pri galvōs,
 Motuše pri širdelės,
 Ui sergu, sergu,
 Sergu, negaliu,
 Ant rankeliū nešamas.
 Ui sese, sese,
 Sesele mano,
 Taisyk man patalelį.
 Šilkū paklotę,
 Šilkū apklotę,
 Lėlijės pagalvelę.
 Gyte ne gysiu,
 Jau regiu, mirsiu,
 Tai gailėsį darysiu.
 Verks manės varpai,
 Verks vargonelei,
 Verks ir sena motuše.
 Ne atverks varpai,
 Ney vargonelei,
 N' atverks sena motuše.
 Tikt manę atverks

Jūda žemele,
 Balta grabo lentele.
 Ui eisiu, eisiu
 Į tą žemele,
 Kur busiu be vargelio.
 Toje žemelej'
 Baltos lenteles,
 Ten busiu be vargelio.
 Martei paliksiu
 Berą žirgeli,
 Sesei ¹⁾ branges sukneles.
 O motušelei,
 Augintojelei,
 Meilingūsius žodelius.
 Marti lydėjo
 Lygi varteliū,
 Sesū į puskelelį.
 O motušele,
 Augintojele,
 Į žaliūsius kapelius.
 Marti gailėjos ²⁾
 Trys nedėleles,
 Sesū trejus metelius.
 O motušele,
 Augintojele,
 Visą savo amželi.

VIII. О потерянномъ конѣ.

(Предложеніе къ вступленію въ бракъ.)

Ness. 181. Dowk. 19. Ф.-М. 46. Taut. d. 46; 45. Брив. 764.
 Brug. 49. Jušk. L. sv. d. 34; 115. Austr. 1894 г. стр. 95. R. nod.
 I, 102. R. B. 25.

Ko jėškai, bernuželi,
 Ši miglotą ryteli?

Man pazuda kumeliapis
 Celtmotā lūdumā;
 Trīs dienīpas, trīs naksnīpas
 Meklē savu kumeliņu.
 Ceturtā dienīpā
 Atrod savu kumeliņu,
 Atrod savu kumeliņu
 Tautu meitas laidarā.

1) Въ жамайтскомъ нарѣчїи
 иногда склоняется: Sese, seses,
 sesei вмѣсто Sesū, seseres, sese-
 rei. (Зам. Нещ.)

2) Вариантъ: raudojo. (Зам.
 Нещ.)

Ješkau bēro žirgelio
Ir tymojo balnelio.

Sakyk tēsa, berneli,
Koksai buvo žirgelis?
Jūdbērelis žirgelis,
Sidabrītas balnelis.

Ne ješkoki, berneli,
Savo bēro žirgelio!
Tavo yra žirgelis
Mano tėvo staldelij'.

Sakyk tēsa, mergele,
Kam padore iškađą?
Naują žogrį išlauže,
Žalius rutus pamyne.

Sakyk tēsa, mergele,
Sakyk tēsa, jaunoji,
Ko tas vertas žogrelis?
Ko yr' verti rutelei?

Penkiū, šešū dorėliū,
Manēs jaunōs mergelės.
Daber penkis pridėsiu,
Tavę jauną parvesiu.

Lūgšus lūdzu, lai atdeva,
Solu naudu, to nejėma.
Ká lai varu tev atdot,
Liela skáde padarita!
Man ismina rožu dárzu,
Brálitimi rudzu lauku.
Brális rudzus gan pieciestu,
Es rozites necietišu;
Apsolies mani jemt,
Tad rozites piecietišu.
Ká lai varu tevi jemt,
Kad prátami nepatík;
Ta navaida viena diena,
Viss mūžipis dzivojамis;
Ta navaida villainite,
Ussedzama, nosedzama,
Ussedzama, nosedzama
Miglaipà laicipà¹⁾.

IX. О сватаніи — о ночевкѣ.

1. Преимущество дѣвицы передъ вдовою.

Ness. 169. Dowk. 14.
Jušk. L. sv. d. 242.

Taut. d. 19. Magazin стр. 22.

1. Kikili, kikili, laibakoji,
Šę tamšę naktelę kur naktvosi?
Žalioje girelej', pušynelij',
Tamkiame berželij' po lapeliū.

2. Ar vesi našlelę, ar mylėsi?
Našlelės patale ar gulėsi?
Meilingus žodelius ar kalbėsi?
Našlelės vaikeliu ar lingosi?

3. Ne vesi našlelės, ne my-
lėsiu,
Našlelės vaikeliu ne lingosiu;

1. Kur iesa, puisiti,
Kur pargulesi?
Kur šádu naksniņų
Pavadisi?

2. Vaj jemsi atraiti,
Vaj milesi?

1) По вариантамъ у Бривзем-
ніака и въ „Ауструмѣ“ соче-
тается такъ же бракомъ, какъ по
лит. дайнамъ. По варианту въ
„Ауструмѣ“ посредницею явля-
ется богиня „Dėklu-màte“.

Našlelės patalai išgulėti,
Meilingi žodelei iškalbėti.

* * *
4. Kikili, kikili, laibakoji,
и т. д. = 1.

5. Ar vesi mergele, ar mylėsi?
Mergelės patale ar gulėsi?
Meilingus žodelius ar kalbėsi?
Mergelės vainiką ar klastysi?

6. Aš vesi mergele, aš my-
lėsiu,
Mergelės vainiką aš klastysiu;
Mergelės patalai n'išgulėti,
Meilingi žodelei n'iškalbėti.

1. Var. Ф.-М. XXXII.

1. Per girę, giružę
Saulė tekėjo,
O musu brolelis
Žirge sėdėjo.
2. „Kur josi, brolukaj,
Sakalukaj?“
Pro višniu sodeli,
Pas našlelę.
3. „Ar kęsi našlužę
Dusaujenčę
Jos mažus vajkelius
Virkaujencius?“
4. Ne gulsiu našlužės
Patalūse,
Ne kęsiu našlužės
Dusaujenčios,
Jos mažu vajkeliu
Virkaujėnčiu.

2.

1. Per girę, giružę
Saulė tekėjo,
O musu brolelis

Vai dosi maiziti
Atraites bėrniem?

3. Nejemsu atraiti,
Nemilešu,
Nedošu maiziti
Atraites bėrniem!

4. Atraites gultiņa
Sen pieguleta,
Ir miki vardiņi
Sen isrunati.

5. Vaj jemsi meitiņų,
Vaj milesi?
Vaj meitas vaiņagu
Paglabasi?

6. Ir jemšu meitiņų,
Ir milešu,
Ir meitas vaiņagu
Paglabašu.

Var. Austr. 1894 г. стр. 97.

Kur gąji, puisiti, kur staigaji?
Kur šádu naksniņų parguleji?
Vaj šini, vaj tant, vaj krodziņai?
Vaj šini, vaj tant, vaj sėtiņai? —
Ne šini, ne tant, ne krodziņai,
Ne šini, ne tant, ne sėtiņai:
Augstāi kalnāi, jaunāi klētēi
Pie jaunās, pie dailās, pie zel-
tenites. —

Kur, puisit, nu iesa, kur staigasi?
Kur staigasi, kur domasi?
Vaj sėsi auziņas līdumāi?
Vaj jemsi atraitni, vaj milesi?
Vaj dosi maiziti atraitnes bėr-
niem? —

Nei sėšu auziņas līdumāi,
Nei jemšu atraitni, nei mīlēšu,
Nei došu maiziti atraitnes bėr-
niem:

Atraitnes gultiņa sen isguleta,

- Žirge sēdējo,
2. „Kur josi brolukaj,
Sakalukaj?“
Po rutu darzelī
Pas mergele.
3. „Ar gulsi mergelēs
Patalūse,
Ar ķēsi mergele
Kalbančēja?“
4. Taj gulsiu mergelēs
Patalūse,
Taj ķēsiu mergele
Kalbančēja.
2. Var. Jušk. L. sv. d. 406.
1. Ej, bijun, bijūnāj, } ds.
Tu, žaliāsis, }
Kas tāvē isēju, } ds.
Nuravēju? }
2. Kas tāvē isēju,
Nuravēju?
Kas tāvu šakēles
Pagenēju?
3. Sesēle isēju,
Nuravēju,
Brolēlej šakēles
Pagenēju.
- * * *
4. Ej, brólau, brolūži,
Brangvardūži,
Ar vēsi našlūžē,
Ar vadžīosi?
5. Ar vēsi našlūžē,
Ar vadžīosi?
Ar gulsi našlūžēs
Patalūžy?
6. Ne vēsu našlūžēs,
Ne vadžīosu,
Ne gulstu našlūžēs
Patalūžy;
- Visi miļi vārdiņi sen isrunati.
Vaj manim mūžiņu nodzīvoti,
Vaj manim meitiņu nedabuti? —
Vaj sēsi liniņus tirumāi?
Vaj jēmsi meitiņu, vaj mīlesi?
Vaj viņas vaiņagu paglabasi? —
Ir jēmsu meitiņu, ir mīlešu,
Ir viņas vaiņagu paglabašu;
Meitiņas gultiņa neisguleta,
Ir miļi vārdiņi neisrunati . . .
Iesēju liniņus tirumāi,
Pārvedu meitiņu sētiņai.
Lip, mana māmīņa, duj vaska
sveces,
- Lai varu meitiņu nolūkotī:
Vaj balti vaidziņi, vaj sarkani,
Vaj greznas drāniņas mugurāi?
Nei balti vaidziņi, nei sarkani,
Nei greznas drāniņas mugurāi!
Vai, manu dienīņu, ko padariju!
Savus jaunus zābakus nostebe-
reju,
Atraitni līgavu lūkodams.
Vai, manu dienīņu, ko padariju!
Savus jaunus zirdziņus nojādiju,
Savu zelta naudīņu istēreju,
Atraitni līgavu lūkodams!
Vai, manu dienīņu, ko padariju!
Savas jaunas dienīņas paspēleju
Dēļ pāra nakstiņu gulejuma,
Dēļ pāra vārdiņu runajuma!

7. Ne šilti našlūžēs
Patalūžej,
Ne mējlus našlūžēs
Ni žodūžej;
8. Pirmūjū bernēliu
Išgulēti,
Mejlējū žodūžej
Iškalbēti.
- * * *
9. Ej, brólau, brolūži,
Brangvardūži,
Ar vēsi mergūžē
Ar vadžīosi?
10. Ar vēsi mergūžē,
Ar vadžīosi?
Ar gulsi mergūžēs
Patalūžy?
11. Taj vēsu mergūžē,
Taj vadžīosu,
Taj gulstu mergūžēs
Patalūžy;
12. Taj šilti mergūžēs
Patalūžej,
Taj mējlus mergūžēs
Ir žodūžej;
13. Pirmūjū bernēliu
N'išgulēti,
Mejlējū žodēlej
N'iškalbēti.

2. Молодая жена.

Ness. 207. Dowk. 48.

Zim. III, 33. Bezz. L. D. стр. 42.

1. Ateit žēmele,
Šalt's rudenelis,
Veizdēkis, berneli,
Sav' gulovelēs.
2. Ne turiu dvaro,
Ney tēviškelēs,
Kur dēsiu mergele
Jaunā parvedēs?
1. Jauns puika būdams,
Kur likšu sieviņ' ?
Jauns puika būdams,
Kur likšu sieviņ' ?
2. Taisīšu laiviņ'
Straujupes malā;
Laidīšu sieviņ'
Svešajā zemē.

3. Dirbīsiu laivā
Per Nemonelī,
Lankysiu mergele
Kas vakarelī.	3. Kukoja dzeguz(e),
Dzied lakstigala;
Raud mana sieviņ'
Svešajā zemē.
4. Kukoj' gegele,
Gēd' volungele,
Verk mano mergele
Svetoj' šalelej'.	4. Neraudi gauži,
Ne pūt tik grūti!
Šo gad' jeb nākoš(u)
Es ar' tur būšu.
5. Ne verk, mergele,
Ramdik širdelē,
Aš tavē lankysiu
Kas vakarelī.	5. Vaicaja zēni:
Kam ta ir meitiņ?
Vagara meitiņ(a),
Dzeltaniem matiem.

3. Ночь проводимая давицею у холостяка и у вдовца.

Ness. 168.

L. — —. Bezz. L. F. 53, Прим. 4.

1.

Kreyždutele, lakionele,
Ar girdējei lakiodama
Bernuželī atjojentī,
Bernuželī atjojentī?

Kad žinočau, bernuželis,
Aš jam kločau patalelī,
Aš jam kločau patalelī
Trijū eiliū peryneliū.

Kā jam dēsi, mergužele,
Kā jam dēsi po galvele?
Aš jam dēsiu po galvele
Penkes, šešes paduškeles.

Paprašysiu gaiduželī,
Kad ilgintu naktuzele,
Kad mēgelī išmēgotu,
Meilēs žodžū iškalbētu.

2.

Kad žinočau, našlaitelis,
Aš jam kločau patalelī,
Aš jam kločau patalelī
Trijū eiliū erškēteliū.

1.

Precēj' man šē precinīki
Pī šā jaunā brūtganīn'.
Jaunam viram vītu taisu,
Trim kārtām pēlus ¹⁾ liku;
Viņam liku zam ²⁾ galviņas
Četrus dūnu spilvenīņus;
Es apsedzu jānu viru
Ar baltām villainēm.
Es pī viņa pīguluse
Kā rōzīte zīdēdama.
Nedzīd, gāilīt', rītā agri!
Neāust' drīzi jel, gāismiņa!
Ne dōmiņas isdōmātas,
Ne valūdas isrunātas.

2.

Precēj' man šē precinīki
Pī šā vecā brūtganīn'.

1) Или: pēles.

2) Или: zem.

Kā jam dēsi, mergužele,
Kā jam dēsi po galvele?
Aš jam dēsiu po galvele
Penkis, šešis akmenelius.
Paprašysiu gaiduželī,
Kad n'ilgintu naktuzele,
Kad mēgelī n'išmēgotu.
Meilēs žodžū n'iškalbētu.

Var. Bezz. L. F. 53.

1. Kad aš ējau pajurēlems, pa-
marēlems

Sēki mānī jaūns bernēlis.

2. Nēsek, nēsek jaūns bernēlis,
Aš tau dōsu nakvinēlē.

3. Aš tau dēsu pō galvēle
Pēnkes, šešes pýgalvōks.

4. Aš tau dōsu apsiklāt
Dvējus, trējus pātaluks.

5. Teip sugūlau su bernēle,
Kaip lelējē su meirān'.

6. Kad aš ējau pajurēlems, pa-
marēlems

Sēki mānī sēns šeirūks.

7. Nēsek, nēsek sēns šeirūk',
Aš tau dōsu nakvinēlē.

8. Aš tau dēsu po galvēle
Dvējus, trējes ēglešākes.

9. Aš tau dōsu apsiklāt
Pēnkes, šešes pušišāks.

10. Teip sugūlau su šeirūku,
Kaip lelējē su erškēt'.

4. Любовныя размышления на ночномъ.

Ness. 396; 303.

Bar. 94; 201.

Bergm. I, 76. R. kr. V, 1225.

Šeh. стр. 46.

Ey gēriau, gēriau,
Gerdam's dumojau:

Es piesārku kā brūklene
Par durīm ie-lēdam'.

Kur aš gausiu naktvynužę? ¹⁾

Bėram žirgui strajelę?

Aš nusijočiau

Į beržynėlį,

Tai bus mano naktvynužę,

Bėram žirgui strajele.

Aš pagenėčiau

Beržū lapelius,

Tai bus žirgo pašarelis

Kai grynos aviželes.

Aš nusilauščiau

Beržū šakeles,

Tai bus mano patalėlis,

Margėji prėgalvelei.

Aš paguldysčiau

Švėsę pučkėlę

Šale mano šaluželės,

Tai mano mergužele.

Aš pakabčiau

Savo kepurę,

Tai bus mano zegorelis,

Raibas mano gaidužis.

Var. Jušk. L. sv. d. 5.

1. Kur kukū gegėlė

Ir lakštūngalėlis?

Ant pūtinu šakėlės.

2. Stóvi brolužėlis,

Jáunas rajtojėlis

Ant eidábru kilpėlės.

3. O kú tu čė stóvi,

O kúdel ne jóji?

Senėj láukia močūtė.

4. O tegù láukia,

Tegù ji ne láukia,

Juk žinu, kad ne grįnštu.

5. Júrtu ne plauksu,

Marėltu ne nėrstu,

Ni naktūžė vandrūstu.

1) См. ниже № 5.

Es redzej' savu sirsnįp'

Sėžam galdu galiņą.

Es dziros klātu klūt,

Viņš árā par durīm.

Es dziros pavaicāt,

Kur gulej' šo naktip',

Voi guleji pie māmip's,

Voi pie citas mātes meitas?

— Pie eglites es guleju,

Skujām klāju paladziņ'.

— Voi tu traks, mans mīlakais?

Kam tu man ne sacij'?

Es tev būtu nostellej's'

Pāra linu paladziņ',

Pāra baltu villainīšu,

Pāra mutes nēsdociņu,

Pāra smalku linu micu.

1. Var. Taut. d. 11. R. B. 5.

Gara man, šī naksniņa

Pa visām naksniņām,

Gāida mani ligaviņa

Šo naksniņu noejām.

Guli viena, ligaviņa,

Šo naksniņu nenoešu;

Šo naksniņu es gulešu

Baltābola kalniņā,

Baltābola kalniņā

Pie bērā kumeliņa:

Sedlus liku pagalvi

Iemauktiem apsedzos.

2. Var. Спр. стр. 145.

Tris meitiņas smalki raksta

Pie lodziņa kambarē:

Divas raksta smalkus rakstus,

Treša zidu šķetere.

— Es savam mīlakam

Rakstu raibu nazdaudziņ:

Ar malām puķes lieku,

6. Brolužėli mánu,

Dobilėli mánu,

Kur šén náktį nakvójej?

7. Šilė po pušėle,

Gĩro po liėpėle,

Po liņkstančtoms šakėlėms.

8. Brolužėli mánu,

Dobilėli mánu,

Kas klóju patalėli?

9. O kas tau klóju

Mārgą patalėli?

Kas pátalą pūrinu?

10. Šiaúrus vėjužėlis

Klóju patalėli,

Rytvėjėlis pūrinu.

11. Žirgužėlis mánu,

Jūdbėrėlis mánu,

Prė šalėlės stovėju.

12. Balnužėlis mánu,

Tyminėlis mánu,

Ant žirgėliu gulėju.

13. Kilpužėlės mánu

Auksinėlės mánu

Prė šalėlės svyrávu.

14. Plintėlė mánu,

Šviėsunėlė mánu,

Prė šalėlės kýboju.

15. Kepurėlė mánu

Širminėlė mánu,

Ant galvėlės purpėju.

16. Kuskuzėlė mánu,

Šilkinėlė mánu,

Ant kaklėliu veržėju.

17. Jūstužėlė mánu,

Šeržinėlė mánu,

Ant širdėlės gulėju.

18. Čebatėlej mánu,

Vaksonėlej mánu,

Ant kojėliu gurgždėju.

Vidô ¹⁾ — savu mīl sirsnįu.

Ak, tu manu mīlu draugu,

Kur guleji šo nakstiņ?

Voi zam priedes, voi zam egles,

Voi pie citas mātes meitas?

— Nei zam priedes, nei zam

egles,

Nei pie citas mātes meitas;

Es guleju uz zaļ' lauku,

Apakš kuplu ozoliņ;

Līepu lapas pagalvam,

Zaļu skuju paladziņš.

— Ak, tu manu mīlu draugu,

Kad es to būt' zinajusi,

Es tev būtu stallejusi

Divus baltus paladziņus;

Divus baltus paladziņus,

Divus mīkstus spilventiņus.

1) Вм. обыкновенного vidū, мѣстн. падежъ единственн. ч., ѳ является здѣсь по образцу мѣстн. падежа мн. числа.

5. Ночлегъ.

Ness. 395. Dowk. 51. Jušk. L. — —. Taut. d. 44.
sv. d. 320; 644; 646; 647. Jušk. Jur. I, 6.
L. d. 1057. Bar. 51.

Ey, aš gėriau, gėriau,
Gėrdamas dumojau:
Kur aš gausiu naktvynužę?
Kur aš naktvynosiu?

Ey, aš jaučiu, jaučiu
Pakelij' mergytę¹⁾.
Čon aš gausiu naktvynužę,
Čon aš pernaktvosiu.

Ak, es dzėru, dzėru,
Visu cāuru nakti;
Dzėrdams labi apdōmāju:
Kur gulėš' par nakti?

Ak, es zinu, zinu,
Kur ir skāistas mėitas;
Tur es jāšu, pārgulėšu,
Tur gulėš' par nakti.

Var. Bezz. L. F. 52.
Jušk. Sv. Rėda ctp. 59.

1. Uī aš gėrau, gėrau,
Gėrdamas dumājau:
Kur aš jāšu,
Kur nakvāse,
Kur būs nakvinėle?
2. Uī žinaū, žinaū
Kėme mergėlę,
Čė aš jāšu,
Čė nakvāsu,
Čė būs nakvinėl'.

Var. R. kr. V, 1225
(194).

1. Ak, es dzeru, dzeru
Visu cauru nakti.
Dzerdams labi apdomaju,
Kur gulešu nakti?
2. Ak, es zinu, zinu,
Kur ir smukas meitas,
Tur es jašu šo naksniju,
Tur gulešu nakti.

X.

Братъ посвѣщаетъ вышедшую замужъ сестру.

(Защита обиженной сестры.)

Rh. 44 (160). Ness. 275. R. B. 52. Pl.-M. 24.
Jušk. L. d. 165. Bar. 82. Ar. M. 1148. R. nod. I, 151.

Visi manę bare,
Ney viens ne užtare.

Bėdz, tautieti, pabenkė,
Nu jāj manis bāleliņš!
— Nāc ārā, svaiņa šķelmi,
Kādu vainu māsai liki?
Vaj tu ēdi nesamaltu?
Vaj valkaji neveletu?

1) Вариантъ: Pakelij' butelį.
(Зам. Несс.)

Mano brolytis per kiemą ėjo,
Ir karduzėlį rankoj' turėjo.
Dabar svainyte,
Ką tu darai sesytei?
Nulėks galvele
Kai kapustelis;
Varvės kraujo šlakelei
Kai bijuno lapelei.

Var. Jušk. L. sv. d. 912.

O da ne sulaukiau
Pusę mėtu,
Išgirdau sesėlę
Labąj sėrgant: —
Balnókif, brolėlej,
Bėrus žirgus,
Jósime sesėlę
Aplankýti:
Ar lįksmā sesėlė
Martėlėse?
Ar žaliū rutėlė
Kviėtkėlėse?
Ne lįksmā sesėlė
Martėlėse,
Pavýtu rutėlė
Kviėtkėlėse.
O da ne įjójum
Pusę lauku,
Sužvingu žirgėlis
Labąj ālsej.

O da ne įjójum
Pusę šilu,
Išgirdum bitūtės
Atūžiančias.

Mana roka, tava galva,
Mans tėrauda zobentiņš!
Driz certišu, driz lūzis,
Aisskries tava poda galva,
Aisskries tava poda galva
Lidz vārtiem grabedama!

Var. Būttņ. 1436. Cnp. ctp. 241
и 242. Taut. d. 1.

Kur tu jāje, bāleliņ',
Vakarē kājas av'?
— Kuš, kuš, māsīņ', no sak
neek',
Pakac' manu zōbeniņ'.
Es dzirdeju savu mās'
Tautiņėsu¹⁾ neecinam.
Es aizjāj' pi vārtim,
Māsīņ tece vārt's vērt.
Vienu roku vārt's vēr';
Ōtr' slauce asaras.
Es isvilku nēzdociņ,
Noslauceju asaras.
Neraud', neraud', man' māsīņ',
Tautiņš neek' nepadar's;
Tautiņš pats neecinajams,
Tāpēc mās's neecane.
Es ar savu zōbanīp
Tautiņam Diev' rād's:
Kad nebij cit' dārb',
Kāpēc mās' neecane.

1) Очень интересная форма,
гдѣ -su (суффиксъ мѣстнаго па-
дежа мн. ч.) еще совершенно
соотвѣтствуетъ санскритскому.

XI. Сиротскія пѣсни.

1. Могила матери.

Ness. 72. Dowk. 83. Bütn. 351; 239.
Jušk. L. sv. d. 493; 509 до 513. Bergm. I, 1. Спр. стр. 215.
Bezz. L. F. 6. Pl.-M. 3. Брив. 881. Biel. 3217;
3799. Bezz. L. F. XI. Ar. M. 214;
215; 196. Э. Б. стр. 372; 373
γ 1. R. nod. II, стр. 157.

Kad žinočiau tą kalnelį,
Kur gul mano motušele,
Aš apdėgčiau tą kalnelį
Žalioms lėpom's, obelelem's.

Kelkis, mano motušele,
Aš pakelsiu velėnelę;
Aš tav gūsiūs, motušele,
Ką man daro pamotele.

Mušo, pešo, plaukus draske,
Per ugnelę dūną dave.
Motušele palikusi
Kaip vištele vištytelius.

Vištytelei burij' ¹⁾ bėga,
O aš vėna siratele.
Leisiūs ir aš į jureles
Pri raudeliū į burelį.

Kaut zinatu to kalnių,
Kur gul mana māmūlite,
Es apsistu to kalnių
Rakstitām dēlitēm. (Bütn. 351)

— — Celies, mana māmūlite,
Es pacelšu velenių;
Es tev teikšu raudadama,
Ko man dara sveša mātė:

Pliki cirta, matus plūca,
Kajām spėra pabenki. (Bütn.
239.)

Sveša mātė bariņam
Pār 'guntiņu maizi deva . . .
(Ar. M. 196.)

— — Man mamiņa atstājusi,
Kā vistinā cālīšus.
Cāli teka pulciņā,
Es vientule raudādama. (Biel.
3799.)

1. Var. Bütn. 355.

Kaut zinatu to kapsēti,
Kur gul mans tēvs mamiņa,
Es kapsēti appūskotu
Sārkanām rōzītēm.

2. Var. Biel. 3785; 3907.

Kaut zinātu tō kalniņu,
Kur gul mana māmūlite,
Es nelautu cūciņām
Tō kalniņu ružināt;

1) Это слово соответствует
латышскому bars (толпа, мно-
жество).

Es apsistu tō kalniņu
Ar ōzōla dēlītēm,
Ar ōzōla dēlītēm,
Ar tērōda nagliņām.
Svešā mātē bariņam
Pār guntiņu maizi dev';
Tec apkārt, bārenīt',
Lai rōciņa nesadeg.

2. Отвѣтъ матери изъ могилы.

Rh. 7 (22). Ness. 70. Э. Б. стр. 373 γ 1.
Jušk. L. d. 419; 566. Arch. 4.

Į girę manę sunte,
Į giružę ūgeliū,
Į girę serbentėliū.
Aš ūgeliū ne rinkau,
Serbentėliū ne braukiau.
Užėjau ant kalnėliū,
Ant močutės kapėliū;
Tai labay gaudžey verkiau
Aš savo motinelės.

O, kas če manes verkia?
Mano kapėlį mindžoj?
Aš, aš, ak motinėle,
Aš viena siratėle.
Kas šukos mano galvėlę?
Nupraus mano burnėlę?
Kas kalbės meilės žodėlį?

Eik namū, dukryte!
Ten kita motinėle
Šukos tavo galvėlę,
Nupraus tavo burnėlę,
(Vilks tavę marškineleis,
Vilks tavę storeseis;)
Ten jaunasis bernytis
Kalbės meilės žodėlius.
— (Marškineleis vilkdama
Mano rankeles lauzia;
Burnužę nupraukdama
Mano burnužę pleše.)

Kas aiz mežu aizž(ū)ineja,
Kas mežā aizskaņēja!
Bōreņeite mōtē cēla:
Cēlis, cēlis mun mameņ!
Cēlis, cēlis mun mameņ,
Sasukoi(ji) mun galveņ!
Sasukoj mun galveņ(u),
Apūcē maņ bolt krēkleņ.
Apūcē maņ bolt krēkleņ,
Apauņi maņ kōjeņes.
— Bērneņu munu mīlū(oji),
Bērneņu munu dōrgu,
Tev' ir tavys, mōmuleņa,
Kam galveņu tev' sukōt,
Kam galveņu tev' sukōt,
Kam krēkleņš tev' apūilkt.
Mameņa muna mīloa,
Mameņa muna dōrgoa,
Da kai maņi golū sukova,
Munēs mateņēs pļeukava.
Da kai jei krākļeņi ūilka,
Man sirsneņ slōpeņ slōpa.
Itūs pošus aizlōdāja:
Kai tu itūs naiznasōtim,
Ju vel cit nasapraseitim.
Da kai jei kōjes ava,
Smolkōm nōtrōm dzeldedama.

3. Строе бары.

Dowk. 10. Schl. стр. 29.

L. — —. Zim. III, 95.

Pikti ponaj ir uriedaj
Nedoud¹⁾ manej pailselio;
Lejskes Saule, tekiek Mienou,
Douk man šventą vakarelį!

Bārgi kūngi, vagarītes
Nedod laiku vakariņu;
Ej, Sāulīte, driz pie Dieva,
Dod mums svētu vakariņu!

XII. Странное общаніе.

Rh. 11 (38). Ness. 10.
Schl. стр. 14.

St. стр. 277.

O kaday sugryšim
Iš Vengrų žemės?
— Kad išdygs kolāčiai,
Žels ir akmenāčiai,
Ant jurū medāčiai.

Kad zaļos sētas mieti,
Kad sapūs akmentiņš,
Ūle kāpe us ūdeni,
Spalva grime dibinā,
— Tad es nākšu šai zemē
Tēv' un māti apraudzīt.

1. Var. Ness. 149. Stan. 12.

Cit, ne verk, ne raudok,
Jaunoji mergyte,
Aš tavę parvesiu
Kitą rudenelį,
Kad žydės, kad žibės
Balti akmenelei,
Kad suklės glosnelej'
Raudonos ūgeles.

1. Var. Bergm. I, 22.
Bütn. 2603.

Kad zaļos sētas mieti,
Kad sapūs akmentiņš,
Ūla uskāps ūdeni,
Spalva nogrimis dibinā:
Tad es nākšu šai zemei
Tēv' un māti apraudzīt.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 822.

Kad malūne ant akmenų
Kviētužėlej geltonūs,

2. Var. Брив. (Труды этногра-
фического отдѣла. Книга VI.
Материалы по этнографіи латыш-
скаго племени. Москва 1881.)
Пословица 195.

1) ou соотвѣтствуетъ верхне-
литовскому ū. (Зам. III.)

Kad cirvja kátam lapas pláuks,
Kad vārna ragavām bráuks,

Tadā mūdu su bernēliu
Vieškelēliu važūšiv.

Kad brōlej kūlus kals,
Broliū kūlaj pražydēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Bažnytēlēn važūšiv.

Kad sesýtēs rūtas sēs,
Ant rytójaus pražydēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Ī stalēlį pasodīns.

Kad plūksnēlē dūgnų grīms,
Akminēlis viršum plauks,
Tadā mūdu su bernēliu
Ī lovēlę suguldys.

Kad saulēlē nusilējs,
O mēnesis užtekēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Žodužēlį kalbēsiv.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 974.

Kad lapūtē tūncų šoks,
O zujkēlis pasmujkūs,
Tadā mūdu su bernūžu
Už stalēliu susodīns.

Kad pukēlis dūgną grīms,
Akmenēlis viršum plauks,
Tadā mūdu su bernūžu
Mejlius žodžius kalbēsiv.

Kad kūlēlis pražydēs,
Nū karklēliu ūgas rīnks,
Tadā mūdu su bernūžu
Viēnó lóvo gulēsiv.

Kad pupas vadžim plēsis:
Tad man (v. viņam) kāzas (v.
bérni) būs.

3. Var. Taut. d. 40.

Eit, meitiņas, ielaižat,
Kas ais duru baldurē.
Tas, māmiņa, tavs dēliņis,
Kas ais duru baldurē:
Kājas, rokas asenaiņas,
Vaigu gali asaroti.
Ai, dēliņis, miļš dēliņis,
Kādu grēku tu dariji?
Ai, māmiņa, miļa, balta,
Es nokavu sav' brāliti!
Ai dēliņis, miļš dēliņis,
Kur nu iesi, kur paliksi?
Māte mana, miļa māte,
Es noiešu Vāczemē.
Dēliņš manis, miļš dēliņis,
Kad pārnāksi apraudzīt?
Kad sētā mieti plauks,
Kad zaļos akmentiņi! —

XIII. Дорогая семья.

1. Прямъты.

Jušk. L. sv. d. 1075; 134.

Брив. 396.

O aš pažinau
Savu tėvužėlį

Es pazinu
Sav isten' tėv'

Tarp šimtu gerējužēliu,
 Tarp šimtu gerējēliu :
 Jū baltos rānkēlēs,
 Jū skājstus vejdēlej,
 Cidābru stiklinužēlē,
 Gērē rīnckā vynēlī.
 O aš pažinau
 Sāvu motynēlē
 Tarp šimtu audējužēliu,
 Tarp šimtu audējēliu :
 Jos naūjos staklēlēs,
 Jos plōnos drobēlēs,
 Jos lēndrinis skētuzēlis,
 Cidābru šaudiklēlē.
 O aš pažinau
 Sāvu seserēlē
 Tarp šimtu suvējužēliu,
 Tarp šimtu suvējēliu :
 Jos baltos rānkēlēs
 Jos smūlkus suulēlēs,
 Žaliū šilkū suulužēlej,
 Cidābru adatēlē.
 O aš pažinau
 Sāvu brolužēlī
 Tarp šimtu artojužēliu,
 Tarp šimtu artojužēliu :
 Jū naujā žagrēlē,
 Jū šēmi jautēlej,
 Plēnīnejs noragužēlejs
 Arē jūbā laukēlī.
 O aš pažinau
 Sāvu bernužēlī
 Tarp šimtu pjovējužēliu,
 Tarp šimtu pjovējēliu :
 Jū plēnu dalgēlis,
 Rašyts dalgkotēlis,
 Cidābru pustyklužēlē,
 Plačāusia pradalgēlē.

Starp simtām dzērājam :

Dimanta glāze,
 Sudraba kannā, —
 Tas ir mans istis tē(v)s,
 Tas ir mans dzērājiņš.
 Es pazinu
 Sav' ist' brālī
 Starp simtām arājam :

Dimanta arklis,
 Bērs kumeliņš, —
 Tas ir mans istis brālīš,
 Tas ir mans arājiņš.
 Es pazinu
 Sav' ist' māt'
 Starp simtām vērpejam :

Sudraba ratiņš,
 Smalks āudumiņš —
 Tā ir mana ista mātē,
 Tā ir mana vērpejīņa.
 Es pazinu
 Sav' ist' mās'
 Starp simtām šuvējam :

Zelt' adatiņa,
 Smalks šuveklītis —
 Tā ir mana ista māsā,
 Tā ir mana šuvējīņa.
 Es pazinu
 Sav' ist' brūti
 Starp simtām āudējam :

Dimanta streles,
 Zelt' atspūalīte —
 Tā ir mana ista brūte,
 Tā ir mana āudējīņa.
 Es pazinu
 Sav' ist' draugu
 Starp simtām šāvējām :

Var. Ness. 103; 54.
 Rh. 55 (198).

Ey žinau, žinau
 Ale ne sakau,
 Kur aug mano bernužis.

O aš pažinau
 Savo bernužī
 Tarp šimtū artējužiū.

Nauja žagruže,
 Širmi jaučužei,
 Plēnini noragelei.

O aš pažinau
 Savo bernužī
 Tarp šimtū pjovējužiū.

Mano bernužio
 Švēsus dalgužis,
 Naujas dalgkotuželis.

* * *
 Ey žinau, žinau,
 Ale ne sakau,
 Kur aug mano merguže.

O aš pažinau
 Savo mergužē
 Tarp šimtū audējužiū.

Naujos staklužes,
 Plona drabuže,
 Sidabro šaudyklele.

O aš pažinau
 Savo mergužē
 Tarp šimtū grēbikeliū.

Naujas grēblužis,
 Baltas rubužis,
 Sidabro žēduželis.

Sudraba stūapa,
 Tērāuda zūabins.
 Tas ir mans istis draugs,
 Tas ir mans šāvējīņš.

Var. Zim. II, 46.
 K. Ulm. ctp. 165.

Ai, meitenites,
 Ai, zeltenites!
 Kur šķināt sārtās rōzes,
 Kur pināt vaiņadziņ' ?
 Maskavā skinām,
 Maskavā pinām;
 Danskavā novalkajām,
 Danskavā novalkaj'.
 Vai jūs pazīstat
 Man' istu tēvu ?
 Par simtiem dzērājiem,
 Par simtiem dzērājiem ?
 Sidraba glāze,
 Dimanta stōpiņš;
 Tas bij mans istans tēvs,
 Tas bij liels dzērājiņš.
 Ai, meitenites etc.
 Vai jūs pazīstat
 Man' istu māti ?
 Par simtām vērpejam,
 Par simtām vērpejam.
 Sidraba ratiņš,
 Dimanta spēle;
 Ta bij' man' ista mātē,
 Ta bij' liel' vērpejiņ'.
 Ai, meitenites etc.
 Vai jūs pazīstat
 Man' istu brālī ?
 Par simtiem arājiem,
 Par simtiem arājiem.
 Sidraba arklis
 Dimanta lemeš',
 Tas bij mans istais brālīš,
 Tas bij liels arājiņš.

Ai, meitenites etc.
 Vai jūs pazistat
 Man' istu mūsu?
 Par simtām audejām,
 Par simtām audejām.
 Sidraba stelles,
 Dimanta ķemme,
 Ta bij man' ista māsa,
 Ta bij liel' audejiņ'.

2. Поиски возлюбленной.

Ness. 111. Dowk. 29.
 Jušk. L. sv. d. 456.

Eisim kad eisim
 Į grynycelę,
 Į grynycelę
 Pri malėjeliū.
 Yra kad yra
 Trys malėjeles,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.
 Plėno girneles,
 Vario suktuvai,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.
 Eisim kad eisim
 Į seklyčelę,
 Į seklyčelę
 Pri verpėjeliū,
 Yra kad yra
 Trys verpėjeles,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.
 Balti linelei,
 Jaunos verpėjos,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.

Eisim kad eisim
 Į trobuželę,

Austr. 1894 r. стр. 96.

Nu iešu, iešu
 Uz zaļu plāvu,
 Uz zaļu plāvu.
 Pie grābejami.
 Tur grāba grāba
 Trīs grābejiņas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.
 Nu iešu, iešu
 Uz linu lauku,
 Uz linu lauku
 Pie ravetajām¹⁾.
 Tur ravé, ravé
 Trīs ravetajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.
 Nu iešu, iešu
 Uz blieķu dārzu,
 Uz blieķu dārzu
 Pie veletajām.
 Tur velé, velé
 Trīs veletajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

1) Обыкновенно: plūcejām.

Į trobuželę
 Pri audėjeliū.
 Yra kad yra
 Trys audėjeles,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.
 Šilkū milelis
 Vario stakleles,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.

Eisim kad eisim

Į pa-upelį,
 Į pa-upelį
 Pri skalbėjeliū.
 Yra kad yra
 Trys skalbėjeles,
 Yra kad yra
 Mano širdele.
 Plonos drobeles,
 Vario kultuves,
 Yra kad yra
 Mano širdele.

Var. Jušk. L. d. 617.

1. Ėjčiau-gi, ėjčiau } ds
 Į lygtus laukėlius, }
 Į lygtus laukėlius } ds
 Pas artojęlius.
2. Žmontų artojęlej
 Aria, dujųja,
 O jau manū bernūztu
 Nėra, taj nėra.
3. Ėjčiau, ėjčiau
 Į lygtas lankėles,
 Į lygtas lankėles
 Pas šėnppjuvėlius.
4. Žmontų šėnppjuvėlej
 Pjājuja, švytėja,
 O da manū bernūžtu
 Nėra, taj nėra.

Nu iešu, iešu
 Uz ruļļa klėti,
 Uz ruļļa klėti
 Pie rulletajām.
 Tur rullé, rullé
 Trīs rulletajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.
 Nu iešu, iešu
 Uz istubiņu,
 Uz istubiņu
 Pie vērpejami.
 Tur vērpa, vērpa
 Trīs vērpejiņas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.
 Nu iešu, iešu
 Uz maltuvīti,
 Uz maltuviti
 Pie malejami.
 Tur mala, mala
 Trīs malejiņas,
 Tur bija, bija
 Mana ligaviņa.

5. Ējčiau, ējčiau
I karčemēlē,
I karčemēlē
Pas gerējēlius.
6. Žmonū gerējēlej
Gērua, rylūja,
O jau mānu bernūžis
Šepsāns, be-vepsāns.

XIV. П Ъ Я Н И Ц А.

(Сидя на лошади.)

Jušk. L. sv. d. 193; 374.

L. — —. R. nod. I, 134.

O aš pragēruau
Šimta, šeštoku,
Ant bērū zirgēliu
Be-sédédamas, — — —
Būčiau pragēres
Ir antrā šimta,
Lustaūnas žirgēlis
Ne nustovēju.

Simtu māru
Es isdzēru,
Kumelāi
Sédédams.
Vēl būt' dzēris
Ūtru simtu,
Nestāv manis
Kumelipš. —

XV. Свадьба птицъ, волка.

(Разныя роли гостей.)

Kol. 53; 51.

Rh. стр. 312.

1. Hōla juns, maži paukštēlei,
Aš nōriu žiānītis,
Strāzas¹⁾ tegūl balnō žirgā,
Ans tur zīla plōšēiu.
2. Bóbras su kiaūnu kiapūre
Bus mūsu furmōnu,
Zuikis su lengviūms kōjoms
Bus laufrū.
3. Lakštingāla su čistu balsu
Gismēles tur gidōti,

1. Lustejeties siki putni,
Nu es ņemšos ligaviņu.
Strazdiņš zirgu seglotajs,
Tam ir pelēks mētelis.
2. Bebra dēlipš ōrmanis,
Tam ir cauna cepurite.
Zakišam ir vieglas kājas,
Tas papriekšu tekulits.
3. Lakstigalei daudz mēlišu,
Ta dziesmiņu sācejiņa.

1) Лычме: Strāzdas.

Šārka, kurī visadōs šokiniē,
Tur tancis rundīti.
4. Vīlks su sāva dīde trūba
Grais ant dudōs,
Meškā su didelōms lāpoms
Medžiūs tur skaldīti.
5. Kruks su krējva kuprā
Vāndeni tur nešiōti,
Blezdīnge su bāltu kvartūku,
Tur indus plāuti.
6. Voveris su drūkta ūdega
Tegūl stala šlūsta,
Lapi su gražiā sūknia
Gal tyktāj viēna pri māna pa-
čios sīdīeti.

Žagatiņa, lēkātāja,
Ta dancišu vicelina.
4. Vilkam (ira) liela taure,
Tas stabuļu pūtejiņš.
Lāčam (ira) lielas ķepas,
Tas malciņu skalditajs.
5. Vārniņai ir līkas pleces,
Ta ir ūdens nēsātāja.
Bezdeligai melni brunči,
Ta rīciņu mazgātāja.
6. Vāveritei kupla aste,
Ta galdiņa slaucītāja.
Lapsai (ira) skaistas drēbes,
Ta vien brūtei lidzi sēž.

1. Var. Rh. 20 (68). Ness. 14.
Jušk. L. d. 94; 127.

Atvažavo meška
Su alučas bačka,
O vilkeliui, nebageliui,
Svodbelę kelti.
Ežys i piršlius,
Lape i svočius,
O kiškēlis, nebagelis,
Tur jis važnyčoti.

Šeškas alų dare,
Žvirblis misą maiše,
Gegužele, nebagele,
Apvyniu parnēšo.
Jauts malką kapoj',
Šū podus mazgoj',
Katinelis, nebagelis,
Mieseles medžoj'.

Gandras kanklāvo,
Lokys trimitāvo,
O vilkēlis, linksmas ēsas,
Vesis oškā šokti.

Jey iš gēros vales,
Aš su kuma šoksu.

1. Var. Спг. стр. 88.

Siki putni kāzas dzēra
Strazdiņš tek raudadams,
Strazdiņš tek raudadams,
Ko būs ņemt vedejōs?
Zakišam līkas kājas,
Tas celiņa brugetajs;
Lūsišam isi nagi,
Tas kamanu turetajs;
Cielaviņa — naska sieva,
Ta viestiņu sapņemeja;
Žagatiņa — garastite,
Ta galdiņa slaucītāja;
Vārnas bērni — puspelēči,
Tie būs gaļas kapataji.

2. Var. Ar. M. 1262.

a.

Sniedze alu padarija
Ciruliša kāziņām.
Vaicā sniedze us ciruļa:
„Kāds būs brūtes vedejiņš?“ —
Dzenišam raibi svarki,

O jeygu iš pikto,
Aš ję sudraskysu.
O iš tavo skuros
Bus kerdželiui šuba,
Kurs manę gana po dobilačius,
Po avižates.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 904.

1. Atvažtūja meškā
Su midūčtaus bačkā,
O vilkėliuj-nabagėliuj, } ds.
Rejk vesėlijā kėlti.
2. Lapė į svóčas,
Ožys į piršliūs,
O žujkūčtūj-nabagūčtūj,
Rejk važnyčióti.
3. Vilkas alų dārė,
Žvirblis mīšā mājšė,
Gegužėlė-nabajėlė,
Apvynū pritėjšė.
4. Jautis medžvūs rāntė,
Šū pūdus mazgóju,
Katinėlis-nabagėlis
Mėsėlė medžvóju.
5. Žąnsins kanklāvū,
Meškā trimitāvū,
O vilkėlis, līnksmas būdams,
Vėdė óžkā šókti.
6. Óžka, šókdama,
Su rágajs mosávū,
O vilkėlis mīslýdams,
Kajp čė jėn papjáuti.
7. O ja gerđju,
Dđsu saldaús piėnu;
O jagū piktđju,
Rágajs subadýsu,
8. O jagū piktđju,
Rágajs subadýsu,
Sávū miėlam, kerdžūkuj
Šúbā pasvūdysu.

Tas būs brūtes vedejipš;
Zaķišam kleinas kājes —
Tas kamanu turetajs;
Kikutam garas kājas —
Tas celiņa minejipš;
Melnais strazds gudris virs —
Tas vārtiņū vėrejipš;
Bezdeliga, uķelite,
Ar viesiem runataja;
Cielaviņa, gludgalvite,
Ta galdiņa slaucitaja;
Vārniņai malni svārki,
Ta katliņa mazgataja;
Krauklišam liela knāba,
Tas būs gaļas kapatajs;
Vilciņam liela mute,
Tas stabuļu pūtejipš.

6.

Si, si, zilit!
Zile cepa piragu
Ar sarkanu bārzdiņu.
Isskrēja zaķitis
Ar kaulu sedliņiem
Un lūku piešiem;
Kapepu kauliņus
Par iemauktiņiem;
Vistiņas spārniņus
Par mēteliti;
Kaķīša astiņa
Par zobeniņu.

3. Var. Bezz. L. D. стр. 45.

Circinišam kāzes bī,
Zaķits jāje parnārsnōs¹⁾,
Bluse gāje kūj'nikōs¹⁾,

1) Мѣстный падежъ множ. ч.
(Зам. Бецц.).

3. Var. Jušk. L. sv. d. 905.

1. Atvažtūja meškā
Su alūčtaus bačkā,
O vilkėlis-nabagėlis
Svotbėlė rėngė.
2. Žujkys į piršliūs,
Briėdis į pabrólius,
O lapūtė-nabagūtė
Kėta svóčia būti.
3. Kujlýs málkas kīrtu,
Šū pūda mazgóju;
Bėgk kačūtė, mažtelėlė,
Pamėdžtok mėsėlės.
4. Šārka kiėmā šlávė,
O vārna vektāvū,
O kūselė-nabagėlė
Kepenėlį kėpė.
5. Žvirblis alų dārė,
Klėlė šokinėju;
Lėk, žilūtė-nabagūtė,
Parnėšk apvynėliu.
6. Žąnsas kanklāvū,
Gajdýs trimitāvū,
O vilkėlis-nabagėlis,
Vėdė óžkā šókti.
7. Ja iš gerós válios,
Aš su tavīm šóksu;
O kajp supýksu,
Vīšā subadýsu,
8. Vīšā subadýsu,
Šúbā pasvūdinsu,
Šúbā pasvūdinsu,
Kėrdžvų aprėdýsu,
9. Kuris mānė gānė
Po žalią lankėlė,
Po žalią lankužėlė,
Po karklynėlius.
10. Óžka pūjkej šóku,
Vilks gražėj dāmbřāvū,

Cėlavīna bālta-sprāklit'¹⁾,
Ta galdīn' klājejīn';
Vāverit' kupl-astīt',
Ta galdīn' slaucītāje.
Man pārtrūk²⁾ ūzam skrót',
Bluse(i) dancū(t) dancūjūt.
Ak tu blus', nelītīn',
Tavu vīglu dancūšen'.

4. Var. K. Ulm. стр. 181.

Waldgott hat in's tiefe Schilf-
rohr
Sich geworfen: kommt herbei,
All' ihr freien Waldesthiere,
Zu des Waldessohnes Hochzeit!
Wolf mit seiner hohlen Stimme
Ist der beste Flötenbläser.
Hellen Anschlag giebt das
Hündchen,
Das ist unser Trommelschläger.
Krumme Schultern hat die
Krähe,
Die ist Wasserträgerin.
Runden Schnabel hat der Rabe,
Der kann uns das Fleisch zer-
theilen.
Langgeschwänzte Elster soll
Rein des Hofes Flur uns fegen.
Nachtigall, die Schmeichel-
zunge,
Die empfängt die lieben Gäste.
Eichhörnchen mit dichtem
Buschschwanz
Deckt den Mittagstisch gewandt.

1) Среднее „а“ произносили
очень неясно. (Зам. Бецц.)

2) Произносилось какъ pār-
trunk. (Зам. Бецц.)

- O svotėlej pasigėre,
Visi lįksmi būvu.
4. Var. Jušk. L. sv. d. 935. Kranich reckt den langen Hals
aus,
1. Baravýkas, drútas grýbas, Legt geschickt die Teller auf.
Kėta lėpšę vėsti, Dohle in dem schwarzen Amts-
Lėpšės kótas ne-bagótas, } ds. rock
Ne nór grýbu éjti. Spricht bei Tisch das gratias.
2. Visi mėdžej lįksminūsi, Kiebitz mit den langen Füßen
Ket i svótbą jóti, Wischt den Tisch ab nach dem
Ir tas briėdis-ilgarėtis Essen.
Kėta drauge jóti, Schwalbe mit dem braunen
3. Ir tas briėdis-ilgarėtis Róckchen
Kėta drauge jóti, Scheuert die Geráthe rein.
O zulkūtis-statakūtis Leichtbefusst Bachstelzen-
Kėta jis piršliáuti. tóchter
4. O lokūtė-pláckojuťė — Führen einen schönen Tanz auf.
Ji kėta svočiáuti, Specht, der buntuniformirte,
O ta lapė šmadarákė Ist der Braut galanter Kutscher.
Kėta kukarkáuti. Hase mit Litauerbeinen
5. Aš ne éjstu i tańčiuką Zeigt als Läufer ihr den Weg.
Be trijų dudóru. Hochgeschürzte Lerche öffnet
Júras, Mikas ir Gabrúkas — Ihr als Pfórtnerin das Thor.
Taj tau trys dudórej. Goldne Schnüre hat das Bräut-
6. Aš ne éjstu už stalėliu chen
O be trijų stróvu. Reichlich um die schlanke Taille.
Kruóčkaj, mórka, pastar- Und so fährt sie denn zur
nókaj — Kirche,
Taj tau trys bus stróvos. Gott giebt wieder junge Pflüger!
7. Aš ne éjstu i šóki Lustig leben meine Freunde,
Be trijų mergėliu. Und ein Festtag jagt den andern!
Aldà, Milda ir Miliúsa, — Bald der Hochzeit folgt die
Taj tau trys mergėlės. Taufe,
Und zu tanzen giebt's genug!
5. Var. Ф. М. стр. 216. 5. Var. B. et W. 2545;
C.-Bar. 348; 349. 2546; 2547.
1. Žada žvirblėlis Ai, ai, zvirbuli,
Dukrėlę lajstė. Kad jėmsi sėvu?

2. Iš mėžių grudo — Rudeni, rudeni,
Padarė alų. E e d. d. Pa miežu laiku. —
3. O ir suprašė Visus putnių
Visus paukštėlius. Kázas aicina,
E e džum, džum, Pūcite palika
Alučio gėrtė. Neaicinata.
4. Vaj tik ne prašė Pūcite aizgąja
Vėnos pelėdos. E e d. d. Neaicinata.
5. Atejo pelėda Pūcite apsėdás
Ir ne prašita. E e d. d. Galdiņa galà. —
6. Sėdosi pelėda Zvirbulis pajėma
Pačion kerčion. E e d. d. Pūciti dancot;
7. Išvedė žvirblukas Pūcite nomina
Pelėdą šóktė. E e d. d. Zvirbulim kaju,
8. Numinė žvirblukas Zvirbulis izknába
Pelėdaj koją. E e d. d. Pūcitei acis.
9. Pelėda provon, Pūcite aizgąja
Žvirblukas tvoron. E e d. d. Pie kunga sūdžėt.
10. Pelėda kūpon, To sprieda kundziņš,
Žvirblukas dūbon. E e d. d. To gaspažiņa:
Pūcitei vajaga
Pėriena dabūt¹⁾.

XVI. О КОЗЛѢ.

(Приключенія козла на мельницѣ.)

- Jušk. L. d. 237. Zim. II, 19; VI, 6.
Bergm. II, 27; 416.
1. Kamė tu buváj, 1. Kur tad tu nu biji,
Ožėli mánų? ¹⁾ Aziti manu? ²⁾
Malúne, malúne, } ds. Sudmalási, sudmalási,
Ponúlē mánų ¹⁾. } Kundziņu man' ²⁾.
2. Kaņ tu ten dīrbaj? 2. Ko tad tu tur darij?
Maliaú, maliaú, maliaú, Kviešus malu, rudzus malu.
maliaú.
3. Kaņ tu ten malėj? 1) Или: Kam gąji kázas
Púrus, kviečius, púrus, Neaicinata.
kviečius.
- 1) Эти стихи повторяются въ каждой строфѣ. 2) „Aziti manu“ и „Kundziņu man“ повторяются во всѣхъ строфахъ.

4. Kaņ tu ten vālgej?
Sēlēnēles, atrubēles.
5. Kaņ tu ten gērej?
Parugēles, paplavēles.
6. Kamē gulējej?
Su šinkore, su kūkore.
7. Ar tāve ne tvóju?
Tvóju, tvóju, tvóju, tvóju.
8. Su kūm tāve tvóju?
Su kurēklejs, su žer-
stēklejs.
9. Par kaņ tāve tvóju?
Par strēnēles, par kulšēles.
10. O ar tu ne rēkēj?
Rēkiaú, rēkiaú, rēkiaú,
rēkiaú.
11. O kajp tu ten rēkēj?
Me, e, e, e, me, e, e.

1. Var. Jušk. L. d. 267; 1522.

1. O kur tu buvāj,
Ožēli mānu?
Malúne, malúne, }
Pontulē mānu. } ds.
2. O kaņ tu vejkēj?
Máldinau, máldinau.
3. Kaņ tu máldinaj?
Rugélius, kvietélius.
4. O kaņ tu vālgej?
Pagirnuus, pamīlčus.
5. O kaņ tu gērej?
Pāvadkūus, pādugnuus.
6. O kur gulējej?
Karčemó, po pēčtumi.
7. Su kūm gulējej?
Su šinkarkos Urše.
8. O kas prikēlē?
Šinkarka, jūmperka.
9. O kūm prikēlē?
Kačērga, pagājksēu.

3. Ko tad tu tur édi?
Pienu, miedu, pienu, miedu.
4. Ko tad tu tur dzéri?
Alu, vinu, alu, vinu.
5. Ar ko tu tur mērij?
Ar radziņu, ar radziņu.
6. Ar ko tu tur slaucij?
Ar bārdiņu, ar bārdiņu.
7. Vai tad tev' tur kūla?
Ká tad ne, ká tad ne.
8. Par ko tad tev' kūla?
Par lipiņu, par lipiņu.
9. Ká tad tu tur brēci?
Miku, meku, miku, meku.

1. Var. L. — —.

1. Kur tad tu biji,
Aziti mans? ¹⁾
Sudmalās, sudmalās,
Kundziņi mans ¹⁾.
2. Ko tu tur dariji?
Malu, malu, ká nemalu.
3. Ko tu tur mali?
Pūrus, kviešus, pūrus,
kviešus.
4. Ar ko tu tur mēroji?
Ar radziņu, ar radziņu.
5. Ar ko tu tur slauciji?
Ar bārzdiņu, ar bārzdiņu.
6. Ko tu tur édi?
Pienu, medu, pienu, medu.
7. Ko tu tur dzéri?
Alu, vinu, alu, vinu.
8. Kur tad tu gulēji?
Pie meitām, pie meitām.
9. Vaj tad tevi nekūla?
Kūla gan, kūla gan.

1) Эти стихи повторяются во
всѣхъ строфахъ.

10. O kajp tu bēgaj?
Strak, strak, strak, strak.
11. O kajp tu rēkēj?
Mik, mik, mik, mik.

2. Var. Lesk. 100.

1. O kūr tū buvāi,
ožēli māna?
Ant malūna,
ant malūna,
ponēli māna.
2. O ká tū tén dīrbai,
Kvēčiūs rugiūs piklievójau.
3. O kūm tū seikējei?
Sū rageliū, sū rageliū.
4. O kūm šlavinējei?
Sū barzelē, sū barzelē.
5. O sū kūm strykavai?
Sū kojelē, sū kojelē.
6. O ká tū tén vālgei?
Pyragēliu, pyragēliu.
7. O kūr tū tén gulējei?
Užpečkēly sū Barbelē.
8. O ká tū tén gērei?
Rīnska vyna, rīnska vyna.

3. Var. Jušk. L. d. 149.

1. Kur tu buvāj, zūjki mānu? } ds
Malúne, póni mānu. } ds
2. Kaņ tu vejkēj, zūjki mānu?
Rugūus maliaú, póni mānu.
3. Kajp tu malēj, zūjki mānu?
U, u, póni mānu.
4. Kur gulējej, zūjki mānu?
Dūlkēse, póni mānu.
5. Kur tupējej, zūjki mānu?
Smīlgose, póni mānu.
6. Kas tāve výju, zūjki mānu?
Balti kurtaj, póni mānu.

10. Ar ko tad tev' kūla?
Ar žagaru par muguru.
11. Vaj tad tu neblāvi?
Blāvu, blāvu, ká neblāvu.
12. Ká tad tu blāvi?
Buku bē, buku bē!

2. Var. B. et W. 2224.

- Ku' ta tu biji,
Aziti mans?
— Sudmalās, sudmalās,
Kundziņi mans.
Ko tu tur dariji,
Aziti mans?
— Kviešus, rudzus bīdeleju,
Kundziņi mans.
A' ko tu slauciji,
Aziti mans?
— A' bārzdiņu, a' bārzdiņu,
Kundziņi mans.
A' ko tu mēroji,
Aziti mans?
— A' radziņu, a' radziņu,
Kundziņi mans.
A' ko tu striķeji,
Aziti mans?
— A' kajiņu, a' kajiņu,
Kundziņi mans.
Vaj ta tu nezagi,
Aziti mans?
— Zagu kviešus, zagu rudzus,
Kundziņi mans.
Vaj ta tevi nekēra,
Aziti mans?
— Kēra gan, kēra gan,
Kundziņi mans.
Vaj ta tevi nepēra,
Aziti mans?
— Pēra gan, pēra gan,
Kundziņi mans.

7. Kāj tu bēgaj, zūjki mānu? A' ko tevi pēra,
Turst, turst, pōni mānu. Aziti mans?
8. Kāj tāve šovē, zūjki mānu? — A' pagali, a' pagali,
Plikst, plikst, pōni mānu. Kundziņi mans.
Va ta tu neblāvi,
Aziti mans?
— Blāvu gan, blāvu gan,
Kundziņi māns.
Kā ta tu blāvi,
Aziti mans?
— Buku beh, buku beh!
Kundziņi mans.

XVII. КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПѢСЕНКИ.

(Мышка приносит сонъ.)

Bezz. L. F. 57.

Nēš, pilēle sāldu mēga¹⁾
I²⁾ šupolēle
Pā sālēlims, pā lāvēlims,
Kad katēle nematīt'
Ir m'egēlē nakratīt'.
Kad katēle pamatīs,
Tad mēgēlē¹⁾ iškratīs.

B. et W. 2118; 2054 — 2057;
2064 и 2065; 2110 — 2120.

Velc, pelite, saldu miegu
Mazajam bērniņam,
Caur rijiņu, caur klētiņu,
Caur lodziņa šķirbiņām,
Klusitēm, lēnitēm,
Lai kaķits nesadzird;
Kad kaķits sadzirdēs,
Tad galviņu nokodīs.

1. Var. Ar. M. 1235.

Atvelc, pelite, bērnam mied-
ziņu
Caur klēti, caur namu, caur is-
tabiņu,
Caur krāsns caurumu, ka kaķis
neredz.

1) Sic! Хотя ожидается miega и miegēle.

2) Имя дитяти, или, если оно еще не крещено, lelēles. (Зам. Бецу.)

Klusiņi, klusiņi, viegliņi, vie-
gliņi,

Pakulipās ietīnusi,
Ieliec Majiņai šupulā galā.

Jeb: Velc, pelite, saldu miegu
Mazajam bērniņam.
Savilkusi saldu miegu,
Guli pati pagālvi.

2. Var. L. — —.

Velc, velc, pelite,
Bērnam miegu
Caur sētu, caur namu,
Caur istabiņu
Maza bērna šuplīša
Pagālvi.

XVIII. МНОГОКРАТНЫЙ ОБМѢНЪ.

(Даръ удода или отца.)

Jušk. L. d. 143.

1. Aš pamačuāi tutūti,
Lu, lu, tutūti. } ds
2. Aukštām kālne tūpinti,
Lu, lu tūpinti¹⁾.
3. Šilkū lizda vėjanti,
4. Aukšu paūta dēdanti.
5. Aš tutūciņ: „padē Dvēs“,
6. Ma tutūtis pautēli.
7. Aš pautēli močūtēj,
8. Ma močūtē bāndēle.
9. Aš bāndēle kaulēlej,
10. Ma kaulēlē paršēli.
11. Aš paršēli vilkēliuj,
12. Ma vilkēlis šubēle.
13. Aš šubēle kūniguj,
14. Ma kūnigas karvēle.
15. Aš karvēle ponēliuj,
16. Ma ponēlis žirgēli.

L. — —. B. et W. 2206 (съ
12 вариантами); 2229.

Titars, nabags, skāidas lasa
Basām kājām, plikiem lieliem.
Istek Mālu Ritentiņš:
Labdien, labdien, rāiba gove!
Kur tu man tō pienu liksi?
— Es tō pienu ļauķim došu,
Ķauķis man to speķi dos;
Es tō speķi kurpniekam došu,
Kurpnieks man tās kurpes dos;
Es tās kurpes brūtei došu,
Brūte man tās mutes dos;
Es tās mutes Leitim devu,
Leitis man tō ķēvi deva;
Es tō ķēvi vilkam devu,
Vilks man smuki padancoj':
Trādi rīdi ralla-la.

1) „Lu, lu“ съ послѣднимъ
словомъ каждаго стиха повто-
ряется во всѣхъ строфахъ.

17. Ant žirgėliu jódžiau,
18. Sāvu rūra ródžiau.
19. Pyragėlius rajkiau,
20. Abū galū kraipiau.

Var. L. — —. L.-P. IV¹⁾
стр. 95 и 96.

1. Tēvs sēd akas kalnā²⁾,
Pupu kule mugurā.
2. Es prasiju vienu pupu,
Viņš man deva visu kuli.
3. Es tō kuli cūkai devu,
Cūka man tō speķi deva.
4. Es tō speķi kurpniekam
devu,

Kurpnieks и т. д. какъ выше.

XIX. Служба.

(Различное вознаграждение.)

Schl. стр. 50. Jušk. L. d. 156. L. — —. Zim. II, 20; (III, 2).
Bar. 138. B. et W. 2144; (2141).

Šlūžyju pri sāvo pōno
Ant pirmo mēto;
Užsipelniau vištėlę vėnā.
(: Māno vištā vištýčius vadžó. :)

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant antro mēto;
Užsipelniau antėlę vėnā.
Māno āntis pēr vāndens¹⁾
brāidžo,
Māno vištā vištýčius vadžó.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant trėčo mēto.
Užsipelniau žasėlę vėnā.
Māno žāsins gargadōns,
Māno āntis pēr vāndens brāidžo,
Māno vištā vištýčius vadžó.

Dzivoj' pie kundziņa
Pirmu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
vistip'.

Vistip' mani pāutus dēja
Smukus un dāilus,
Vistas un gāilus.

Dzivoj' pie kundziņa
Ūtru gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
gāilit'.

Gāilit's mani ķiku rigu,
Vistip' mani pāutus dēja
Smukus un dāilus,
Vistas un gāilus.

1) Latweeschu tautas-pasakas
šarakstijis Anšs Lerchis-Pušch-
kaitis. IV. daļa. Jelgavā 1893.

2) У В. et W. между про-
чимъ и:
Vecaiss tēvs likā bērza,
Pupu kule mugurā.

1) Шлейхеръ здѣсь замѣчаетъ:
„pār vāndens, wie sie singen,
steht doch wol nur für pēr vān-
denius“.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant ketvirto mēto.
Užsipelniau ožkėlę vėnā,
Māno ožys¹⁾ širmavōks,
Māno žāsins gargadōns,
Māno āntis pēr vāndens brāidžo,
Māno vištā vištýčius vadžó.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant pēnkto mēto.
Užsipelniau avėlę vėnā.
Māno avis šiltā villā,
Māno ožys ir t. t.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant šėsto mēto.
Užsipelniau kiaulėlę vėnā.
Māno kiaulē krukurāgo,
Māno avis šiltā ir t. t.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant septinto mēto.
Užsipelniau karvėlę vėnā.
Māno kārvē gērā pēnā,
Māno kiaulē krukurāgo ir t. t.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant astūnto mēto.
Užsipelniau jautēlį vėnā.
Māno jāutis stipriū ragū,
Māno kārvē gērā pēnā ir t. t.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant devīnto mēto.
Užsipelniau žirgēlį vėnā.
Māno žirgas eitīnīks,
Māno jāutis stipriū ragū ir t. t.

Pasilikaū pri sāvo pōno
Ant dešīnto mēto.
Užsipelniau mergėlę vėnā.
Māno mergā sāldžē mēilē,
Māno žirgas eitīnīks,
Māno jāutis stipriū ragū,

Dzivoj' pie kundziņa
Trešu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu pilīt'.
Pilīt' mani piku, peku,
Gāilit's mani ķiku rigu,
Vistip' mani pāutus dēja
Smukus un dāilus,
Vistas un gāilus.

Dzivoj' pie kundziņa
Ceturto gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
cūcip'.

Cūcip' mani rikū, raku,
Pilīt' mani piku, peku,
Gāilit's mani ķiku rigu,
Vistip' mani pāutus dēja etc.

Dzivoj' pie kundziņa
Piektu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
aitip'.

Aitip' mani villu nesa,
Cūcip' mani rikū, raku,
Pilīt' mani piku, peku,
Gāilit's mani ķiku rigu,
Vistip' mani pāutus dēja,
Smukus un dāilus etc.

Dzivoju pie kundziņa
Sestu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
gosniņ'.

Gosniņ' mani pienu deva,
Aitip' mani villu nesa etc.

Dzivoju pie kundziņa
Septītu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
zirdziņ'.

Zirdziņš mani seglus nesa,
Gosniņ' mani pienu deva etc.

Dzivoju pie kundziņa
Astotu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu zosit'.

1) Шлейхеръ слышалъ и ōzins.

Māno kārvē gēra pēnā,
Māno kiaūle krukurāgo,
Māno avis šiltā vilnā,
Māno ožys širmavōks,
Māno žāsins gargadōns,
Māno āntis pēr vāndens brāidžo,
Māno vištā vištýčus vadžō.

Zosīt' mani bārzdu dzina,
Zirdziņš mani seglus.nesa,
Gosniņ' mani pienu deva,
Aitiņ' mani villu nesa,
Cūciņ' mani riku raku,
Piliņ' mani piku peku,
Gāilīt's mani ķiku rigu,
Vistiņ' mani pāutus dēja
Smukus un dāilus,
Vistas un gāilus.

XX. Прощание.

(Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей.)

Jušk. L. sv. d. 619; 622 и 623.
Rh. 83 (296).

1. Kad sēdau už stalēliu
Su jāunūju bernēliu,
O krīnta, būra
Ma ašarēlēs
Par skājsētūstus vejdēlius.
2. Kad ējaū nū stalēliu,
Nū bāltūjū stalēliu: —
O jau sudtēvu
Baltām stalēliuj,
Jau daugtaūs ne mazgōstu.
3. Kad ējaū par aslēlē,
Par lýģejē aslēlē: —
O jau sudtēvu
Lýģiaj aslēlej,
Jau daugtaūs aš ne šlūsū.
4. Kad ējaū par durēles,
Par tēvēliu durēles: —
O jau sudtēvu
Naūjoms durēlēms,
Aš daugtaūs ne varstýstu;
5. Varstýstu anytēlēs,
Bernūžtu motýnēlēs,
Tānkej varstýstu

R. kr. VI, стр. 107; стр. 108.

Ar Dieviņu, mīlas mājas!
Es pa jums vāirs nestāigāšu.
Ar Dieviņu, lāuki, dārzi!
Es pa jums vāirs nestrādāšu.
Ar Dieviņu, kalni, lejas!
Es pa jums vāirs nedziedāšu.
Ar Dieviņu vārti, dvari!
Es jūs nu vāirs nevārstišu.
Ar Dieviņu, zelta aka!
Še ūdeni vāirs nesmelšu.
Ar Dieviņu, meži, birzes!
Līdz ar putnu dziesmipām;
Še nekad vāirs nedzirdēšu
Jūsu jaukāš balstiņas.
Ar Dieviņu, mīlā upe!
Ar tām zaļām pakraujām,
Kur ar savu mīlakaju
Pirmo reizi runajām. etc.

Var. R. kr. стр. 108.
Magazin стр. 5.

1. Cik īsi, cik jāuki man aiz-
gājis
Tas saldigais jaunības laiciņš!

- Sāvē graudīnstu,
Aš graudžej apsivērksu.
6. Kad ējaū par dvarēli,
Par žālējē vejēlē: —
O jau sudtēvu
Žāliaj vejēlej,
Aš daugtaūs ne mýntosū.
 7. Kad ējaū par dvarēli
I rutēliu daržēli: —
O jau sudtēvu
Žaliōms rutēlēms
Ir vistēms žolynēliams.
 8. Kad ējaū iš daržēliu,
Iš naūjūjū daržēliu: —
O jau sudtēvu
Naūjam daržēliuj,
Aš daugtaūs ne vājksčlostu.
- — — — —

Kāds būs tas uz priekšu, to ne-
zinu vis,
Tapeč tāds skumigs mans vai-
dziņš.

2. Jūs miligas, parastas vie-
tiņas,
Vaj reiz vēl kad mišu še kājas?
Ai, ai! nevarešu aizmirst nemaz,
Jūs manas jaunības mājas!
3. Te paliek nu tētits, te me-
miņa,
Te viss mans jaunības mūžiņš!
Vaj varešu parast tur svešumā?
Vaj miligs būs mūžiņa draudziņš?
4. Jūs mīlas draudzenes, mā-
siņas,
Ne-aizmirstiet vis mani vienu!
Lai sirsniņas paliek mums vie-
notas,
Līdz pašu beidzamo dienu!
— — Ar Dieviņu, nu palieci,
Mana veca dzīvošan'!
Dod, Dieviņu, pie tautieša
Man jo labu dzīvošan'!

Исследования.

Введение.

И въ цивилизованномъ мірѣ, и въ научныхъ кружкахъ давно признано значеніе народныхъ пѣсенъ. Никто никогда еще не отрицалъ достоинства народныхъ эпосовъ: „Иліады“, „Одиссеи“, „Нибелунговъ“, „Слова о полку Игоревѣ“, и даже маленькихъ лирическихъ произведеній народнаго духа, какъ реальныхъ преданій народовъ. Точно также и дайнамъ (литовскимъ и латышскимъ народнымъ пѣснямъ) давно уже удивлялись, и ихъ разсматривали такіе выдающіеся писатели, какъ, напр., Лессингъ, Гердеръ и Гёте. И первые собиратели литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ признали какъ ихъ глубокую древность, такъ и ихъ научную цѣнность. Такъ Стендеръ говоритъ: „Историческія пѣсенки показываютъ, что онѣ очень старинны, потому что въ нихъ находятъ слѣды временъ язычества. Слышатся въ нихъ: Dieva dēli сыны бога, Dieva žirgī лошади бога, Dieva vėršī быки бога, Dieva putnī птицы бога, Saules meita дочь Солнца, Mėža mātė богиня лѣса, Jūras mātė богиня моря, Vėja mātė богиня вѣтра etc.“¹⁾ Реза пишетъ: „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пѣсни, имѣющія предметомъ своимъ мифологическія событія, относятся къ древнѣйшимъ временамъ язычества“²⁾. — „Вообще изъ пѣсенъ, переносащихъ насъ въ домашній бытъ народа, можно получить поучительныя свѣдѣнія о мифологіи, археологіи, филологіи и

этнографіи“³⁾. Лескинъ говоритъ: „Многія пѣсни составляютъ старинное достояніе и сохраняютъ посредствомъ рѣимы древнія формы, напр., *mānei*, *jaunāmuī*, которыя теперь болѣе не употребляются“⁴⁾. Бютнеръ, въ своемъ предисловіи, выражается слѣдующимъ образомъ: „Сдѣланныя мною сравненія показали, что большинство пѣсенъ въ Лифляндіи было извѣстно и здѣшнимъ латышамъ въ Курляндіи, изъ чего я заключилъ о ихъ глубокой древности и цѣнности, которую онѣ имѣютъ у народа“⁵⁾. Далѣе онъ указываетъ, что одною изъ цѣлей обработки его сборника было: „открыть языковѣдамъ источникъ изученія настоящаго латышскаго языка“⁶⁾. Въ своей статьѣ „Die lettischen Sonnenmythen“ В. Мангардтъ признаетъ, что гениальное остроуміе А. Куна, основателя сравнительной мифологіи, нашло въ Ведахъ, этомъ до нашего времени сохранившемся древнѣйшемъ осадкѣ (Niederschlag) аріійскаго вѣрованія, ключъ для многихъ загадокъ греко-римской, славянской, германской мифологіи. Потомъ онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Другой такой же старинный и въ первобытной чистотѣ сохранившийся слой (Schicht) мифическихъ традицій, значительнаго объема, одного рода и равномернаго отношенія къ одной и той же области природы, зналъ я въ латышскихъ и литовскихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя описываютъ жизнь Солнца, его восходъ, закатъ и ночное пребываніе“⁷⁾. — „При сравнительномъ разсмотрѣніи, сразу бросается въ глаза глубокая древность этихъ пѣсенъ“⁸⁾.

Итакъ, если множество литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, само-по-себѣ, указываетъ на глубокую ихъ древность (ein hohes Alter), то это становится еще понятнѣе при ихъ сравненіи. Уже В. Мангардтъ говоритъ: „Если токово было содержаніе этихъ пѣсенъ еще до начала тринадцатаго столѣтія, въ главныхъ чертахъ, то точное соотвѣтствіе между литовскими и латышскими пѣснями ведетъ,

1) St. стр. 273.

2) Rh. стр. 333.

1) Ib. стр. 355.

2) Lesk. стр. 5.

3) Bütn. стр. III.

4) Ib. стр. IV.

5) Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875, стр. 74.

6) Ib. стр. 86.

можетъ быть, и уже касательно контекста произведений къ подобнымъ результатамъ. Ибо, сколько мы знаемъ, сообщеніе между латышами и литовцами съ начала господства нѣмецкаго ордена было такъ затруднительно и даже прервано, что мы должны перенести обмѣнъ ихъ духовныхъ произведений къ предыдущему періоду, когда еще поэтическія произведенія одного латышскаго народа путемъ устнаго распространенія очень скоро становились общимъ достояніемъ и другого. Но соотвѣтствія ихъ предполагаютъ обмѣнъ готовыхъ пѣсенъ¹⁾. — Въ нижеслѣдующемъ я надѣюсь привести и многочисленныя доказательства мнѣнія Мангардта, высказаннаго имъ тамъ же:

„Возможно, что нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ представляютъ собою передѣлку (Umdichtungen) еще болѣе древнихъ, совершенно въ томъ же самомъ родѣ, какъ аллитерирующія пѣсни Эдды (Hamarsheimt, Fjölsvinnsmál, Gróngaldr, Gripisspá, Sólarljóðh), которыя странствовали въ четырнадцатомъ или пятнадцатомъ столѣтіяхъ въ риёмованной передѣлкѣ на новый ладъ (in gereimter Modernisirung) отъ норвежцевъ къ датчанамъ и шведамъ и наоборотъ²⁾. Мнѣ кажется довольно яснымъ, что теперешній видъ нашихъ пѣсенъ не можетъ быть первобытнымъ. Рядомъ съ краткими четверостишіями, которыя обыкновенно встрѣчаются у латышей, появляются у нихъ еще и болѣе длинныя и обширныя пѣсни, которымъ соотвѣтствуютъ совершенно сходныя съ ними литовскія пѣсни (Seitenstücke), слѣдовательно, первыя — не что иное, какъ сокращенія болѣе полныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ своимъ содержаніемъ картинки простыхъ поэтическихъ жанровъ (Genrebildchen); если же, напротивъ, какъ мы увидимъ, въ другихъ пѣсняхъ, мифическія существа, — дочь Солнца или Мѣсяца и т. д., — приводятся говорящими, то это предполагаетъ другую — болѣе значительную цѣль, которая не видна изъ самого текста, а понятна какъ первичное образованіе и остатокъ болѣе древняго вида нашихъ пѣсенъ, въ которомъ онѣ представляютъ гимны, хвалебныя пѣсни такого рода, гдѣ

1) Ib. стр. 87.

2) Справ. ergo Nachweise, Zeitschr. f. d. D. Myth. IV. 450 и Christ. Rauch, die skand. Balladen des Mittelalters. Berlin 1873. Progr.

за эпическими описаніями подвиговъ божества, которыя, ради живости, иногда влагаешь поэтъ въ уста ему, слѣдовало смиренное удивленіе или благоговѣйное моленіе¹⁾. Справ. Спр. стр. 213, № 32:

Saule sēja sudrabiņ	Солнце сѣетъ серебро
Celmainā lidumā;	На пастѣхъ съ пнями;
— Sēj, Saulit', manu tiesu	— Сѣй, Солнышко, и мою долю
Jel celmiņa galiņā!	Хотя на кончикѣ пня!

„Какъ бы то ни было, въ сообщенныхъ пѣсняхъ, которыхъ насчитывается около сотни, открывается нашему взору богатое сокровище мифологической поэзіи, постоянную тему которой представляетъ восходъ и закатъ солнца съ сопровождающими ихъ явленіями“²⁾.

Несмотря на очень многія другія соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, моя работа, содержащая, считая круглымъ числомъ, всего 500 пѣсенъ, увеличиваетъ богатое сокровище („reiche Schatzkammer“) В. Мангардта вчетверо, и не только пѣснями мифологической поэзіи. Такъ какъ ученые, напр., Л. И. Реза, В. Мангардтъ, А. Бецценбергеръ и другіе, нашли какъ бы случайно нѣкоторыя соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, и А. Бецценбергеръ, какъ это уже въ предисловіи упомянуто, выразился даже, что оказалъ бы великую услугу тотъ, кто бы указалъ на таковыя соотвѣтствія въ большемъ числѣ, — то я принялся за это нелегкое дѣло и рѣшился подвергнуть всю до сихъ поръ собранную литовскую и латышскую народную поэзію сравнительному разсмотрѣнію. Всего на все мнѣ пришлось просмотрѣть около 24,000 народныхъ пѣсенъ — приблизительно 6,000 литовскихъ и 18,000 латышскихъ. Если бы мы, судя по этимъ даннымъ, стали думать, что латышскія пѣсни въ совокупности превосходятъ литовскія втрое, то мы жестоко ошиблись бы: литовскія дайны, среднимъ числомъ, имѣютъ 10, 20, 30 и еще болѣе строфъ, латышскія же пѣсни болѣею частью лишь 4, 6 или 8 стиховъ. Латышская народная поэзія только въ меньшинствѣ случаевъ содержитъ тексты, похожіе на литовскіе по объ-

1) Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875, стр. 87 и 88.

2) Ib. стр. 88.

ему. Болѣе или менѣе точно совпадающими параллельными текстами оказались 74, именно 37 литовскихъ и 37 латышскихъ народныхъ пѣсенъ; если къ нимъ прибавить еще 221 латышскій и 205 литовскихъ вариантовъ, то всего будетъ 500 такихъ произведений.

По содержанию, я раздѣлилъ эти параллельные тексты на слѣдующіе 20 отдѣловъ:

I. О пѣніи	по 1 пѣснѣ съ 2 лит. и 5 лат. вар.				
II. Миѣическія пѣсни	„ 8 пѣсенъ „ 18 „ 52 „ „				
III. Военныя пѣсни	„ 4 пѣсни „ 51 „ 37 „ „				
IV. О похищеніи невѣсты „ 1 пѣснѣ „ 23 „ 4 „ „					
V. Объ упавшемъ вѣнкѣ „ 1 „ „ 20 „ 8 „ „					
VI. „ „ „ „ „ 1 „ „ 6 „ 12 „ „					
VII. „ „ „ „ „ 1 „ „ 10 „ — „ „					
VIII. О потерянномъ конѣ „ 1 „ „ 5 „ 5 „ „					
IX. О сватаніи, о ночлегѣ „ 5 пѣсенъ „ 19 „ 12 „ „					
X. Братъ посѣщаетъ вышедшую замужъ сестру	„ 1 пѣснѣ „ 4 „ 6 „ „				
XI. Сиротскія пѣсни	„ 3 пѣсни „ 13 „ 18 „ „				
XII. Странное общаніе	„ 1 пѣснѣ „ 6 „ 4 „ „				
XIII. Дорогая семья	„ 2 пѣсни „ 7 „ 2 „ „				
XIV. Пьяница	„ 1 пѣснѣ „ 1 „ 1 „ „				
XV. Свадьба птицъ, волка „ 1 „ „ 11 „ 8 „ „					
XVI. О козлѣ	„ 1 „ „ 4 „ 5 „ „				
XVII. Колыбельныя пѣсенки „ 1 „ „ — „ 18 „ „					
XVIII. Многократный обмѣнъ „ 1 „ „ — „ 16 „ „					
XIX. Служба и различное вознагражденіе	„ 1 „ „ 2 „ 4 „ „				
XX. Прощаніе	„ 1 „ „ 3 „ 4 „ „				

Итакъ, первое мѣсто занимаютъ миѣическія пѣсни (числомъ 8). Далѣе слѣдуютъ пѣсни о сватаніи, о ночлегѣ (ч. 5), военныя пѣсни (4), сиротскія пѣсни (3), дорогая семья (2) и, наконецъ, всѣ другія (числомъ 15 отдѣловъ) — по одной пѣснѣ. — При дѣленіи пѣсенъ по вариантамъ устанавливается слѣдующій порядокъ: 1) военныя пѣсни (51 + 37), миѣическія пѣсни (18 + 52), 3) о сватаніи, о ночлегѣ (19 + 12), 4) сиротскія пѣсни (13 + 18), 5) объ упавшемъ вѣнкѣ (20 + 8),

6) о похищеніи невѣсты (23 + 4), 7) свадьба птицъ, волка (11 + 8) и т. д.

Приведенное мною выше мнѣніе многихъ ученыхъ касательно глубокой древности литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ могу и я здѣсь подтвердить. Ибо, какъ мы это уже выше видѣли, В. Мангардтъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что сообщеніе между латышами и литовцами, съ начала господства нѣмецкаго ордена, было такъ затруднительно, что обмѣнъ ихъ духовныхъ произведений нужно искать въ періодъ до прибытія нѣмцевъ. О сообщеніи литовцевъ между собою, съ одной стороны, и латышей между собою, съ другой, послѣ прекратившагося господства ордена, должно сказать тоже самое. Во время крѣпостного состоянія сообщеніе, напр., латышей между собою, почти совершенно прекратилось и оставалось въ такомъ положеніи до приобрѣтенія ими права отпуска по паспортамъ, въ 1863 г. И какъ, вслѣдствіе этого почти несуществовавшего сообщенія, „каждый округъ, даже каждый приходъ, даже, можно сказать, самая малѣйшая волость имѣла свое нарѣчіе, по свойствамъ котораго внимательное и опытное (geübte) ухо непременно могло узнать происхожденіе говорящаго“¹⁾, точно также каждый округъ, каждый приходъ, даже малая волость обладаетъ своими діалектически отгѣняющимися народными пѣснями. Относительно литовскаго языка и литовскихъ дайнь, Фортунатовъ и Миллеръ пишутъ: — „Едва ли другой индо-европейскій языкъ столь богатъ діалектическими отгѣнками, какъ языкъ литовскій, который въ русскихъ областяхъ Литвы, не имѣя литературной жизни, чуждъ всякой устойчивости. Каждая десятъ, двадцать верстъ можно уже подмѣтить нѣкоторыя особенности, интересныя въ этимологическомъ, фонетическомъ или лексическомъ отношеніяхъ. Часто въ одной мѣстности сохраняется черта глубокой древности, уже исчезнувшая въ другихъ говорахъ. Изученіе мѣстныхъ говоровъ имѣетъ важное значеніе для исторіи языка, что уже давно признано наукою“²⁾. — „Народное творчество не изсякло доселѣ: въ каждой деревнѣ есть

1) Справ. Die Lettische Sprache von A. Bielenstein. I. Theil, стр. 16.

2) Ф.-М. стр. 2.

пѣсни“ etc.¹⁾. И если все-таки эти пѣсни, по ихъ содержанію, несмотря на ихъ мѣстные діалектическіе отгѣнки, вездѣ въ латышской и литовской областяхъ распространены, какъ это замѣтили и нѣкоторые собиратели (см. выше), — то все это свидѣтельствуешь о ихъ глубокой древности. То же самое подтверждается сходствомъ литовскихъ пѣсенъ съ латышскими.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы подробно, по формѣ и содержанію, рассмотримъ параллельные тексты въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ они помѣщены въ предыдущемъ отдѣлѣ.

I. О пѣніи.

Параллельные тексты о пѣніи такъ скудны, что можно было бы оставить ихъ почти безъ вниманія, если бы здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о пѣсняхъ, не было такъ умѣстно подвергнуть ихъ краткому рассмотрѣнію, какъ бы въ видѣ эпиграфа и введенія. Сверхъ того, относящаяся сюда поэзія, именно латышская, чрезвычайно богата пѣснями о пѣніи. Стоитъ только заглянуть въ новѣйшій сборникъ „Latwju dainas“, заключающій въ себѣ много сотенъ пѣсенъ такого содержания. Издавна пѣніе происходитъ отъ богини. Мѣуив ѣеѣ, ѣеѣ, такимъ призываніемъ богини начинается Илиада. Латышскія народныя пѣсни упоминаютъ Лайму или Марю какъ богиню пѣнія, какъ-то:

Dziesmas dēl, sveši (v. labi) laudis,	Изъ-за пѣсни, чужіе (в. до- брые) люди,
Ienaidiņa necelat!	Не затѣвайте ссоры,
Dziesmit' dziedu kād' esošu —	Пѣсенку пою, какова она есть,
Ne ta mana padarīta.	Она не мною сочинена.
Tō rakstīja māmuliņa,	Ее написала маменька,
Kad guleju šūpulī.	Когда я спала (спалъ) въ ко- лыбели.
Ar' māmīņa nezīnatu,	
Kaut Laimiņa neteikusi ²⁾ .	И маменька не знала бы,
	Если бы Лайминя ³⁾ ей не ска- зала.

1) Ф.-М. стр. 4.

2) Аг. М. 66.

3) Уменьшительное имя богини Лаймы.

Или:

Mīla Laima, Dieva meit',	Милая Лайма, дочь бога
Nāc dziesmiņas darināt:	(Dieva),
Teic dziesmiņas, dziedī pati	Приходи сочинять пѣсенки!
Par jauniem, par veciem ¹⁾ .	Скажи пѣсенки, пой сама
	О молодыхъ, о старыхъ.

Или:

Kad es dziedu, koši dziedu,	Когда я пою, прекрасно пою,
Kad es raudu, žēli raudu;	Когда я плачу, жалобно плачу;
Kā es koši nedziedāšu,	Какъ мнѣ прекрасно не пѣть,
Māra dziesmu teicejīga;	Маря сказательница пѣсенъ;
Kā es žēli neraudašu,	Какъ мнѣ жалобно не плакать,
Kad es biju sērdienite ²⁾ .	Когда я была сиротинушка.

Маря (= Māra, Maria) не что иное, какъ интерполляция, христіанская замѣна, вмѣсто Лаймы, какъ это уже и Бютнеръ и Мангартъ совершенно вѣрно указали³⁾. Лайма — специфически литовско-латышское божество, о которомъ подробнѣе мы поговоримъ тамъ, гдѣ оно встрѣчается и въ литовскихъ текстахъ. „Упомянутое Мари въ пѣсняхъ, собранныхъ въ Курляндіи и евангелической Лифляндіи, вводитъ насъ во времена католичества, за три слишкомъ столѣтія тому назадъ“⁴⁾.

Литовскія народныя пѣсни о пѣніи, не упоминающія ни о Лаймѣ, ни о Марѣ, какъ о музѣ, имѣютъ, напротивъ, другой отгѣнокъ, который, по крайней мѣрѣ, обнаруживаетъ большую древность ихъ языка. Это, именно, слово „daina“ (пѣсня, былина), dimin. dainėle, глаголъ dainoti (пѣть). Несельманъ говоритъ, что слово daina, мн. ч. dainos, есть особенность только литовскаго языка и не встрѣчается ни въ какомъ другомъ ему родственномъ. Это слово означаетъ свѣтскую или народную пѣсню, въ противоположность духовной или церковной пѣснѣ, называющейся giesmė⁵⁾. Но, мнѣ кажется, въ латышскомъ языкѣ это слово совершенно

1) Ib. и B. et W. 22.

2) Büttner, Motto и Брив. 1.

3) Büttner стр. 250. — W. Mannhardt, Die lettischen Sonnenmythen стр. 86.

4) W. Mannhardt ib.

5) Ness. стр. X.

не исчезло. Ульманъ въ своемъ словарѣ приводитъ: „Daiņa, -as, daina, ein litthauisch Lied. Daiņot, dainot (Lth. dainoti von daina), die dainos singen, kreischen, lustig sein. Oberl. Dainoties in N. Autz: tanzen, sich zeigen. Scheint in Livl. unbekannt“¹⁾. У Стендера встрѣчается: „dainot, kreischen und lustig sein. Obl.“²⁾. Несомнѣнно, что того же корня лит. dai-na и лат. die-t (плясать, прыгать, chorum ducere); далѣе, лат. dei-ja (пляска, хороводная пляска), dei-ni-ti-s³⁾ (плясунъ). Имѣется латышская пословица, какъ: Tas lecams, tas deijams (это для прыганія, это для плясанія, т. е., для хоровода). Эту пословицу примѣняютъ къ людямъ, носящимъ одно только платье, и по буднямъ, и по воскресеньямъ. Итакъ, daina означаетъ первоначально веселую, разудалую пѣсню, при пѣнии которой и плясали; слѣдовательно dainoti значить: пѣть пѣсни и плясать, подобно тому, какъ лат. ligot (лит. lingoti): пѣть на Ивановъ-день подходящія пѣсни, плясать хороводную пляску, „hin und her schwanken, sich hüpfend, schaukelnd bewegen“, словомъ — веселиться. Лат. dziesma представляетъ болѣе обширное понятіе, чѣмъ лит. giesme. Между тѣмъ, какъ послѣдняя употребляется лишь въ значеніи духовной и церковной пѣсни, первую — dziesma — примѣняютъ и къ свѣтскимъ народнымъ пѣснямъ. Такъ, напр., у латышей имѣются издавна ganu dziesmas (пастушескія пѣсни), kāzu dziesmas (свадебныя пѣсни) и т. д. Сюда относящійся лат. параллельный текстъ и есть какъ разъ пастушеская пѣсня. Искони латышъ снабдилъ названіемъ dziesma только тѣ народныя пѣсни, которыя извѣстны подъ наименованіемъ „пѣсни на какой-либо случай“, напр., свадебныя пѣсни, пастушескія пѣсни, пѣсни на Ивановъ-день и т. д. Лат. нар. пѣсни, которыя не подходятъ къ рубрикѣ пѣсенъ на извѣстный случай, латыши, со временъ Стендера, стали называть — zinge, zingis. Странно, что zinge и есть какъ разъ тѣ пѣсни, между которыми почти исключительно мы

1) См. Lettisches Wörterbuch. Erster Theil. Lettisch - deutsches Wörterbuch von Bischof Dr. Carl Christian Ulmann. Riga, 1872.

2) Справ. Lettisches Lexikon. In zween Theilen abgefasst, und den Liebhabern der lettischen Litteratur gewidmet von Gotthard Friedrich Stender. Mitau, 1789.

3) Одна лат. нар. пѣсня начинается: Deij, deij, deiniti! (Танцуй, танцуй, танцоръ!)

находимъ латышскія соотвѣтствія къ лит. дайнамъ. Итакъ, длинныя лат. нар. пѣсни, такъ называемыя zingī, zinges, и по содержанію, и по формѣ, очень похожи на литовскія, а короткія лат. нар. пѣсни на извѣстный какой-либо случай, большею частью четверостишія, различаются отъ лит. дайнъ болѣе всего и, повидимому, образовались на специфически латышской почвѣ. Такъ какъ слово zinge, безъ сомнѣнія, заимствовано изъ нѣмецкаго языка, и многія лат. нар. пѣсни, имѣющія видъ балладъ и романсовъ и соотвѣтствующія при томъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, литовскимъ дайнамъ, существовали несомнѣнно — какъ это уже выше указано — еще до прибытія въ край нѣмцевъ, то возникаетъ вопросъ, какое наименованіе имѣли эти пѣсни первоначально? было ли то слово „daina“, которое замѣнилось словомъ „zinge“ и впослѣдствіи совершенно было забыто латышами? — И вмѣсто dainot (пѣть дайны) стали употреблять zinget, zingat или zingot. Въ научномъ и литературномъ ежемѣсячномъ журналѣ „Austrums“¹⁾ помѣщены нѣкоторыя данныя, по которымъ слово daina еще теперь встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. По упомянутымъ даннымъ, daina и dainot употребляются и теперь еще въ волостяхъ Ливень и Унгернгофъ (Витебской губерніи, Двинскаго уѣзда). Въ Курляндіи, въ Фридрихштатскомъ уѣздѣ, слышится изъ устъ стариковъ „daiņas“, „daiņot“ и, наконецъ, въ Лифляндіи, въ приходѣ Эрмсъ, живетъ латышское семейство, съ фамиліею Daina. — Легко, очевидно, предполагать, что латыши первоначально называли дайнами, по крайней мѣрѣ, свои длинныя баллады и романсовидныя народныя пѣсни, очень похожія, какъ мы это увидимъ ниже, на литовскія.

Хотя, съ одной стороны, наши параллельные тексты о пѣнии, во-первыхъ, по ихъ разному размѣру, во-вторыхъ, по ихъ содержанію, относятся другъ къ другу только какъ варианты, — все-таки, съ другой стороны, въ виду ихъ почти буквально соотвѣтствующаго начала, нельзя не признать, что ихъ пѣвцы руководствовались общимъ — болѣе стариннымъ — образцомъ. Какъ литовскій, такъ и латышскій пѣвецъ (или пѣвица) признаются, что они пропѣли всѣ пѣсни, лишь одной еще не пѣли; эту послѣднюю пѣсню литовская

1) 1894 г., № 1, стр. 118.

пѣвица хочетъ пѣть весною, при полотьѣ сорныхъ травъ (rutėles govėdama), а латышская — вечеромъ маленькой сестрѣ (mazaĵai māsīĵai). Лат. пѣвецъ (пѣвица) поетъ свою пѣсню какъ разъ на пастбищѣ и, слѣдовательно, не зимою, а литовскій пѣвецъ поетъ въ то время, когда нѣтъ весны. Лит. текстъ имѣетъ еще нѣсколько строфъ, изъ которыхъ (по Bezz. L. F. 54. Jušk. L. d. 66), съ одной стороны, положительно явствуетъ, что пѣвецъ здѣсь дѣвица (mergėle), а съ другой, по Юшкевичу (var. 756), юноша (bernėlis), пѣсельникъ (dainorius). По лат. тексту (и v. 145) поетъ тоже дѣвица, а по v. 144 — мужчина. Надо здѣсь еще замѣтить, что литовскому rutà (уменьш. rutėle) соответствуетъ въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ rōze (роза): въ литовскихъ дайнахъ rutėles govėdama (полючи руты), а въ латышскихъ rōzes ravėdama¹⁾ (полючи розы). Рута въ лат. нар. пѣсняхъ встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, очень рѣдко, и то только въ нѣкоторыхъ нар. пѣсняхъ верхне-латышскаго говора. Само собою разумѣется, что и лат. пѣвецъ, подобно литовскому, охотно поетъ весною, когда вся природа пробуждается, когда радуются и животные, и человѣкъ, и всякая тварь. Сверхъ того объ этомъ свидѣтельствуетъ пѣсенка, какъ-то:

Pavasara vakarā
Uz zaļā pakalniņa
Pirmo reizi dziedāt gājū,
Savu balsi vēdināt²⁾.

Весною, вечеромъ,
Ходилъ я на зеленый пригорокъ
Въ первый разъ пѣть,
Свой голосъ провѣтривать.

Какъ литовскій, такъ и латышскій пѣвецъ (или пѣвица) сознаютъ богатство своихъ пѣсенъ и выражаютъ это въ своихъ пѣсняхъ.

Aš padainosiu
Dainu dainelę,
Aš dainu bernuželis.
Aš atdarysiu
Dainu skrynelę,
Paleisiu į lustelį.

Я пропою
Пѣсенку пѣсенъ,
Я — юноша дайнъ.
Я отворю
Шкафчикъ пѣсенъ,
Выпущу ихъ въ веселье.

* * *

* * *

1) Ar. M. 36. — B. et W. 447.

2) B. et W. 270.

Aš padainosiu
Dainu dainelę,
Aš dainu mergužele.
Aš atdarysiu
Dainu skrynelę,
Paleisiu į lustelį¹⁾.

Я пропою
Пѣсенку пѣсенъ,
Я — дѣвушка пѣсенъ.
Я отворю
Шкафчикъ пѣсенъ,
Выпущу ихъ въ веселье.

Какъ литовецъ (литвинка) имѣетъ свой шкафчикъ пѣсенъ (dainu skrynėlę²⁾), такъ и латышъ (латышка) имѣетъ свою пѣсенную пурпу (dziesmu pūrs), пѣсенную корзинку (dziesmu vācele) и поетъ:

Man dziesmiņu pieci pūri³⁾ — У меня пять пуръ пѣсенъ —
Или: Man dziesmiņu trīs pūri⁴⁾ — У меня три пурпы пѣсенъ —
Или: Man bij dziesmu vācele⁵⁾ — У меня была корзинка съ пѣснями

и т. д. Кромѣ вышеупомянутой Лаймы, генія пѣнія, латышскій пѣвецъ сохранилъ въ своихъ пѣсняхъ еще другое мифологическое воспоминаніе о пѣніи. Онъ поетъ:

Man dziesmiņu nepietrūka,
Kaut ī gara vasariņa:
Vēl manami kumeļami
Dziesmu sega mugurā.

Мнѣ хватало пѣсенъ,
Хотя и долго лѣто:
Еще у моего коня
Покрывало пѣсенъ на спинѣ.

Jeb:
Dzīrās mani sveši laudīs
Ar dziesmām aizdziedāt:
Bij manami kumeļami
Dziesmu segli mugurā⁷⁾.

Или:
Хвастались⁶⁾ чужіе люди
Пѣть больше меня:
У моего коня было еще
Сѣдло пѣсенъ на спинѣ.

1) Ness. 172. Stan. 1. Lesk. 113.

2) Слово skrynėlę, встрѣчающееся и въ лат. языкѣ (skrinis), вѣроятно, заимствовано изъ нѣмецкаго — Schrein.

3) B. et W. 47.

4) Ib. 41; 42; 49; 50; 51.

5) Ib. 43; 44; 45; 48.

6) Хвастались, ибо лат. dzīrtis соответствуетъ точно лит. girtis (хвастаться).

7) Ar. M. 7. — B. et W. 46 — 1.

Jeb:

Dziedi, dziedi, dziedataja,
Ne tu mani aizdziedāsi:
Bij manam kumeļam
Dziesmu segli mugurā¹⁾.

Или:

Пой, пой, пѣвица,
Вѣдь ты не можешь пѣть
 больше меня:
Было у моего коня
Сѣдло пѣсенъ на спинѣ.

Слѣдовательно, мы находимъ въ лат. нар. пѣсняхъ о пѣннѣ нѣчто въ родѣ пегаса. Встрѣчающійся въ нихъ взглядъ, во всякомъ случаѣ, оригиналенъ и, безъ сомнѣнія, очень древнѣй. Кромѣ названій (уже выше цитованное): *dai-pōgius* (пѣвецъ) и (I. v. № 1 латышскихъ миѳическихъ пѣсенъ) *sakulītis* (разсказчикъ), — ни въ лит., ни въ лат. дайнахъ не встрѣчается ни одного названія какого-нибудь поэта. Эти произведенія составляютъ, несомнѣнно, общее достояніе всего народа, потому что весь народъ участвовалъ какъ въ ихъ твореніи, такъ и въ ихъ распространеніи.

II. Миѳическія пѣсни.

Пѣсни миѳическаго содержанія и очень древни, и весьма своеобразны. Онѣ не имѣютъ почти никакого отношенія къ новѣйшему положенію вещей. Упомянутіе о Маріи въ нѣкоторыхъ латышскихъ пѣсняхъ служить намъ мѣриломъ ихъ древности и переноситъ насъ лѣтъ за четыреста тому назадъ во времена католичества, какъ это уже выше было сказано. Кромѣ того, въ этихъ параллельныхъ текстахъ не находится ничего, что имѣло бы какое-нибудь отношеніе къ христіанству. Нессельманъ говоритъ о лит. дайнахъ, что въ нихъ „не встрѣчается ни имени Христа или Иисуса, ни событія, заимствованнаго изъ библіи, ни случайнаго упоминанія о какомъ-нибудь христіанскомъ праздникѣ, хотя бы только для опредѣленія времени (какъ, напр., въ нѣмецкомъ: *Drei Wochen nach Ostern, dann geht der Schnee weg*), или о какомъ-нибудь христіанскомъ церковномъ обрядѣ. Упомянутіе рожденій и сватаній, именно послѣднихъ, является тамъ очень часто, но не упоминается

¹⁾ B. et W. 46—2.

ни о крестинахъ ни о вѣнчаніи. Наоборотъ, мы часто имѣемъ дѣло съ множествомъ пѣсенъ изъ древней языческой миѳологіи¹⁾ etc. То же самое можно сказать и объ относящихся сюда латышскихъ пѣсняхъ и, слѣдовательно, о большей части литовскихъ и латышскихъ параллельныхъ текстовъ вмѣстѣ. Въ этихъ произведеніяхъ проявляется особая жизнь, гдѣ дѣйствующими лицами выступаетъ множество миѳическихъ существъ, которыя, безъ сомнѣнія, произошли въ періодъ чистаго язычества. Онѣ содержатъ, большею частью, миѳы о Солнцѣ, какъ это въ свое время доказалъ уже В. Мангардтъ. Въ нихъ, именно, рѣчь идетъ о „первой“ веснѣ, о „первомъ“ лѣтѣ, о сватаніи Солнца (*Saule*) къ Мѣсяцу (*Mēnū, Mēness*), о свадьбѣ дочери Солнца (*Saules meita, Aušrine*) и сына бога (*Dieva dēls — Auseklis* — планета Венера, или въ ея удвоенномъ явленіи: Утренняя и Вечерняя звѣзда; сыны бога, *Dievo sunelei, Dieva dēli*). Тамъ сердится Перкунъ (или Солнце = *Saule*) на Мѣсяцъ и разсѣкаетъ его мечемъ; на свадьбѣ Утренней звѣзды онъ выѣзжаетъ верхомъ изъ воротъ и разбиваетъ дубъ, такъ что кровь его (дуба) забрызгиваетъ дочь Солнца (*Sāules dukrīte, Saules meita*), и послѣдняя должна три года собирать разбросанные листья своего вѣнка. На чужбинѣ блуждающая сирота спрашиваетъ богиню земли (*Žemyna, dim. Žemynēle; Zemes māte*), гдѣ ей посадить розу — бобъ, и богиня говоритъ ей. По вѣтвямъ этой розы — боба сирота, ища отца и мать, пробирается вверхъ до неба и видитъ сына бога, какъ онъ сѣдлаетъ коня. У него она узнаетъ, гдѣ ея родители. Послѣдніе находятся на свадьбѣ или дочери Солнца, или своей собственной незамужней, умершей дочери, или своего собственного неженатаго, ушершаго сына. Лайма, богиня судьбы, зоветъ и кричитъ громко, чтобы обратить вниманіе на утонувшаго. Кромѣ бога (*Dievas, Dievs*) являются на сценѣ какъ Утренняя — Вечерняя звѣзда (*Aušrine-Vakarine, Auseklis*), такъ и другія звѣзды, между ними и Семизвѣздіе, и всѣ эти миѳическія существа представляются дѣйствующими. „И это не мертвыя, отвлеченныя понятія, сохранившіяся только въ языкѣ, гдѣ, напр., въ обыденной жизни, именемъ Перкуна (*Perkunas, Perkons*) обозначаютъ громъ, а это дѣйствитель-

¹⁾ Ness. стр. XIII.

ныя мифологическія лица¹⁾. Какъ и В. Мангардтъ думаетъ, преимущественно имя Dieva dēls (сынъ бога), которое, со временъ принятія христіанства, принадлежало исключительно Спасителю, и должно было считаться богохульствомъ, если бы кто-нибудь сталъ обозначать этимъ именемъ другое понятіе, а именно явленія природы, какъ это было до введенія христіанства, — а это доказываетъ, кромѣ всѣхъ прочихъ мифическихъ олицетвореній, ихъ глубокую древность. Это слово (Dieva dēls) могло въ своемъ мифологическомъ смыслѣ сохраняться только вслѣдствіе устойчивости древнѣйшаго традиціоннаго оборота словъ, имѣющаго что-то достопочтенное²⁾. Разсмотримъ ниже отдѣльные сюда относящіеся параллельные тексты.

1. Свадьба дочери Солнца.

Этотъ параллельный текстъ и его варианты содержатъ особенный древній мифъ. Aušrine (sc. žvaigžde, Утренняя звѣзда) или Saules meita (дочь Солнца) вышла замужъ за Мѣсяцъ; или Auseklis женился на дочери Солнца. Перкунъ поѣхалъ сватомъ или дружкой (paņākstōs). Въѣзжая въ ворота, онъ разбиваетъ зеленый или золотой дубъ, обрызгиваетъ кровью дуба платье дочери Солнца, или коричневый кафтанъ (brūnus svārkus) юноши; или онъ (Перкунъ) разбиваетъ яблоню (лат. вариантъ), при уборкѣ яблоковъ съ которой Солнце плачетъ три года. Или: дочь Солнца или само Солнце плачетъ, подбирая золотые вѣтки разбитого дуба. Верхушку дуба она ищетъ долго (три года) напрасно, пока она не находитъ ее на четвертомъ году. По совѣту матери (см. лит. текстъ), Мари (лат. текстъ), Лаймы (i. var.), Перкуна (var. W. M. 72) и другихъ вымываютъ платье (или кафтанъ или платочекъ) или въ озерѣ, въ которое текутъ девять рѣкъ (лит. т.), или въ рѣкѣ, куда текутъ девять струекъ (лат. т.), или въ рѣкѣ, имѣющей девять устьевъ etc.; платье высушиваютъ или въ саду, гдѣ растутъ девять розъ (лит. т. и лат. var. Ulm. 195, № 16), или гдѣ свѣтятъ девять Солницъ, или на ясенѣ, имѣющемъ девять отростковъ (i. v.),

или, наконецъ, на яблонѣ, на которой девять вѣтвей (var. W. M. 72); выкатываютъ платье на каткѣ съ девятью вальками (i. var.; Ulm. стр. 195, № 16; W. M. 72); платье должно носить въ тотъ день, когда на небѣ свѣтятъ девять Солницъ (лит. т. и лат. варианты: W. M. 72; Ulm. стр. 195, № 16); наконецъ, платье должно хранить въ кладовой (лат. т.), или въ липовомъ сундукѣ съ девятью замками (i. var.), или въ такомъ сундукѣ, въ которомъ девять золотыхъ замковъ (Ulm. ib.).

Вотъ одинъ изъ мифовъ о Солницѣ, который уже В. Мангардтъ старался объяснить въ его подробностяхъ. — Вечеромъ, когда дочь Солнца выходитъ замужъ за Мѣсяцъ, или съ Утреннею звѣздой (въ лат. языкѣ Auseklis муж. р.) входитъ въ спальню новобрачныхъ, изъ которой утромъ они выходятъ блестящими, разбиваетъ Перкунъ золотой (зеленый) дубъ или яблонь, стоящіе передъ воротами (ночного неба). Дубъ и яблонь являются и здѣсь, какъ доказываетъ В. Мангардтъ¹⁾, представителями солнечнаго древа. Солнечное древо является разбитымъ, когда солнце закатывается за горизонтъ. Только нѣсколько лучей — оторванныя вѣтки, блуждаютъ по небу — покрывалу, которое въ вечерней зарѣ окрашивается кровью разбитого дуба. Дочь Солнца — заря подбираетъ отдѣльные золотые листья и вѣтви, и небо начинаетъ темнѣть. — Что разбитіе дуба происходитъ не утромъ, какъ это по нѣкоторымъ пѣснямъ могло бы казаться, а вечеромъ, — это доказывается скорбью, плачемъ дочери Солнца (или самого Солнца). Кажется, что въ этихъ пѣсняхъ — какъ это часто встрѣчается и въ другихъ пѣсняхъ — сумерки и разсвѣтъ, слѣдовательно, и вечерняя и утренняя заря представлены какъ одно нераздѣльное явленіе, такъ что утренняя заря является покрываломъ, еще накануне, вечеромъ, обрызганнымъ кровью древа²⁾. Это обгренное покрывало или это обрызганное кровью платье и этотъ кафтанъ моетъ, сушитъ etc. дочь Солнца, какъ это уже выше описано. Число девять выражаетъ, какъ это и Мангардтъ предполагаетъ, какое-нибудь отношеніе къ теченію солнца. Онъ говоритъ: „Можемъ ли мы допустить

1) Ib.

2) См. Lettische Sonnenmythen стр. 87.

1) Ib. стр. 103 сл. и стр. 226.

2) Ib. стр. 232.

гипотезу, что въ глубочайшей древности день и ночь дѣлились на 9 частей, къ какому различенію времени человѣкъ могъ прійти естественнымъ образомъ, дѣля день на три части: утро, полдень, вечеръ, а по аналогіи съ этимъ — и ночь? Или число девять въ нашихъ пѣсняхъ ничто иное, какъ *ἕξοχῆν* священное число безъ особеннаго отношенія къ природѣ? ¹⁾“

Это число девять мы будемъ встрѣчать еще часто. Реза говоритъ о немъ въ своихъ замѣчаніяхъ ²⁾: „Число девять является въ лит. нар. пѣсняхъ характеристическимъ опредѣленіемъ времени. Раздѣленіе на 7 дней и на недѣли вовсе не встрѣчается. Въ этомъ отношеніи латышская мифологія сходится съ скандинавскою. Въ Эддѣ число девять также преобладаетъ, какъ и здѣсь. Такъ говоритъ Voluspa въ самомъ началѣ своихъ мудрыхъ изреченій: *Neun Welten weiss ich und neun Räume*. См. Fr. Majer, *Mythol. Lieder der Skandinavier* стр. 105 ³⁾. Такъ говоритъ Vafthrudner (стр. 149): *Von den Runen der Riesen kann ich wahres sagen: ich kam in neun Lande bis vor Nifthel unten, wo durch Hell die Männer sterben* ⁴⁾. — И въ новѣйшей Эддѣ гласитъ въ *Gylfe-ginning-f*, *Dämesaga* 21: *Niord und Skade kamen überein, dass sie neun Nächte in den Gebirgen seyn wollten. Dann sang Niord: Lang dauern die neun Nächte, nichts höre ich, als das Heulen der Wölfe. — Heimdallur* говоритъ (стр. 29):

*Neun Jungfrauen hab' ich zu Müttern,
Neun Schwestern sind sie, deren Sohn ich bin.*

1) Ib. стр. 233.

2) Rh. стр. 321 и 322.

3) Справ. Die Edda. Deutsch von Wilhelm Jordan. Frankfurt a. M. 1889. стр. 17:

*Neun Weltkreise waren,
Neun Wölbungen droben.*

4) Ib. стр. 55:

*Aus den Runen der Riesen
Und des Reiches der Götter
Kann ich Sicheres sagen,
Dieweil ich durchwandert
Jegliche Welt.
Deren neune besucht' ich
Bis Nifelheim nieder,
Wo zur Hel
Die Helden sterben.*

Это соотвѣтствіе отнюдь не случайное, а указываетъ на прежнее сношеніе скандинавовъ съ латышскими народностями. — Еще донынѣ число девять сохранилось въ поговоркахъ, напр.: *Devyni Gudai viena avina pjauja*, девять готтовъ или гудовъ (т. е. поляковъ) убиваютъ одного барана: *Kad tav devyni vilkai* — а чтобъ тебя девять волковъ!“ Эти лит. пословицы имѣютъ и лат. соотвѣтствія, о которыхъ мы будемъ подробно говорить во II части. — „Только въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ литовско-латышскихъ пѣсняхъ встрѣчается *pedele* и *nedeldiena* въ качествѣ наименованія недѣли и воскресенья“ ¹⁾.

Хотя соотвѣтствія, вообще, предполагаютъ, что въ извѣстное время латыши и литовцы обмѣнивались готовыми пѣснями, все-таки это сомнительно касательно приведеннаго параллельнаго текста, потому что онъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ имѣетъ различный размѣръ. Эта народная пѣсня, повидимому, есть произведеніе латышской почвы; ибо многіе варианты показываютъ время, когда въ латышской области замѣчался еще въ живомъ, текущемъ движеніи кругъ мыслей, подобный литовской солнечной мифологіи. Нѣсколько до насъ дошедшихъ пѣсенъ представляютъ, можетъ быть, передѣлку или измѣненіе еще болѣе древнихъ пѣсенъ. В. Мангардтъ, сравнивая лат. пѣсни (о свадьбѣ Мѣсяца, Утренней звѣзды — *Auseklis* съ дочерью Солнца) съ литовскими (о свадьбѣ Солнца съ Мѣсяцемъ, о любовныхъ похожденияхъ послѣдняго съ Утреннею звѣздою — *Morgensternnymph*, № 4, и о свадьбѣ Аушрины, № 1) доходитъ до результата, что эта дайна (№ 1) позаимствованіе (*Uebertragung*) съ латышскаго на литовскій языкъ. Онъ говоритъ: „Здѣсь“ — т. е. въ литовскомъ языкѣ — „названія вечерней и утренней звѣзды женскаго рода (*Vakarine*, *Aušrine* abendlicher, morgenlicher, sc. *žvaigžde*, Stern); потому онѣ не подходятъ подъ жениховъ дочери Солнца, поэтому-то Мѣсяцъ любезничаетъ, съ одной стороны, съ самимъ Солнцемъ, съ другой стороны, съ нимфою Утренней звѣзды — *Morgensternnymph* (см. лит. текстъ, № 4). Также въ 78 (т. е. здѣсь № 1 лит. текста) Утренняя звѣзда является невѣстою, и, такимъ обра-

1) Rh. стр. 321.

зомъ, встрѣчающаяся въ той же самой пѣснѣ дочь Солнца, подбирающая вѣтви, перестаетъ быть тождественною съ ней. Это обстоятельство убѣждаетъ меня въ томъ, что эта пѣсня позаимствована изъ латышскаго языка и вслѣдствіе того подвергалась означеннымъ измѣненіямъ¹⁾.

Поучительны для насъ тоже 2-й и 3-й варианты. Вначалѣ они оба различаются отъ выше изложеннаго текста о миѣической свадьбѣ. Во 2-мъ вариантѣ выступаетъ нѣкій герой, говоря:

„Кони ржутъ, бѣсы ѣдутъ,
Журча течетъ ручеекъ;
Я стою на берегу
Съ острымъ мечемъ.
Я разсѣкъ голову бѣса
На девять частей.
У меня обрызганъ коричневый кафтанъ
Кровью бѣсовскою.
Я спросилъ сестрицу:
Гдѣ мнѣ его вымыть? — — —“

3-й вариантъ начинается словами:

„Счастье (Лайме)²⁾ отправлялось въ храмъ,
Меня съ собой пригласило.
Счастье опоясывалось золотымъ поясомъ,
А мнѣ вручило серебряный.
Такъ сказало оно, подавая его мнѣ:
Носи, дѣвица, съ честію!
Залилась я горячими слезами,
Когда услышала эти слова.
Обо-что мнѣ утереть
Свои горячія слезы?
Подаетъ мнѣ само счастье
Свой шелковый платочекъ.
Гдѣ мнѣ вымыть его,
Счастьемъ данный платочекъ?
Само счастье указало
Золотую рѣченьку въ долинѣ. — — —“

1) Справ. его Lett. Sonnenmythen стр. 298.

2) Лайме (счастье) по-латышски женскаго рода, оттого и всѣ понятія, къ нему относящіяся, — рода женскаго.

Въ слѣдующихъ стихахъ этихъ вариантовъ приключается съ коричневымъ кафтаномъ героя, съ шелковымъ платочкомъ дѣвицы, *mutatis mutandis*, совершенно то же самое, что съ платьемъ дочери Солнца (см. выше). По совѣту сестры, Лаймы, кафтанъ и платочекъ моются, сушатся и т. д. при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и платье дочери Солнца (см. выше). Что слѣдуетъ изъ этого? То, что это, по всей вѣроятности, болѣе новыя произведенія, которымъ текстъ о свадьбѣ дочери Солнца служилъ образцомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ все то, что именно требуется отъ эпической поэзіи: тутъ употреблены при описаніи подобныхъ или почти одинаковыхъ обстоятельствъ тѣ же самые слова и образы, которые уже въ другомъ случаѣ получили одобреніе и всеобщее распространеніе и сдѣлались ходячими. Или мы имѣемъ здѣсь ту чрезвычайную измѣняемость (*Variabilität*) пѣсенъ, о которой Лескинъ говоритъ? — „Вовсе нерѣдко случается, что объ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ различные дни слышишь однѣ и тѣ же пѣсни въ разныхъ формахъ, съ разными начальными стихами, большими, или меньшими строфами, или съ нѣсколькими измѣненными словами. Гораздо болѣе отличій находится, конечно, у разныхъ пѣвцовъ и въ разныхъ мѣстностяхъ. Я думаю, что нѣтъ ни одной дайны съ неизмѣненнымъ текстомъ. Эта текучесть (*Flüssigkeit*) текста имѣетъ разныя причины: во-первыхъ, пѣвцамъ дѣла нѣтъ до буквальной вѣрности преданія, во-вторыхъ, въ такой лирической народной поэзіи имѣется множество стиховъ и строфъ съ незначительнымъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ, которые какъ бы носятся въ воздухѣ, вездѣ примѣняются, подходятъ ко всякому содержанію и безъ ущѣбра могутъ быть опускаемы. Далѣе, причиной измѣненія текста служить склонность, нѣкоторыя соединять пѣсни въ одну; сравненіе большихъ сборниковъ дайнь представляетъ въ этомъ отношеніи довольно примѣровъ“¹⁾. Это мнѣніе можно допустить только съ нѣкоторыми ограниченіями. Такъ, относительно миѣическихъ пѣсенъ, содержанія которыхъ народъ теперь часто болѣе не понимаетъ, не вездѣ можно допустить измѣняемость (*Variabilität*) высказанную Лескинымъ. Эти пѣсни

1) Lesk. u. Brug. стр. 4 и 5.

и не дают повода къ произвольнымъ перемѣнамъ, сообразно обстоятельствамъ, какъ это случается, напр., въ пѣсняхъ на какой-либо случай. При помощи ритма, какъ старинное достояніе, онѣ вѣрно и точно запоминаются, и передаются народомъ наизусть механически, со всѣми ихъ вариантами, которые также древни.

Хотя, напр., оба только что рассмотрѣнные варианта относительно параллельнаго текста предполагаются произведеніями позднѣйшаго происхожденія, но сами по себѣ они довольно древни. Конечно, это только герой, а не богъ, который здѣсь (2. var.) выступаетъ, какъ дѣйствующее лицо, и говоритъ со своею сестрою, но поѣздку бѣсовъ и разсѣченіе головы бѣса на девять частей теперь выдумать не имѣло бы никакого смысла. И хотя точно такъ же упоминаніе платочка (3. var.) не можетъ быть очень древнимъ, но все-таки оно можетъ простираться до среднихъ вѣковъ; между тѣмъ, какъ приношеніе бѣлаго покрывала богинѣ Лаймѣ, о чемъ въ заключеніи 3-го варианта идетъ рѣчь, относится къ языческимъ временамъ.

Что именно Перкунъ во время свадебной поѣздки разбиваетъ дубъ или яблонь у воротъ и что герой разсѣкаетъ мечемъ бѣсовъ, эти событія отражаются еще въ лит. и лат. свадебныхъ обрядахъ. Я собственными глазами наблюдалъ на свадьбахъ въ Нижней-Курляндіи, какъ одинъ изъ сватовъ, сопровождавшихъ верхомъ свадебную поѣздку, спѣшилъ впередъ, въ домъ жениха, оттуда выносилъ молодой четъ навстрѣчу кувшинъ пива (krūzu alus), потомъ разбивалъ опозноженный кувшинъ у столба воротъ, или старымъ мечемъ ударялъ въ ворота, или стрѣлялъ у воротъ изъ пистолета. Подобное тому воспоминается какъ въ литовскихъ, такъ и въ латышскихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Такъ, напр., по одной лит. дѣлѣ, сестра на своей свадебной поѣздкѣ видитъ, что ея братъ съ острымъ мечемъ приходитъ и ударяетъ въ ворота. Но она потомъ грустно замѣчаетъ: ворота онъ разсѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, а моей бѣды онъ не разсѣкъ (vargēliu ne iškirtu)¹⁾. То же самое приключеніе встрѣчается и въ латышскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, какъ-то:

1) Jušk. Sv. R. стр. 58 и 59.

Cért', cért', diever',
Zoban' krust';
Cért' skaugi pušam,
Cért' ļaun' dien' 1).

Сѣки, сѣки, деверь,
Мечемъ крестъ;
Разсѣки завистника,
Разсѣки злой день.

Дочь Солнца, о свадьбѣ которой здѣсь была рѣчь, по народному мнѣнію, очень милое, любезное существо, о чемъ свидѣтельствуется и лит. пословица, какъ: Ney Saules dukte jam ne gal itikti (Ни дочь Солнца ему не можетъ годиться).

2. Роза (v. бобъ).

Этотъ параллельный текстъ по содержанію примыкаетъ къ предыдущему (№ 1). Онъ показываетъ, именно, что случается на землѣ и надъ ней во время свадьбы дочери Солнца. Сирота обращается къ богинѣ земли, богатой цвѣтами (Žemynēle, žiedeklēle), спрашивая, гдѣ нужно посадить розу и гдѣ найти отца и мать. Богиня ей отвѣчаетъ, что розу нужно посадить (по лат. тексту золотую розу, по 1-ому и 2-ому вариантамъ, бѣлую розу, по другимъ вариантамъ, бѣлый бобъ, или, просто, розу, бобъ) на высокой горѣ, у моря, гдѣ она и найдетъ своихъ родителей. Изъ посаженной розы вырастаетъ большое розовое дерево, вѣтви котораго достигаютъ облаковъ, самаго неба. По вѣтвямъ она поднимается на небо. Тутъ она встрѣчается съ нѣжнымъ юношей на божіей лошади (лит. текстъ), или съ сыномъ божьимъ, сѣдлающимъ своего коня (лат. текстъ). Она спрашиваетъ его объ отцѣ и матери и получаетъ отвѣтъ, что ея родители за горою (въ долину) празднуютъ свадьбу сестры или дочери Солнца (по лат. тексту и по 1-ому и 2-ому вариантамъ свадьбу брата, по 4-ому и 7-ому вариантамъ свадьбу дочери Солнца). Потомъ она спѣшитъ за гору, здоровается съ родителями и спрашиваетъ ихъ, зачѣмъ они ее оставили у чужихъ людей; она одна нашла колыбель, гдѣ она радовалась, какъ дитя. — По 8-ому варианту говоритъ сынъ бога (Dieva dēls), что ея отецъ и мать находятся въ девяти комнатахъ, за девятью

1) Büttner, 715. — См. и Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 16. Bd. — 3. Heft. Dorpat, 1894. „Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern“ von A. Winter. стр. 188 и 189.

замками. По 1-ому лат. варианту она (сирота) отправляется на воронѣ, ею самою подкованномъ, какъ на ворономъ конѣ, въ Нѣмечину (Vāczemē, т. е. на западъ, за горою, въ низменность по лит. тексту) на свадьбу брата. По другой пѣснѣ¹⁾ сирота запрягла коней Солнца въ зеленые мѣдныя санки (zaļās vara kamanās) и отправилась въ Нѣмечину.

И здѣсь, какъ видно, вездѣ древній миѳическій элементъ, какъ въ параллельномъ текстѣ, такъ и во всѣхъ его вариантахъ. Этотъ текстъ, какъ доказываютъ 4-й и 5-й варианты, служить какъ бы началомъ, введеніемъ пѣсенъ о свадьбѣ дочери Солнца (см. выше № 1). Сверхъ того, конецъ этихъ вариантовъ очень интересенъ. Тамъ рѣчь идетъ, именно, о томъ, что само Солнце везетъ приданое дочери, раздаетъ всѣмъ верхушкамъ деревъ жертвенные подарки: дубу оно даетъ пестрые перчатки, липѣ зеленое покрывало (villaine), маленькой ивушкѣ (mazajam kārklīnam) золоченые подвязки (см. 5. var.). Этотъ намекъ намъ указываетъ на древній свадебный обрядъ, который и теперь примѣняется латышами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, т. е., и по настоящее время въ нѣкоторыхъ латышскихъ мѣстностяхъ невѣста раздаетъ гостямъ и родственникамъ на свадьбѣ жертвенные подарки (veltes)²⁾.

В. Мангардтъ справедливо узнаетъ въ розѣ (и въ бобѣ) то же самое древо Солнца, которое мы уже встрѣтили выше, въ № 1, въ видѣ дуба и яблони. Онъ говоритъ: „Представленіе солнца яблокомъ точно такъ же прозрачно какъ и представленіе солнца розою, къ чему ясный поводъ далъ розовый цвѣтъ утренней зари, у которой еще Гомеръ заимствуетъ образъ Эоса съ розовыми перстами, имѣющаго розы (первые вѣровидные лучи солнца) въ своихъ перстахъ“³⁾. Садъ же, въ которомъ растутъ девять розочекъ (№ 1, лит. текстъ), золотой розовый садъ (Ulm. стр. 187, № 13), девять розъ (ib. стр. 196, № 16), на которыхъ дочь Солнца сушитъ свое платье, соотвѣтствуютъ яблонѣ съ девятью вѣтвями

1) Брив. 43.

2) Справ. Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern von A. Winter стр. 216 и 201. — Справ. W. Mannhardt, Lett. Sonnenmythen стр. 219.

3) Ibid. стр. 222.

(W. M. 72), дубу съ девятью верхушками (№ 1, 2. var.), ясеню съ девятью отростками (ib. 1. var.) и золотому шесту въ саду (ib. 1. var.) и означаютъ лучи солнца, на которыхъ вверху красуется короной цвѣтъ солнечнаго шара. Въ № 1 (лат. текста) упоминается о солнцѣ въ видѣ девяти солнцъ. Изъ этой розы, т. е. солнца, произошелъ какъ золотой розовый садъ, такъ и до неба выросшій розантъ, или роза (лат. т. и 1-й, 2-й, 3-й и 4-й варианты) или бѣлый бобъ (5-й, 6-й, 7-й и 8-й варианты).

Что солнце съ его лучами часто представляютъ въ видѣ вѣтвистаго дерева, это Мангардтъ потомъ подтверждаетъ нѣкоторыми цитатами¹⁾. То же самое представленіе содержитъ малорусская загадка: „стоитъ дерево середь села, а въ каждой хатцѣ по гиляци (солнце на небѣ, а свѣтъ его въ избахъ)“²⁾. То же самое мы видимъ и въ литовской загадкѣ, которая называетъ заходящее солнце кривою липою (kūprà lėpa)³⁾, и въ норвежской, которая называетъ солнце деревомъ, вѣтви котораго блестятъ, какъ золото. Эти загадки объясняютъ англійское выраженіе sun-beam (солнечный лучъ), которому соотвѣтствуетъ и нидерландское заклинаніе, гдѣ тоже воспоминается „Zonnen boom“. В. Мангардтъ и въ старосѣверномъ sól-gran (солнечная пылинка), которое онъ называетъ солнечною сосною (Sonnenfichte), находитъ упоминаніе древа Солнца.

Если бы явилось еще какое-нибудь сомнѣніе относительно древа Солнца, то его устраняетъ слѣдующее сказаніе браминовъ: „Очень любимый царь Visramaagса подумалъ однажды о краткости жизни и по этому поводу очень печалился, пока братъ его въ утѣшеніе не далъ ему слѣдующій совѣтъ. — Въ серединѣ міра находится дерево Udetaba, древо Солнца, которое при восходѣ солнца вырастаетъ изъ земли, по мѣрѣ того, какъ солнце поднимается, и дерево возвышается и достигаетъ своею верхушкою солнца въ самый полдень. Потомъ оно (дерево), вмѣстѣ съ днемъ, уменьшается и при закатѣ солнца направляется въ землю. Садись при разсвѣтѣ на это дерево; оно, вырастая вверхъ, подниметъ

1) Ibid. стр. 223.

2) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. А. Афанасьева. Т. I. Москва 1865, стр. 517, зам. 2.

3) Schl. стр. 64.

тебя до Солнца, и проси у Солнца, чтобы оно тебе даровало болѣе продолжительную жизнь, чѣмъ другимъ людямъ. Царь послѣдовалъ этому совѣту и получилъ двухтысячилѣтнюю жизнь, полную силы и здоровья“¹⁾).

Здѣсь, въ нашемъ параллельномъ текстѣ и его вариантахъ, мы имѣемъ не только дерево, вырастающее до неба, но и сказаніе о человѣкѣ, поднимающемся по немъ вверхъ²⁾. Я согласенъ съ выводомъ В. Мангардта, который говоритъ: „Итакъ, мы находимся въ кругу сказаній, имѣющихъ своихъ представителей во всѣхъ частяхъ свѣта“. Е. Tylor, обратившій въ своей книгѣ „Urgeschichte der Menschheit“ (стр. 440 до 450) вниманіе на это сказаніе, далъ ему по туземной представителю, англійской сказкѣ, названіе Jack and the beanstalk (Иванъ съ бобовымъ стеблемъ).

Итакъ, этому кругу сказаній соотвѣтствуетъ въ нашемъ параллельномъ текстѣ заключающійся мифъ о розѣ, посаженной на бѣлой песчаной горѣ (1-й, 2-й и 4-й вар.), или бобъ (7. var.), растущій въ видѣ дерева до неба, по которому говорящая [или говорящій]³⁾ поднимается вверхъ до неба. Это дочь Солнца, утренняя заря, сѣющая на бѣловатомъ утреннемъ небѣ розу или бѣлый бобъ (подъ покровомъ утренней зари надъ восточнымъ горизонтомъ восходящее солнце). И по растущему древу Солнца она (дочь Солнца) влѣзаетъ до полуденной высоты. Тутъ она уже издали видитъ сына божія (вечернюю звѣзду, Auseklis), сѣдлающего своего коня. Сынъ божій отсылаетъ ее въ низменность или за гору⁴⁾. Съ заходящимъ солнцемъ она спускается внизъ и находитъ вечеромъ (въ видѣ вечерней зари) снова мѣсто своего дѣт-

1) Lett. Sonnenmythen стр. 224.

2) Существуетъ и латышская сказка, по которой бѣдный хозяинъ, имѣющій только одинъ бобъ, сажаетъ его, и бобъ этотъ вырастаетъ до неба. Хозяинъ взбирается по его вѣтвямъ на небо, получаетъ тамъ у бога мельницу, которая мелетъ ему деньги.

3) По нѣкоторымъ лат. загадкамъ имѣетъ восходящее солнце какъ Dieva dēls (сынъ божій) муж. родъ. Ne gībaja, ne dimdeja - še atbrauca Dieva dēls (Не гремяло, не звучало — вотъ приѣхалъ божій сынъ. Солнце восходитъ). См. Брив. Труды этнографическаго отдѣла. Книга VI. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. Москва 1881 № 1060. — Справ. R. кр. 7. № 995.

4) Точно такъ же Иванъ съ бобовымъ стеблемъ вверхъ узнаетъ о своемъ отцѣ.

ства, домъ отца; но отецъ и мать празднуютъ утромъ рано свадьбу ея сестры (или брата), или свадьбу дочери Солнца (или свадьбу сына божія). Нѣтъ существеннаго различія, если подъ розовымъ деревомъ понимать вечернюю зарю, по которой сумракъ влѣзаетъ вверхъ, чтобы вверхъ найти сына божія и мѣсто своей родины. Въ этомъ случаѣ образъ дерева получается не изъ самаго созерцанія, но изъ аналогіи представленія о древѣ Солнца. Это обстоятельство, можетъ быть, явствуетъ уже выше изъ разбитаго дуба [или яблони]¹⁾. Въ сиротѣ, поднимающейся по розѣ вверхъ, Мангардтъ видитъ опять - таки дочь Солнца. Она является здѣсь какъ вечерняя заря, отличаясь отъ своей сестры, дочери Солнца, свадьбу которой, какъ утренней зари, празднуютъ отецъ и мать. Мангардтъ говоритъ:

„Особый кругъ мифическихъ представленій, въ которыхъ дочь Солнца играетъ роль, опираясь первоначально на народной аксіомѣ, что Солнце вечеромъ находитъ смерть, тонетъ въ волнахъ и т. д. Тогда, естественно, должна была оставшаяся дочь Солнца, заря, сдѣлаться сиротою“. Потомъ, подтвердивъ свое мнѣніе нѣкоторыми цитатами изъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ, онъ продолжаетъ: „И 84“ (это здѣсь литовскій текстъ съ вариантами) относится, какъ похожій, сюда, гдѣ дочь Солнца означаетъ брошенною у чужихъ людей. Но это случилось по аналогіи пѣсенъ, каковы прежнія, ибо родители представлены еще живыми. Они празднуютъ на далекомъ западѣ свадьбу ея сестры (дочери Солнца, зари слѣдующаго дня). А по 8 (U. 157) кажется, что сиротка сама дочь Солнца (вечерняя заря), которая здѣсь, послѣ смерти своей матери, представляется обрученною съ сыномъ божьимъ“²⁾).

Итакъ, тотъ же самый древнѣйшій мифическій элементъ замѣчается, какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ текстахъ. Тамъ встрѣчаются только очень незначительныя различія. Такъ, напр., литовскій текстъ упоминаетъ въ началѣ богиню земли (Žemynėle), а въ латышскомъ — этого нѣтъ. Но подобная богиня, Zemes māte, если ее сопоставить съ санскр. Prthivī mātā, греч. Δημήτηρ (= γη - μήτηρ?), упоми-

1) Справ. W. Mannhardt, Die lett. Sonnenmythen стр. 231.

2) Ibid. стр. 302 и 303.

нается и въ лат. нар. пѣсняхъ, какъ это уже выше, въ текстахъ, замѣчено. Съ другой стороны, встрѣчающійся въ лат. текстѣ Dieva dēls не находится въ соотвѣтствующемъ литовскомъ, гдѣ онъ называется лишь нѣжнымъ юношею (jaunas bernytis); но Dievo sunūs [Dievo sunėlei] ¹⁾ встрѣчается и въ литовскихъ дайнахъ. Другія, болѣе формальныя отличія, заключаются въ особенностяхъ языка. Этотъ паралл. текстъ имѣетъ и различный размѣръ. Лат. текстъ показываетъ вездѣ трохеи, а лит. попеременно трохеи и ямбы. Изъ одинаковаго содержанія и различной формы этихъ пѣсенъ мы можемъ заключить, что ихъ поэтическая обработка одного и того же мифическаго предмета, какъ на литовской, такъ и на латышской сторонѣ была самостоятельна и, слѣдовательно, здѣсь о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Весьма поучительны для насъ въ этомъ отношеніи латышскіе варианты. Въ нихъ мы находимъ, съ одной стороны, большее разнообразіе содержанія, съ другой стороны, подтверждается мнѣніе, высказанное нами выше, что многія лит. и лат. народныя пѣсни произведены по почти неизмѣннымъ, въ свое время обще-извѣстнымъ образцамъ эпическаго стихосложенія. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь, въ 6-омъ вариантѣ, ту же самую повторяющуюся, эпическую повѣствовательную форму, которую мы уже видѣли въ № 1. И этотъ 6-й вариантъ, какъ и 2-й вар. въ № 1, относится сюда болѣе по формѣ, чѣмъ по содержанію. Здѣсь мы видимъ почти одинъ и тотъ же приемъ въ передачѣ извѣстнаго предмета, между тѣмъ какъ по содержанію эти оба варианта представляютъ отрывокъ годового, именно, весенняго мифа.

Такъ какъ событія годового мифа почти одни и тѣ же, какъ и въ дневномъ мифѣ, то по эпическому приему въ пѣсняхъ придерживались почти той же повѣствовательной формы. 6-й вариантъ, примыкая къ дневному мифу, начинается даже воспѣваніемъ древа Солнца (здѣсь balta rūpa, бѣлый бобъ), по которому взлѣзаетъ вверхъ (по обоимъ вариантамъ) герой, разсѣкающій зимнихъ бѣсовъ (по № 1 velns, по 2-ому вар. jodu-, velna-māte) на девять частей. Бѣсовскою кровью обрызганный коричневый кафтанъ Солнца-героя подлежить,

1) Schl. стр. 12. Rh. 48. Ness. 5.

конечно, той же самой процедурѣ, какъ выше, платье дочери Солнца. Такъ какъ здѣсь встрѣчаются тѣ же самыя обстоятельства, то они описываются тѣми же выраженіями. Точно такъ, какъ по Ригъ-Ведѣ (Rg-Veda) Indra или Brihaspati убиваетъ Valā (бѣса), запирающаго коровъ (облака); какъ по Эддѣ Thōrr своимъ молотомъ убиваетъ зимняго великана (Thrym den Thursen) и всю исполинскую породу ¹⁾, — такимъ же образомъ разсѣкаетъ и здѣсь нѣкій герой ²⁾ голову бѣса (velns) на девять частей (№ 1, 2. var.), или онъ разсѣкаетъ мать бѣса (Jodu — Velna māte) на девять частей (№ 2, 6. var.). Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ символически представляется въ мифической формѣ начало весны. И санскр. Valā, кажется, этимологически совпадаетъ съ лит.-лат. Vel-na-s. Въ лат. vel-n-s, лит. vél-na-s (vél-i-na-s) виденъ тотъ же самый корень val, восходящій въ санскр. valā въ vṛ, var (обнимать, тѣсно включать). Въ Эддѣ (въ Völu-Spā) встрѣчаемая пророчица Vala (и древне-нѣмецкая вѣщунья Velēda), можетъ быть, относится тоже сюда. По крайней мѣрѣ, она сходна особенно съ лат. Vela-māte ³⁾ (мать или богиня отшедшихъ душъ, лат. vēl, лит. véles, sing. лат. velis, лит. véle). Такъ и Wal-purga || Wal-purgis значить собственно замокъ мертвыхъ, такъ же Wal-halla, сѣвер. Val-höll (замокъ, залъ убитыхъ, мертвыхъ), такъ что какъ въ этихъ, такъ и еще въ другихъ сложныхъ словахъ древне-сѣвернаго языка встрѣчаемое val, повидимому, сходится съ литовско-лат. vel (val). Лат. jodī соотвѣтствуютъ великанамъ (Joten) въ Эддѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь они представляются исполинами, властью тьмы, мрака. Аѳанасьевъ ⁴⁾ видитъ и въ русск. Волосѣ || Велесѣ санскр. корень vṛ, var.; но онъ не объясняетъ буквы с въ словѣ Волосѣ || Велесѣ.

1) См. Die Edda. Deutsch von W. Jordan. стр. 99.

2) По лат. сказкамъ это — Перкунъ, преслѣдующій бѣсовъ (Velns, Velna-māte, или: Jodī, Jodu-māte). По Мангардту (Lett. Sonn. стр. 317) преслѣдуетъ и разбиваетъ Перкунъ йодовъ (jodī, т. е. черныхъ, чертей, собственно говоря, бѣсовъ темноты облаковъ и, можетъ быть, и ночи).

3) Спр. стр. 217 и сл. стр.

4) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Томъ первый. Москва 1865. Стр. 694.

Въ нѣкоторыхъ литовско-латышскихъ, также и въ другихъ индо-европейскихъ сказаніяхъ (напр., въ греч. сказаніи о Тезеѣ), упоминается о чудовищѣ (нѣкоторыя лат. сказанія и сказки именуютъ его прямо *velns*), лишаящемъ или угрожающемъ лишить землю воды, если ежегодно не будутъ приносить ему въ жертву одного человѣка. Это насиліе чудовище совершаетъ до того времени, пока не является герой и не побѣждаетъ его. Здѣсь тотъ же самый миѳъ, о которомъ мы только что говорили, но выраженный уже въ формѣ сказки.

3. Солнце, заботящееся о сиротахъ.

Этотъ паралл. текстъ не содержитъ болѣе такого сравнительно полного соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ дайнъ, какъ прежніе, но имѣетъ лишь очень близкое родство представлений. Можетъ быть, что нѣкоторыя изъ этихъ произведеній передѣлки и сокращенія болѣе древнихъ. Мы пришли къ этому выводу на основаніи трехъ лат. вариантовъ. По нимъ можно замѣтить, что теперешняя форма этихъ пѣсенокъ не первоначальная. Такъ, 1-й и 2-й лат. варианты являются, безъ сомнѣнія, въ видѣ сокращеній болѣе полныхъ произведеній. Они представляютъ, конечно, простыя жанровыя картинки, но если ихъ сравнить съ лит. и лат. текстами, то они оказываются первичными остатками болѣе древнихъ пѣсенъ, каковыми здѣсь является лат. текстъ, имѣющий, съ одной стороны, болѣе объемъ, съ другой — болѣе соотвѣтствіе со своимъ лит. двойникомъ. Какъ первообразное явленіе новѣйшаго времени представляется намъ 2-й лат. вариантъ. Его обѣ первыя строфы, повидимому, сложились во время крѣпостного состоянія латышей. Здѣсь рѣчь идетъ о служащихъ строгимъ барамъ (*Bārgu kungu klausitaj*). 3-я строфа содержитъ древній миѳическій элементъ. Здѣсь упоминается золотая лодочка (*zelta laivīņa*), въ которую вечеромъ поздно садится Солнце и, вставая утромъ рано, оставляетъ ее качающеюся.

Кромѣ того, въ лат. нар. пѣсняхъ еще воспѣвается лодка Солнца. Солнце ѣдетъ и въ золотой лодкѣ по воздушному морю, ночью она утопаетъ въ морѣ, Солнце плачетъ, вотъ *Dievs* (богъ) сдѣлаетъ другую

No zelta, no vara, no sudrabiņa¹⁾
(Золотую, мѣдную, серебряную)

лодочку. Солнечный шаръ представляетъ эту лодку, на которой Солнце ѣдетъ по воздушному морю. Гераклитъ и Гекатей называли солнце ладьеобразнымъ²⁾. Нѣсколько иное представленіе господствуетъ въ нашемъ приведенномъ выше вариантѣ, въ 3-ей строфѣ. — По этому варианту Солнце лишь вечеромъ падаетъ въ золотую лодочку, на которой оно ночью переѣзжаетъ чрезъ небесный океанъ, съ мѣста своего заката до мѣста восхода. Тамъ оно оставляетъ свою лодочку, которая остается позади, качаясь (*līgojot*) на волнахъ. Или она представляется невидимкою, такъ какъ закатъ солнца принимается утопаніемъ въ морѣ, или Солнце совершаетъ свою ночную поѣздку на „лодкѣ луны“. То же самое надо сказать о лодкѣ, на которой сыны бога (*Dieva dēli*) спасаютъ душу или жизнь Солнца³⁾.

Какъ въ другомъ мѣстѣ небесный сводъ представляется горою⁴⁾, такъ здѣсь онъ представленъ въ видѣ моря. И такое представленіе мы находимъ не только у латышей, но и у индійцевъ, грековъ и египтянъ. Въ Ведахъ служатъ, какъ извѣстно, слова *āṇa*, *sā-gara*, *sam-udrā* названіями воздушнаго и облачнаго моря⁵⁾. И на своихъ золотыхъ лодкахъ (вѣроятно, на солнечныхъ лучахъ) переѣзжаетъ *Puṣān* (богъ солнца, которому, повидимому, соотвѣтствуетъ латышскій *Puṣ-k-aitis*, богъ весны), какъ вѣстникъ бога *Sūrya* (солнца) чрезъ небесный океанъ⁶⁾. И по древне-греческимъ миѳамъ о солнцѣ, изъ которыхъ Мимнермъ [въ 630 г.]⁷⁾ сохранилъ одинъ, ѣдетъ спящій Гелиосъ ночью, въ золотой лодкѣ, отъ земли Гесперидовъ до земли Эѳіоповъ, гдѣ восходитъ Эосъ:

1) Брив. 74.

2) Stob. ecl. phys. I. 26, 1. У В. Мангардта Lett. Sonnenmythen стр. 102.

3) Спр. стр. 312. Bütn. 18.

4) Спр. стр. 299 и 300.

5) Kuhn, Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung I. стр. 455.

6) Muir, original Sanscrit texts V. 157, 179. — W. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 98.

7) Athenäus XI (C.) 469 sq. — W. Mannhardt, ibid. стр. 102 и 103.

Τὸν μὲν γὰρ διὰ κύμα φέρει πολυήρατος εὐνή
 Κόϊλη, Ἥφαίστου χερσὶν ἐληλαμένη
 Χρυσοῦ τιμήεντος, ὑπόπτερος ἄκρον ἔφ' ὕδωρ
 Εὐδονδ' ἀρπαλέως, χώρου ἄφ' Ἑσπερίδων
 Γαίαν ἐς Ἀιθιόπων, ἵνα οἱ θοδὸν ἄρμα καὶ ἵπποι
 Ἑστᾶσ', ὅφρ' Ἡὼς ἡριγένεια μόλῃ¹⁾.

У Стесихора (въ 611 г. до Рождества Христова) мы находимъ, какъ кажется, образъ лодки, въ которую садится Солнце; и этотъ образъ соединенъ въ новое цѣлое съ другимъ представлениемъ солнечнаго шара, какъ сосуда для свѣтового напитка.

Ἀέλιος δ' Ὑπεριονίδας δέπας ἐσκατέβαινε
 Χρύσειον, ὅφρα δι' Ὠκεανοῖο περάσας
 Ἀφίκοιθ' ἱεράς ποτὶ βένθεα νυκτὸς ἐρεμνᾶς
 Ποτὶ ματέρα κουριδίαν τ' ἄλοχον
 Παῖδας τε φίλους.

По преданіямъ мифовъ о Геркулесѣ послѣдній во время своего шествія въ Эриѳею беретъ у Геліоса золотую лодку, и переправляется черезъ океанъ. У Пейсандра изъ Камейра называется эта лодка *δέπας*, Πανυασίς называетъ ее *Ἥλιου φιάλη*²⁾. И это наименованіе напоминаетъ о золотой кружкѣ (*zelta kanna*), которую дочь Солнца моетъ въ источникѣ³⁾.

Египтяне, наконецъ, представляли солнце въ видѣ лодки. Горусъ (Горъ, Гаръ), богъ солнца, какъ видно изъ изображеній на памятникахъ, править солнечною лодкою⁴⁾. Итакъ, у всѣхъ этихъ народовъ мы находимъ солнечную лодку, о которой упоминается здѣсь въ нашемъ текстѣ и еще въ другихъ многихъ лат. народныхъ пѣсняхъ.

Послѣдняя строфа 2-го лат. варианта есть только небольшое измѣненіе нашего текста.

При ближайшемъ разсмотрѣніи содержаніе этого параллельнаго текста оказывается молитвою, гимномъ, въ кото-

1) Athenäus въ другомъ мѣстѣ. Ср. Schwartz, Sonne, Mond und Sterne. стр. 23.

2) Athen. XI 38, 39. Ср. W. Mannhardt ibid.

3) Спр. стр. 316, 4.

4) Parthey, Plutarch über Isis und Osiris стр. 192. Ср. W. Mannhardt ib.

ромъ воспѣвается Солнышко (*Saulyte, Saulite, dim.*). Разу-мѣется, что божество, оживляющее всю природу, страстно ожидается и, слѣдовательно, даже при его раннемъ восходѣ этотъ восходъ солнца не можетъ казаться ожидающему раннимъ. Это выражается въ разсматриваемой пѣснѣ. Кто-то спрашиваетъ ее, — дочь бога (*Dievo dukrýte*), гдѣ она была такъ долго. Богиня отвѣчаетъ, что она была за моремъ, за горою, чтобы согрѣвать сиротъ и пастуховъ.

В. Мангардтъ того мнѣнія, что подъ этими сиротами подразумѣваются не одни земные сироты, но и звѣзды, которыя тогда, когда солнце невидно, представлялись въ воображеніи литовцевъ и латышей покинутыми матерью, въ метафорическомъ выраженіи — сиротами. По другому представленію, сироты бѣгутъ за уходящей, но не могутъ догнать ее¹⁾. Какъ только Солнце заходитъ, слѣшать за нимъ въ тѣни (ночи) сто покинутыхъ имъ сиротъ-звѣздочекъ²⁾. Маря топить для нихъ баню [вечерняя заря]³⁾. На своемъ бѣгу онѣ занимаютъ гору, на которой цвѣтъ Солнца (роза, см. выше № 2) цвѣла⁴⁾. Созданный образъ мифическихъ сиротъ примѣнялся часто къ земнымъ сиротамъ, тѣмъ болѣе, что человѣкъ любилъ сопоставлять оживляющія дѣйствія солнечнаго сіянія и солнечной теплоты съ пріятными чувствами, которыя обыкновенно испытываетъ дитя вблизи любящей матери⁵⁾. Что звѣзды представляются дѣтьми Солнца, это мы еще увидимъ ниже въ № 4. Сироты здѣсь, которыхъ Солнце грѣетъ ночью, за горою, вѣроятно, отличаются отъ сиротъ *кат' ἐξοχήν*, зари [см. выше № 2]⁶⁾.

До этого мѣста (по которому Солнце согрѣваетъ сиротъ и пастуховъ) соотвѣтствуютъ оба текста, и здѣсь оканчивается лат. текстъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отрывковъ. Обѣ послѣднія строфы лит. дайны, гдѣ представляются *Aušgine* (Утренняя звѣзда) — *Vakarine* (Вечерняя звѣзда) служанками, указываютъ нѣкоторыми особенностями языка на

1) Ar. M. 222.

2) Ibid. 223. Ulm. 151.

3) Ulm. 152.

4) Ibid. 164.

5) Спр. стр. 309. Ulm. 150. Ср. W. Mannhardt, Lett. Sonnenmythen стр. 304.

6) W. Mannhardt, ib. стр. 303.

время, когда въ Литвѣ еще находился въ живомъ, текущемъ движеніи кругъ мыслей, соотвѣтствующій латышской солнечной мифологіи. Между тѣмъ какъ у латышей, кромѣ невѣрнаго, древняго представленія¹⁾ (что утренняя и вечерняя звѣзда двѣ разныя звѣзды) уже существовало вѣрное (что auseklis — утренняя, вечерняя звѣзда — одна и та же звѣзда), мы находимъ у литовцевъ, здѣсь и въ другомъ мѣстѣ²⁾, только первоначальное, наивное представленіе этой звѣзды въ видѣ двухъ различныхъ олицетвореній. — Утренняя звѣзда зажигаетъ для Солнца свѣтильникъ, Вечерняя — постигаетъ ему постель. Наконецъ Солнце признается:

Daug mano gimeneles, Много моихъ дѣтей,
Daug mano dovaneliu. Много моихъ даровъ.

Какъ по лит., такъ и по лат. пѣснямъ Солнце (Saule) является благотѣльной, очень любимой богинею, какъ мы это еще часто будемъ имѣть случаи наблюдать.

По славянскимъ преданіямъ, Солнцу служатъ Зори — божественныя дѣвы; вмѣстѣ съ Денницею, онѣ прислуживаютъ Солнцу и смотрятъ за его бѣлыми конями³⁾. А по одной лат. нар. пѣснѣ Утренняя и Вечерняя звѣзды суть кони Мѣсяца⁴⁾.

При сравненіи размѣра этого паралл. текста также замѣчается различіе. Какъ это уже раньше было замѣчено, и здѣсь въ лит. текстѣ находится болѣе первобытный размѣръ. Различіе размѣра тоже указываетъ на самостоятельную поэтическую обработку общаго индо-европейскаго мифа, какъ у латышей, такъ и у литовцевъ.

4 Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ.

И здѣсь приходится возстановлять лат. текстъ изъ отдѣльныхъ остатковъ и отрывковъ пѣсенъ, которые все-таки показываютъ очень близкое родство представленій съ лит.

1) Спр. стр. 314, 5.

2) Rh. 81. Ness. 3. Schl. стр. 4.

3) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. А. Афанасьева. I, стр. 594.

4) Спр. стр. 314, 5.

текстомъ, и ихъ можно до такой степени возстановить, что они, наконецъ, представляютъ, сравнительно, полный паралл. текстъ. Размѣръ и здѣсь въ литовскихъ и латышскихъ пѣсняхъ отличается. Лит. даины имѣютъ ямбы, а лат. — (почти всегда) трохеи. И въ этомъ случаѣ мы имѣемъ какъ у латышей, такъ и у литовцевъ, самостоятельныя произведенія, вышедшія изъ общаго, взаимнаго представленія и предмета.

Въ первую весну (лит. текстъ), въ первое лѣто (лат. текстъ) женится Мѣсяцъ на Солнцѣ. Естественно, что они не могутъ быть долго вмѣстѣ. Солнце восходитъ утромъ рано, а Мѣсяцъ вечеромъ (поздно). Солнце бранитъ Мѣсяцъ, зачѣмъ онъ не сіяетъ днемъ. Мѣсяцъ отвѣчаетъ: тебѣ принадлежитъ день, а мнѣ ночь. Итакъ, Мѣсяцъ разлучается съ Солнцемъ, со своимъ суженымъ, блуждаетъ одинъ и влюбляется въ Денницу (Aušrine). Разгнѣванный Перкунъ разрубилъ (лит. текстъ; по лат. тексту само Солнце разрубило) его мечемъ, приговаривая: зачѣмъ ты оставилъ Солнце? зачѣмъ влюбился въ Денницу (или у Аусекля — у Денницы отнял обрученную невѣсту, лат. т.)? зачѣмъ ты таскаешься одинъ по ночамъ? И опечалился Мѣсяцъ. — По лат. вариантамъ, Солнце наказываетъ Мѣсяцъ серебряною плетью, или оно бросаетъ въ него серебрянымъ камнемъ.

Итакъ, это сказаніе и въ этическомъ отношеніи важно: оно показываетъ, что у литовско-латышскаго народа издревле бракъ считался святымъ и что прелюбодѣяніе строго наказывалось.

Искони у разныхъ народовъ, Солнце и Мѣсяцъ были представляемы въ родственной связи — или какъ сестра и братъ, или какъ супруги¹⁾. У Гезіода, Гомера и у другихъ писателей "Ἥλιος и Σελήνη — братъ и сестра²⁾"; итальянская сказка представляетъ Солнце и Луну (Sole и Luna) дѣтьми одной матери³⁾. Въ Эддѣ Sonne и Mond (Sô и Mâni) — сестра и братъ, дѣти мифическаго Mundilföri; нѣмцы до поз-

1) Воззрѣніе это встрѣчаемъ даже у египтянъ, мексиканцевъ, гренландцевъ и другихъ народовъ — D. Myth. стр. 666.

2) Шварцъ: Sonne, Mond und Sterne стр. 160 и 161.

3) Во французской версіи этой сказки, вмѣсто этихъ свѣтилъ, говорится о Днѣ и Аврорѣ, т. е. о богѣ дневного свѣта (о солнцѣ) и зарѣ.

днѣйшаго времени употребляли выраженія Frau Sonne и Herr Mond. Другое германское сказаніе представляет ихъ женою и мужемъ; но Мѣсяцъ былъ холодный супругъ, что раздражало его пылкую супругу; богиня Солнце побилась однажды объ закладъ со своимъ мужемъ: кто изъ нихъ раньше проснется, тому достанется право свѣтить днемъ, а лѣнивому должна принадлежать ночь. Рано утромъ Солнце зажгло свѣтъ міру и разбудило соннаго мужа. Съ той поры они разлучились и свѣтятъ порознь: Солнце днемъ, а Мѣсяцъ ночью; оба сожальють о своей разлукѣ и стараются опять сблизиться. Но сходясь во время солнечнаго затмѣнія, они осыпають другъ друга упреками; ни тотъ, ни другая не соглашаются на уступки, и они снова расстаются. Преисполненный печали, Мѣсяцъ изсыхаетъ отъ тоски — уменьшается въ своемъ объемѣ, до тѣхъ поръ, пока не оживить его надежда на будущее примиреніе; тогда онъ начинаетъ вырастать, и потомъ съ новымъ припадкомъ тоски опять уменьшается¹⁾. Наконецъ, въ славянскихъ преданіяхъ мы находимъ черты, вполне соответствующія литовско-латышскому сказанію. „Олицетворяя солнце въ женскомъ образѣ, русское повѣрье говоритъ, что въ декабрѣ мѣсяцѣ, при поворотѣ на лѣто, оно наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ и ѣдетъ въ теплыя страны; а на Ивановъ день (24 іюня) Солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога навстрѣчу своему супругу Мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненные лучи: этотъ день полного развитія творческихъ силъ лѣтней природы представляется какъ бы днемъ брачнаго союза между Солнцемъ и Мѣсяцемъ²⁾“. Потомъ Аѳанасьевъ приводитъ сохранившуюся въ Черниговской губ. пѣсню, намекающую на любовныя отношенія свѣтилъ дня и ночи:

Ой, тамъ за лисомъ — за боромъ,
За синенькимъ езеромъ,

1) D. Myth. стр. 666 и 667. Маннгардтъ, Die Götterwelt, стр. 104 и 105. Аѳанасьевъ: Поэтическія воззрѣнія etc. I, стр. 74 и 75.

2) Сахаровъ, II, дневн., стр. 69; Терещ., V., стр. 75. Хорваты увѣряють, что въ этотъ день Солнце пируетъ въ небесныхъ чертогахъ и разбрасываетъ свои лучи стрѣлами (= играетъ). — Ж. М. Н. П. 1846, VII, стр. 45. — А. Аѳан. ib. стр. 76.

Тамъ Солнычко играло,
Съ Мисяцомъ разговляло:
„Пытаю тебе, Мисяцу!
Чи рано зходишь, чи позно заходишь?“
— Ясное мое Солнычко!
А что тоби до того —
До зыходу мово?
Я зйду (взойду) свитаючи,
А зайду змеркаючи¹⁾.

Слѣдовательно, въ этой пѣснѣ сохранился подобный разговоръ между геніями обоихъ небесныхъ тѣлъ, какъ онъ встрѣчается въ лат. текстѣ²⁾. Какъ въ нашемъ паралл. текстѣ, такъ и въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ любовь Мѣсяца къ Денницѣ не позабыта. Вотъ свидѣтельство бѣлорусской пѣсни:

Переборъ — Мисячекъ, переборъ!
Всѣхъ зирочекъ³⁾ перебралъ,
Одну себѣ зирочку сподобалъ:
Хочъ она и маленька,
Да ясенька,
Межъ всѣхъ зирочекъ значенька⁴⁾.

Хотя по нѣкоторымъ лат. пѣснямъ (см. лат. т. къ № 1 выше; Спр. стр. 302; W. M. стр. 82, № 72 и 73; Ulm. стр. 195, 16) Мѣсяцъ женится на дочери Солнца или на ткачихѣ звѣздныхъ покрывалъ, все-таки, по другимъ болѣе древнимъ источникамъ, онъ и латышамъ извѣстенъ какъ супругъ Солнца, ибо (первыя) звѣзды называются дѣтьми Солнца и Мѣсяца⁵⁾. Вечеромъ непостоянный любовникъ предлагаетъ руку Солнцу, а утромъ Денницѣ (Aušrine, Saules meita).

1) А. Аѳанасьевъ ib. стр. 77.

2) Спр. стр. 311, 16. — W. M. стр. 77, 17. — Ulm. 445.

3) Зирка — звѣзда. (Зам. Аѳанасьева.)

4) Нар. бѣлорус. пѣсни Е. П., 57; сличи съ малорусскою пѣсней въ сочиненіи Костомарова „Объ истор. знач. нар. русск. поэзіи“, стр. 164, въ которой сказано, что Мѣсяцъ перебираетъ всѣ звѣзды, а полюбить на вѣки одну „зироньку вечирнюю“ (Венеру). — Аѳан., Поэтич. воззр. I, стр. 78.

5) St., Lett. Myth. см. zvaigznes. — Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 303 и 316.

Какъ мы уже видѣли, и славянское преданіе упоминаетъ о любовной связи между Солнцемъ и Мѣсяцемъ, которая между ними существуетъ не только денно, но и въ теченіе цѣлаго года. „По народному повѣрью, Солнце и Мѣсяцъ, съ первыхъ морозныхъ дней (съ началомъ зимы, убивающей земное плодородіе, и, такъ сказать, — расторгающей брачный союзъ солнца) расходятся въ разныя стороны, и съ той поры не встрѣчаются другъ съ другомъ до самой весны; Солнце не знаетъ, гдѣ живетъ и что дѣлаетъ Мѣсяцъ, а онъ ничего не вѣдаетъ про Солнце. Весною же они встрѣчаются и долго рассказываютъ другъ другу о своемъ житьѣ-бытьѣ, гдѣ были, что видѣли и что дѣлали. При этой встрѣчѣ случается, что у нихъ доходитъ до ссоры, которая всегда оканчивается землетрясеніемъ; наши поселяне называютъ Мѣсяцъ гордымъ, задорнымъ, и обвиняютъ его, какъ зачинщика ссоры. Встрѣчи между Солнцемъ и Мѣсяцемъ бываютъ, поэтому, и добрыя и худыя: первыя обозначаются ясными, свѣтлыми днями, а послѣднія — туманными и пасмурными¹⁾. Замѣтимъ, что въ весеннихъ грозахъ, сопровождающихъ возвратъ Солнца изъ дальнихъ странствованій въ царствѣ зимы, воображенію древнѣйшихъ народовъ рисовались: съ одной стороны, брачное торжество природы, поливаемой сѣменемъ дождя, а съ другой — ссоры и битвы враждующихъ боговъ; въ громовыхъ раскатахъ, потрясающихъ землю, слышались то клики свадебнаго веселья, то воинственные призывы и брань“²⁾).

Подобное повѣрье встрѣчается въ нашемъ паралл. текстѣ, по которому бракъ Мѣсяца и Солнца совершается весною или лѣтомъ. Первая весна — первое лѣто (существованія міра) для празднованія свадьбы Солнца и Мѣсяца очень подходящее время, если, по обыкновенію сказанія, повторяющееся явленіе природы замѣняется однимъ отдѣльнымъ моментомъ³⁾).

Упоминаніе о первой веснѣ, когда Мѣсяцъ женится на Солнцѣ, еще съ другой точки зрѣнія очень интересно. Весна, т. е. то время, когда пробуждается вся природа и все

оживаетъ, здѣсь имѣется въ виду однократно, какъ первая весна, начинающая міръ и жизнь природы, какъ то время, когда Солнце выходитъ замужъ за Мѣсяцъ и изъ этого брака рождаются дѣти-звѣзды. Стало-быть, здѣсь совершается космогоническое дѣйствіе. Эта первая весна невольно напоминаетъ о греческомъ хаосѣ, о *garginnungen* (*Gaffen der Gähnungen*) въ Эддѣ¹⁾, о *הה זכה* и *זראשית* въ Библии (кн. Моисея, Бытіе, 1). Какъ здѣсь, такъ и тамъ упоминается *mutatis mutandis* о первомъ бытіи, первомъ существованіи.

Перкунъ или само Солнце разсѣкаютъ Мѣсяцъ мечемъ за его невѣрность. Въ этомъ случаѣ сказаніе примѣнило и разные моменты изъ явленій дня (закатъ солнца, лунный свѣтъ, утреннюю зарю), чтобы объяснить различныя перемѣны на лунѣ (лунныя фазы). „Часто случается“ — говоритъ В. Мангардтъ — „въ области мифологии солнца и звѣздъ, что теченіе дня, мѣсяца и года въ мифическомъ сказаніи соединяется въ одно цѣлое“²⁾).

Этотъ паралл. текстъ „о свадьбѣ Мѣсяца“ уже болѣе 70 лѣтъ тому назадъ былъ отчасти замѣченъ Резою (см. предисловіе). Въ замѣчаніяхъ къ своему сборнику онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ этой дайнѣ слышится отголосокъ языческой мифологии изъ дохристіанскаго времени. Представленія Солнца и Мѣсяца въ качествѣ супруговъ, наказаніе Мѣсяца богомъ неба, Перкуномъ, за невѣрность, и другія идеи, обращающіяся среди всего латышскаго народнаго племени, принадлежать непременно къ тому вѣку, когда въ этомъ народѣ еще господствовало грубое естественное богопочитаніе, обожаніе солнца и мѣсяца и извѣстныхъ священныхъ животныхъ, какъ, напр., змѣй“³⁾).

„Хотя эти мифологическія пѣсни и не совсѣмъ въ теперешнемъ видѣ дошли до насъ изъ древности, все-таки нѣкоторыя строфы изъ нихъ представляютъ старинное преданіе. Стоитъ только бѣгло взглянуть на текстъ сообщенныхъ

1) Сахаровъ, II, стр. 21 и 22.

2) Аван., Поэтич. воззр. etc. I, стр. 77 и 78.

3) W. Mannhardt, Lett. Sonnenmythen. стр. 317.

1) W. Jordan, Der Wala Weissagung (Völu-Spā) и: Anmerkungen zur Völuspā.

2) Lettische Sonnenmythen, стр. 317.

3) Rh., стр. 314.

здѣсь лит. дайнь и лат. dziesmas или zinges въ сборникахъ Вара (Palzmareeschu dseesmu krahjums. 1807) и Бергмана (Lettische Sinn- und Stegreifsgedichte 1808), чтобы убѣдиться въ истинности этого утверждения. Нѣкоторыя слова, выраженія и обороты въ нихъ таковы, что они теперь едва ли понятны¹⁾. — „Эта лит. пѣсня о невѣрности Мѣсяца находится впрочемъ и на лат. языкѣ. Въ сборникѣ Бергмана (стр. 42) она гласитъ:

Saule Mēnesi sacirte	Солнце разсѣкло Мѣсяцъ
Ar asaju zōbeni.	Острымъ мечемъ.
Kam rapēme Auseklam	Зачѣмъ онъ отнялъ у Auseklis'a
Suderetu ²⁾ ligaviņ'?	Сосватанную невѣсту?

Здѣсь появляется, само Солнце мстителемъ за невѣрность своего супруга; въ лит. нар. пѣснѣ такимъ мстителемъ выступаетъ Перкунъ, богъ грома. Лат. Auseklis (Денница) мужское, а лит. Aušrine — женское божество. Но идея въ обѣихъ пѣсняхъ одинакова³⁾.

Сабейзмъ, или „поклоненіе солнцу и лунѣ“ — какъ Реза выражается — мы еще часто находимъ у „латышскаго племени“ въ его пѣсняхъ. Относительно солнца мы это уже видѣли выше, въ № 3, и увидимъ еще ниже, а касательно луны мы сейчасъ приведемъ еще нѣсколько лат. нар. пѣсень. Какъ люди обращаются къ Солнцу и сильно желаютъ его согрѣвающего свѣта, такъ же желателенъ для нихъ и свѣтъ луны. Дѣвица и юноша поютъ:

Teci gaiši, Mēnestiņ,	Бѣги свѣтло, луна ⁴⁾
Garām manu glāžu logu:	Мимо моего стекляннаго
Balti lini man vērpjami,	окошка:
Neva skaluplēsejiv'!	Я пряду бѣлый ленъ,
	Нѣтъ у меня того, кто бы
	наколотъ лучинъ.

* * *

* * *

1) Ibid. стр. 315.

2) Su-degetu показываетъ, что въ лат. языкѣ рядомъ съ sa-, со- встрѣчается и (какъ въ лит.) su-.

3) Ibid. стр. 316.

4) Луна со всѣми къ нему относящимися понятіями по-латышски мужескаго рода. (Зам. Спрогиса.)

Teci gaiši, Mēnestiņ,
Nakti vedu ligaviņ':
Dienu vesti ne patapu,
Dienu kungi karā sūta¹⁾.

Бѣги свѣтло, луна,
Я ночью приведу себѣ моло-
дую жену:
Днемъ вести нѣтъ досуга,
Днемъ господа посылаютъ на
войну.

И луна (Мѣсяцъ) спѣшитъ на помощь молодымъ воинамъ:

Kur tu teci, Mēnestiņ,
Ar to zvaigžņu mētelīti?
— Karā iemu, karā teku,
Jaunu rūšu paligā²⁾.

Куда ты бѣжишь, луна,
Въ звѣздномъ плащѣ?
— Спѣшу, бѣгу на войну,
На помощь молодцамъ!

Уже выше было указано, что по лат. и лит. преданіямъ звѣзды представляются дѣтьми Солнца и Мѣсяца. „По одной дайнь является даже Аушрине (Денница), обыкновенная соперница Солнца въ любви Мѣсяца, дочерью Солнца“. То же самое представленіе встрѣчается и въ малорусскихъ колядкахъ³⁾. Онѣ, изображая небесный сводъ великимъ чертогомъ или храмомъ, называютъ видимыя на немъ свѣтила: мѣсяцъ — домовладыкою, солнце — его женою, а звѣзды — дѣтками.

Ясне сонце — то господыня,
Ясенъ мисяць — то господарь,
Ясни зирки — то ёго диткы⁴⁾.

„Съ этимъ вѣрованіемъ“ — говоритъ Мангардтъ — „соединяется представленіе, что звѣзды, когда нѣтъ солнца, становятся сиротами“⁵⁾. (Ср. выше № 3.)

Какъ у грековъ и другихъ народовъ Солнце и Мѣсяцъ (Ἥλιος и Σελήνη) были сестрою и братомъ, такъ и въ лат. преданіи встрѣчается подобное представленіе, какъ-то:

1) Спр. стр. 314, 1—2.

2) Ibid. стр. 314, 3.

3) W. Mannhardt, Lettische Sonnenmythen стр. 317.

4) Метлинск., 342—3. — Аван., Поэтич. возвр. etc. I, стр. 79.

5) Lettische Sonnenmythen стр. 303.

Usīpam divi déli
Sarkanām galviņām:
Vienu sūta pieguļā,
Otr' ar arklu tūrumā.

Усинь имѣеть двухъ сыновей
Съ красными головами:
Одного онъ посылаетъ на
ночное,
Другого съ плугомъ на поле.

* * *

Usīpam bij divi déli,
Abi vienu vecumu (? vecu-
miņ' L.);
Neredzeja, kad tie dzima,
Tik redzeja staigajot:
Prāvakais, kad strādaju,
Mazakais, kad guleju¹⁾.

У Усиня были два сына,
Оба одинаковаго возраста;
Никто не видѣлъ, когда они
рождались,
А видѣли, когда они стали
ходить:
Большаго я видѣлъ, когда я
работалъ,
Меньшаго, когда я спалъ.

Эти оба сына Усиня, бога свѣта, можетъ быть, — солнце и луна, или подъ ними подразумѣвается утренняя и вечерняя заря²⁾. Но эпитеты *prāvakais* (большій), *mazakais* (меньшій) приличествуютъ, какъ видно, лучше солнцу и лунѣ.

5. Считаніе звѣздъ.

Подъ этимъ заглавіемъ приведенъ паралл. текстъ, соответствующій относительно содержанія только въ нѣкоторыхъ строкахъ. При томъ мы встрѣчаемъ и здѣсь различный размѣръ.

По лит. тексту Солнце восходитъ, обошедши вокругъ неба. Потомъ требуется отъ Солнца, чтобы оно окружило небо и сосчитало звѣзды. Этимъ считаніемъ звѣздъ и начинается паралл. текстъ, при чемъ въ лат. пѣснѣ Мѣсяцъ, а въ лит. — Солнце считаетъ звѣзды, всѣ ли онѣ на небѣ. Оба, Солнце и Мѣсяцъ, приходятъ къ результату, что одной звѣзды недостаетъ. По лит. тексту, нѣтъ той звѣзды, которая рано восходитъ и поздно заходитъ, а по лат. — не-

достающая звѣзда называется Auseklis (Денница). И имъ извѣстно, что она въ Нѣмечинѣ [*Vāczemē*]¹⁾. Она шьетъ Солнцу платье (утренняя заря), прибавляя одну полоску изъ золота, другую изъ чистаго серебра. По вариантамъ (Taut. d. 9; W. M. 73 и 74; Ulm. 451), онъ (Auseklis) бѣжитъ, чтобы увидѣть дочь Солнца, обрученную съ Мѣсяцемъ (W. M. 73 и Taut. d. 9), и даже женится на ней (W. M. 73 и 74; Ulm. 451). Мы находимъ здѣсь, такъ сказать, начало свадьбы, изложенной уже выше въ № 1.

Въ сербской пѣснѣ Мѣсяцъ укоряетъ Денницу:

Мјесец кара звијезду Даницу:
ѣе си била, звијезда Данице?
ѣе си била, ѣе си дангубила,
Дангубила три бијела дана?²⁾

Въ продолженіи литовской дайны не встрѣчается болѣе ничего миѣологическаго. Какъ въ миѣическомъ началѣ пѣсни требуется отъ Солнца, чтобы оно обошло небо и сосчитало звѣзды, такъ и здѣсь требуютъ отъ матери, чтобы она обошла дворъ и сосчитала своихъ дочерей. И при считаніи оказывается, что нѣтъ старшей дочери, которая рано встаетъ и поздно ложится; которая прядетъ ленъ, ткеть холстъ, сгребаетъ сѣно и жнетъ рожь. — Эта пѣсня поучительна. Мы видимъ изъ нея, какъ извѣстные древніе образцы пѣсенъ миѣологическаго содержанія примѣняются къ болѣе новымъ образованіямъ, сюжетъ для которыхъ почерпнутъ изъ домашней жизни. По аналогіи древнихъ произведеній образуются болѣе новыя. То же самое показываетъ и 2-й лат. вариантъ. Въ немъ къ древней миѣической пѣснѣ прибавлено новое, модное начало и новый конецъ.

1) *Vāceme* употребляется или въ смыслѣ запада, гдѣ солнце заходитъ, или въ смыслѣ зарганицы, или даже въ смыслѣ другого небеснаго міра (какъ это, напр., встрѣчается выше, въ № 2). Биленштейнъ примѣчаетъ къ этому слову: *Vāceme bezeichnet oft nur das Ausland, wie im Neuen Testament Griechen eigentlich jeden Nichtjuden bedeutet, und den Türken einst jeder Europäer ein Franke war. Beachtenswerth ist hier aber die Bezeichnung der Himmels-, der Wolken-Region als eines (anderen) „Landes“.* Cp. ergo 1000 Lettische Räthsel, стр. 64, зам. 430.

2) Спр. н. пјесме, II, 626. — Аѳан., Поэтич. воззр. I, стр. 79.

1) Cp. R. Auning „Wer ist Uhssing?“ въ Magazin der lett.-liter. Gesellsch. XVI, 2. стр. 23.

2) Ibid. стр. 41.

Можетъ быть, что считаніе звѣздъ, о которомъ въ этомъ паралл. текстѣ идетъ рѣчь, нужно принять за слабый слѣдъ того, что у древнихъ культурныхъ народовъ образовалось въ родѣ астрологіи. По крайней мѣрѣ, на то указываетъ греч. *ἄστρο-λόγος*. Ибо *λόγος* (вторая часть этого сложнаго слова) имѣетъ первоначально значеніе (чтенія, собиранія, считанія), на которомъ основывается и глаголѣ *λέγω*, изъ котораго *λόγος* образовалось. Это значеніе чтенія, собиранія, считанія имѣетъ *λόγος* еще у Гомера, гдѣ это слово встрѣчается нѣсколько разъ (напр., въ Одиссее I, 56: *παλλίλ-λογος* *denuo collectus*; въ Илиадѣ I, 126)¹⁾. Значеніе считанія, чтенія имѣетъ и лит. *skaityti*, лат. *skaitit*. Считаніе звѣздъ мы встрѣчаемъ и въ народныхъ играхъ. По лат. нар. пѣснямъ (Zimse IV, 18; Taut. d. 9) нежеланный женихъ, вмѣсто согласія на бракъ, получаетъ задачу — счесть звѣзды. Если онъ сосчитаетъ ихъ, тогда только дѣвушка согласна выйти за него замужъ. Въ этнографическихъ матеріалахъ Бривземніака помѣщены и заклинанія (о ворахъ). Тутъ, между прочимъ, говорится, что воръ долженъ сосчитать всѣ звѣзды на небѣ, тѣ, что восходятъ, и тѣ, что стоятъ на одномъ мѣстѣ [*ir tās, kas lec un kas cietī*]²⁾.

Подобно тому, какъ въ продолженіи лит. текста мать считаетъ своихъ дочерей, въ одной лат. нар. пѣснѣ мать скликаетъ своихъ дочерей, всѣ ли онѣ вечеромъ налицо; всѣ онѣ налицо, за исключеніемъ младшей etc. (см. ниже VI, объ упавшемъ колыгѣ — объ утонувшей дѣвицѣ).

6. Лайма и утонувшій братъ.

Этотъ паралл. текстъ, на соотвѣтствіе котораго уже и Биленштейнъ указалъ (см. выше предисловіе), полнѣе, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Одинаковое содержаніе имѣетъ здѣсь и одинаковый размѣръ. Это мы встрѣчаемъ и въ вариантахъ, за исключеніемъ 3-го лит. варианта, отличающагося и по размѣру отъ другихъ.

Одна дѣвица подходитъ къ морю, чтобы увидѣть брата. Съ дню она видитъ трехъ рыбаковъ и спрашиваетъ ихъ о своемъ братѣ. Рыбаки отвѣчаютъ, что ея братъ лежитъ, утонувши, на днѣ морскомъ. Дѣвица проситъ рыбаковъ, чтобы они вытащили ея брата изъ моря. Рыбаки требуютъ за это награды. Дѣвица даетъ одному рыбаку шелковый поясъ или шелковую рубаху, другому — шелковый платокъ или (по лит. т.) золотое кольцо, а третьему, штурману, которому ей нечего дать, — она хочетъ сама принадлежать. По 2-му и 3-му лат. варианту она даетъ третьему рыбаку золотое кольцо и предлагаетъ ему, такимъ образомъ, свою руку. Таково вкратцѣ содержаніе этого паралл. текста¹⁾.

Разсмотримъ теперь подробнѣ различія, встрѣчаемыя въ этомъ текстѣ и въ его вариантахъ. Лит. т. и его два варианта, за исключеніемъ 3-го, напоминаютъ вначалѣ о богинѣ судьбы, Лаймѣ, которая указываетъ на утонувшаго брата. Въ лат. пѣсняхъ эта богиня поименована только въ 3-мъ вариантѣ, гдѣ въ концѣ пѣсни дѣвица предлагаетъ свою руку третьему рыбаку, даетъ ему свое кольцо и хочетъ сама принадлежать ему по опредѣленію милой Лаймы (*Pec Laimites likumīr*). По лит. тексту и его двумъ первымъ вариантамъ говорится только объ одной сестрѣ, ищущей брата, по 3-му же варианту о двухъ, при чемъ по лат. источнику ихъ нѣсколько: три (по тексту и 1-му, и 3-му вар.), нѣсколько (не сказано, сколько) по 2-му и такъ же, какъ по лит. — одна по 4-му и 5-му вар. По лит. пѣснямъ ищутъ только одного брата, а по лат. (по тексту и 2-му вар.) — нѣсколько, и недостаетъ младшаго брата; по 1-му и 3-му вар. — два брата, по 4-му и 5-му вар. — одинъ братъ. Рыбаковъ какъ въ лит., такъ и въ лат. текстѣ трое. По паралл. тексту и обоимъ первымъ вариантамъ это штурманъ, которому дѣвица хочетъ принадлежать; а по тремъ послѣднимъ лат. вариантамъ это только третій рыбакъ (по 4-му суженый, по 5-му вар. младшій). По 3-му лит. варианту это лишь третій рыбакъ, за котораго дѣвица обѣщается выйти замужъ. Этотъ вар. подробнѣ описываетъ кончину утонувшаго. Награда, которую

1) На это обратилъ мое вниманіе профессоръ Д-ръ Левъ Мейеръ.

2) Труды этнографическаго отдѣла. Книга VI. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. Стр. 180 и 181, № 575 и № 576.

1) Подобные мотивы мы встрѣчаемъ у А. А. Потебни, въ его сочиненіи: Объясненія молорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. II. Колыдки и щедровки. Варшава. 1887. Стр. 557 и слѣд.

дѣвица опредѣляетъ обоимъ первымъ рыбакамъ, различна. Первому она общаетъ (лат. т. и 2-й вар.) тонкую рубаху (slēšu kreklu), по 3-му и 5-му вар. льняную, бѣлую рубаху; а по 1-му вар. пару перчатокъ, по 4-му вар. горсть цвѣт-ковъ. По лит. тексту и его двумъ первымъ вариантамъ пер-вый рыбакъ получаетъ шелковый поясъ, по 3-му вар. шел-ковый платокъ. Второй рыбакъ получаетъ по лит. пѣснямъ золотое кольцо, а по лат. — шелковый платокъ (по т. и 2-му, 3-му и 5-му вар.), шелковый парусъ (1. var.) и золотое яблоко (4. var.).

Здѣсь, какъ видно, открывается передъ нашими глазами картина жизни и доли рыбаковъ. И имя Laima — Laimite представляетъ намъ ее подъ покровительствомъ богини счастья или судьбы. Реза передаетъ оба первые стиха лит. текста такъ:

Laimė šauke, Laimė rėke, Лайме звала, Лайме кричала,
Basi bėgant per kalnelį. Босая убѣгая черезъ горку.

У Нессельмана и Шлейхера эти стихи встрѣчаются съ небольшимъ измѣненіемъ. По Нессельману:

Laimė šauke, Laimė rėke, Лайме звала, Лайме кричала,
Basi bėgau per kalnelį — Я босая бѣжала черезъ горку.

По Шлейхеру:

Laima šauke, Laima vėrkė; Лайма звала, Лайма плакала;
Basi bėgau per kalnelį — Я босая бѣжала черезъ горку.

Стало-быть, у Резы Лайма зоветъ, кричитъ, плачетъ, и Лайма же бѣжитъ босая чрезъ горку, а у обоихъ другихъ издателей Лайма зоветъ, кричитъ, плачетъ тоже, но, вмѣсто ея, бѣжитъ босая дѣвица чрезъ горку. Что второпяхъ Лайма босая бѣжитъ (какъ у Резы), это доказываютъ, между про-чимъ, и слѣдующія лат. нар. пѣсни:

Nāc, Laimiņ'!), kad es lūdzu, Ступай, Лайминь!), когда я
прошу,
I basām kājiņām; И босыми ногами;

1) Laimiņ (Лайминь) dim. Лаймы въ зват. падежѣ.

Ausi kājas — ilgi būs, — Будешь обуваться, долго бу-
детъ, —
Grūt manam mūdiņam! ') Тяжелъ мой вѣкъ!

* * *

* * *

— Nelaimite kājas ava, Нелаймите (недоля, несчастье)
Dzirās man lidzi nākt. обувала ноги,
Nāc, Laimiņ, kad es lūdzu, И готовилась мнѣ сопутство-
вать.
I basām kājinām?). —
Ступай, Лайминь, когда я
прошу,
И босыми ногами.

Правописание Шлейхера „Laima“ вѣрнѣе, чѣмъ Laimė, какъ это слово пишутъ Реза и Нессельманъ; ибо такъ она (Laima, съ чистою основою на -а) большею частью назы-вается какъ въ лит., такъ и въ лат. языкахъ, въ противо-положность нарицательному имени laime (счастье).

Подобно тому, какъ здѣсь, въ лит. пѣсняхъ, такъ и въ лат. пѣсняхъ Лайма, стоя на горѣ и видя, что дѣвицу ведутъ на мѣсто бѣдствій (nelaimites vietīa), предостерегаетъ ее отъ грозящей ей опасности. И лат. пѣсня совпадаетъ здѣсь почти слово въ слово съ литовскою, какъ это видно при сличеніи текстовъ:

Laimit' 3) kliekda, Laimit' 3) brēca, Лайма звала, Лайма кричала
(плакала),
Kalniņai stavedam' 4). Стоя на горкѣ.

Какъ здѣсь, такъ и тамъ дѣвица благоговѣнно вни-маетъ голосу богини Лаймы.

Уже Реза отнесъ Лайму къ специфически литовско-латышскимъ божествамъ. Онъ говоритъ о ней слѣдующее: „Лайма есть божество, свойственное только литовско-латышскому народу. Она не встрѣчается ни у славянъ, ни у скандинавовъ, ни у какой-либо другой сосѣдней литовцамъ націи.

1) Спр. стр. 306—16.

2) Ar. M. 1877.

3) Dimin.

4) Zim. III, 79; Спр. стр. 306—15 и стр. 307—18.

Стендеръ въ своей лат. мифологии (Anh. z. Gram. стр. 264) говоритъ: „Лайма была богиня судьбы; постилая для дитяти при рожденіи простыню, она рѣшала его участь.“ — Въ лит. нар. пѣсняхъ она, напротивъ, является дарующей всякое счастье въ человѣческой жизни¹⁾. Когда раздавался ее голосъ на горахъ, тогда человѣку предстояла неожиданная судьба“²⁾.

„Остермейеръ in dem krit. Beitrag zur altpreuss. Rel.-Gesch. (стр. 15) несправедливо сравниваетъ ее съ греческими парками, ибо образъ пряденія нити жизни литовцамъ неизвѣстенъ. Въ обыденной жизни еще часто слышится поговорка: Таір Laime lėmė, такъ опредѣлила Лайма“³⁾. — По моему мнѣнію, Остермейеръ совершенно правъ, сравнивая Лайму съ греческими парками; нельзя сказать, чтобы пряденіе Лаймѣ было совершенно чуждо. Это, по крайней мѣрѣ, можно доказать лат. источниками. Такъ, напр., Маря (христіанская замѣна Лаймы) упоминается прядущею въ слѣдующихъ заклинаніяхъ:

Vėrp, Māga, zida dīgu,	Пряди, Марья, шелковую
vėrp ar mani, vėrp ar sevi!	нитку, пряди со мною (?) пряди
Sin laumas, raganas,	одна! (?)
lai nekāpj manā stalli!	Привяжи лаумъ, раганъ
Milā Măriņa, dzen, gani	(вѣдьмъ), чтобы онѣ не забрались въ
manas gūsnīņas urdas (?),	мой хлѣвъ!
upes ūdens zālē.	Милая Марьюшка, гони, паси
Četri rati — pīna rati,	коровушекъ по заливной (?)
četri rati — kreima rati,	травѣ рѣки.
četri rati — svīsta rati —	Четыре повозки — повозки
	съ молокомъ,
	четыре повозки — повозки
	со сметаной,
	четыре повозки — повозки
	съ масломъ —

1) Точно такъ же въ лат. нар. пѣсняхъ и дальше, тамъ же, у Стендера.

2) То же самое, какъ выше показано, было и у латышей.

3) Rh. стр. 309 и 310.

sabrauc manā laidarā.

сѣзжаются на моемъ скотномъ дворѣ.

Dīvs Tēvs . . .¹⁾.

Боже Отецъ . . .

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, изображена Лайма посылающей людямъ всевозможное счастье и умѣющей прятать. Что она и богиня судьбы, какъ ее называетъ и самъ Реза, что она даже своего рода „парка“, это доказываютъ, между прочимъ, и ея обѣ товарки, Dėkla и Kārta²⁾. О нихъ поютъ:

Dėkla, Dėkla — Laima, Laima,	Декла, Декла — Лайма, Лайма,
Visiem vienlidz nedarat!	Вы не со всѣми одинаково поступаете!

Vienam darat visu labi,	Одному вы оказываете много добра,
Cituš žēli rūdinat ³⁾ .	Другихъ вы заставляете горько плакать.

* * *	* * *
Dėkle sauca, Laima sauca,	Декла звала, Лайма звала,
Abas kalnā stāvedamas:	Стоя на горѣ:
Nesiedz roku, zeltainite,	Не подавай руки, красавица,
Sivajāme tautiņāme!	Суровымъ иноплеменикамъ!

* * *	* * *
Sēdi, sēdi, tu, meitiņa,	Сиди, сиди, ты, дѣвица,
Nesēd tava Dėkle, Laima,	Не сидитъ твоя Декла, Лайма,
Ik dienīņas Dėkle jāja,	Ежедневно Декла ѣздитъ верхомъ,
Tev araju meklēdama;	Отыскивая для тебя жениха-пахаря;
Svīda ilgi kumeliņis,	Долго потѣлъ ея конь,
Līdz atrada arajiņu.	Пока она не нашла пахаря.

* * *	* * *
-------	-------

1) Брив., Труды этнографическаго отдѣла. Кн. VI. Стр. 167 № 482.

2) Три дѣвы судьбы встрѣчаются и у грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ. Ср. мою статью въ Rakstu krajums IX.

3) Ar. M. 1873.

Dékle nāca rāmi, rāmi,
Pelekāje mētelītē;
Laima nāca žigli, žigli,
Sudrabiņu laistidama.

* * *

Kas pie liepiņas uguni kūra?
Kas manu ļaunu dien' sadedzi-
nāja?
Dēkliņa liepu malku uguni
kūra;
Laimiņa ļaunu dienu sadedzi-
nāja¹⁾.

* * *

Ta ir mana Kārta, Laima,
Kas man' cēla kalniņa;
Gan ir man tādu ļaužu,

Lejiņa grūdejiņu²⁾.

* * *

Traucies, Kārta, traucies, Laima,
Traucies, mana māmuliņa!
Traucies, Kārta, vārtu celti,

Laimiņ, celti kumelā,
Traucies, mana māmuliņa,
Apsegt baltas villainites³⁾.

* * *

Celies Kārti, celies Laime

No ūdeņa, no akmiņ';
Jo tu biji gan gulejsi
Lī es augu kalpenēm⁴⁾.

Декла шла тихо, тихо,
Въ сѣромъ плащѣ;
Лайма шла быстро, быстро,
Серебро проливая.

* * *

Кто у липы развелъ огонь?
Кто сжегъ мой несчастный
день?
Милая Декла разложила ли-
повыя дрова;
Милая Лайма сожгла несчаст-
ный день.

* * *

Это моя Карта, Лайма,
Онѣ поднимали меня на горку;
Довольно у меня людей (вра-
говъ),

Сталкивающихъ съ нея внизъ.

* * *

Спѣши, Карта, спѣши, Лайма,
Спѣши, моя матушка!
Спѣши, Карта, отворить во-
рота,

Лайма — поднять на коня,
Спѣши, моя матушка,
Накрыть на меня бѣлая покры-
вала.

* * *

Поднимися, Карта, поднимися,
Лайма,

Изъ воды, съ камня;
Ибо ты довольно спала,
Пока я выросла служанкою.

Слѣдующее мѣсто называется всѣхъ трехъ богинь
вмѣстѣ:

Zil' Māriņ', Dēkl', Laimit, nāc mājā! Dīvs Tēvs . . .

[Синяя Марьюшка, Декла, Лаймушка, приходите домой!
Боже Отецъ . . .]¹⁾

Zil' Māriņ' (синяя Марьюшка) стоитъ здѣсь, вѣроятно, вмѣсто Карты, и въ этомъ случаѣ замѣняетъ эту послѣднюю, тогда какъ она въ другихъ мѣстахъ замѣняетъ Деклу и особенно Лайму. Здѣсь приведено только нѣсколько при- мѣровъ и отнюдь не исчерпанъ матеріалъ, относящійся къ тремъ лат. богинямъ судьбы. Хотя я Деклы, о которой Стендеръ упоминаетъ, какъ о „Göttin der Säuglinge und Pflegerin der Wiegenkinder, die denselben Schlaf und Gedeihen geben solle“²⁾, въ литовскихъ источникахъ и не могъ найти, все-таки мы встрѣчаемъ корень, изъ котораго образовалось это слово, и въ лит. языкѣ. Лит. dėti (положить, класть, ста- вить, поставить), лат. dēt (имѣетъ то же самое значеніе), у Стендера rūpi dēt (кормить младенца грудью), лат. dēls (сынъ), лит. pirm-dėlys (первороденный у животныхъ), лит. и лат. dėle (пѣвка); санскр. dhā (сосать грудь, causat. кормить, кормить ребенка грудью); греч. τέθημι; τέθηνη (мамка, нянька, кормилица), θήσθαι (доить), θηλή (грудь матери); латин. felare (кормить ребенка грудью), изъ этого filius, filia, какъ лат. dēls отъ dēt. Стало-быть, Dēkla образовалось изъ dé + kla. Karta, повидимому, образовалось изъ глагола лит. kirsti (ру- бить, чертить), лат. cirst (того же значенія), слѣдовательно, Karta представляетъ ту богиню судьбы, которая разсѣкаетъ нить жизни. Итакъ, она соотвѣтствуетъ санскр. Kṛtāntas (богъ смерти, отрѣзающій конецъ), греч. κήρ (κηρός и κηρός), происшедшему изъ κείρω || κερῶ, русск. черту (= чертить). Эстск. kurgat (чертъ), можетъ быть, заимствованъ у лат. karta. Въ лит. языкѣ встрѣчаются тоже слѣды этого миѳическаго существа. Нессельманъ въ своемъ словарѣ приводитъ: „Kerte, es, f. vielleicht dasselbe in der Phrase: Kertę tropisi, du wirst übel anlaufen, es wird dir übel bekommen“. Здѣсь стоитъ Kerte, вмѣсто Kārta, какъ, напр., лит. kār-bas (бирка), и рядомъ съ этимъ ker-bas (того же значенія).

1) Rakstu krajums IX, стр. 7.

2) Ar. M. 1882.

3) Rakstu kr. IX, стр. 18.

4) Büttner 761.

1) Брив, Труды этнограф., стр. 157, № 387.

2) Cr. a. ergo lett. Myth. стр. 262.

Самое древнее историческое извѣстіе о Лаймѣ и Деклѣ (Däckla) мы находимъ, сколько мнѣ извѣстно, у П. Эйнгорна († въ 1655 г.), сообщающаго объ этихъ божествахъ въ своей книгѣ *Historia Lettica*¹⁾ (стр. 18 и 22). Извѣстіе о существованіи богини Лаймы у литовцевъ мы встрѣчаемъ еще въ 1666 г. Въ поздравительной поэмѣ *ad plebem Lithuanicam*, сочиненной пасторомъ В. Мартини въ Верденѣ, близъ Мемеля, и помѣщенной М. Клейномъ, пасторомъ въ Тильзитѣ, въ литовскомъ пѣсенникѣ, находится мѣсто: *Quid Laimelle tibi praestabit?* И М. Преторій, бывший съ 1664—1685 г. пасторомъ въ Нибудзѣ, близъ Инстербурга, называетъ *Laimelle* богинею рожденія²⁾. По одной лит. дайнѣ³⁾ Лайма имѣетъ атрибутомъ колыбель (*subūkė*), и съ другой стороны, по лат. преданію, она должна (какъ мы это еще увидимъ ниже) укачивать павшихъ на войнѣ. Какъ помощница при родахъ, она вообще является богинею здоровья⁴⁾. Ея функции выходятъ за кругъ дѣятельности богини судьбы (*mūža lisejiņa*). Уже выше, въ отдѣлѣ пѣсенъ, въ которыхъ говорится о пѣніи, мы видѣли, что она, дочь бога (*Dievs*), была гениемъ пѣнія. Вмѣстѣ съ богомъ неба, *Dievs*’омъ, она приближается къ человѣческому міру:

Jauni puīši, jaunas meitas	Молодцы, дѣвицы,
Tīrijiet ceļa malas:	Убирайте края дороги:
Jāj Dievīš, brauc Laimiņa,	Бѣдетъ верхомъ богъ, бѣдетъ
	Лайма,
Pakrīt Laimas kumeliņš! ⁵⁾	Спотыкается конь Лаймы!

Они оба обходятъ пашни:

Laimē gāja auzu-lauku,	Лайма прошла чрезъ овсяное
	поле,
Auzu skarū mētelīti;	У нея плащъ изъ овсяной
	мячины;

1) *Scriptores Rerum Livonicarum*.

2) Ср. Joh. Lasici Poloni *De diis Samagitarum libellus*. Изданіе В. Мангардта, стр. (126) 49.

3) *Ness*. 6. — *Schl*. стр. 9.

4) Брив., Труды etc. стр. 141, № 246 и стр. 144, № 277.

5) *Спр*. стр. 299, 2.

Dievīš gāja rudzu-lauku,	Богъ прошелъ по ржаному
	полю,
Rudzu rōgu cepurite ¹⁾ .	У него шапка изъ житняка.

Въ одной лит. дайнѣ поется:

Laimē lēme	Лайма дала
Saulužēs dienatē,	Солнечный день,
Ir atšilo	И растаялъ
Ežere ledātis ²⁾ .	Ледъ въ озерѣ.

Варианты:

Dēvas dave gēdrajē dēnatē ³⁾ .	Богъ далъ ясный день.
---	-----------------------

Или:

Patekējo švēsoji saulužē,	Взошло ясное солнышко,
Ištīrpino vasarōs ledatī ⁴⁾ .	Оно растопило лѣтній ледъ.

Итакъ, по лит. и лат. источникамъ Лайма возводится въ сословіе болѣе высокихъ божествъ. По моему мнѣнію, она первоначально была облачной дѣвой, на что, кромѣ только что приведенныхъ пѣсенъ, указываютъ еще другія пѣсни, отчасти воспѣвая эту богиню вмѣстѣ съ водою⁵⁾, отчасти представляя ее богиней, располагающей стадами⁶⁾. Одно заклинаніе называетъ ее прямо Лаймою коровъ [*govu Laima*]⁷⁾. Объ облачныхъ коровахъ въ Ведахъ говорится много⁸⁾. Стало-быть, если Лайма имѣетъ, какъ это явствуется изъ нашихъ источниковъ, отношеніе къ полеводству, насажденію деревъ (ей посвящена липа) и къ скотоводству, къ доставленію въ изобиліи масла⁹⁾ etc., — то она получила это значеніе только какъ богиня природы. На это указываютъ и ея происхожденіе отъ *Dievs*’а, бога неба. Ея мѣсто-

1) *Ib*. стр. 307, 23. *Ар*. М. 1883.

2) *Rh*. 3 (10). *Ness*. II. *Schl*. стр. 7.

3) *Ness*. II. Замѣч. — *Schl*. стр. 8.

4) *Ibid*.

5) *Rh*. 75 (272). *Ар*. М. 215 и 217.

6) *Ulm*. 107. *Ар*. М. 307.

7) Брив. Труды etc. На удой, стр. 164, № 457.

8) *Ср*. *Rigv*. I 92, 1; X 8, 3 и въ другихъ мѣстахъ.

9) Брив. *ibid*.

пребывание приходится искать въ облакахъ. Такъ какъ дождь, падающій изъ облаковъ, можетъ приносить и изобиліе и вредъ, — то этимъ объясняется и неопредѣленная, шаткая природа этой богини, отчего она впоследствии и сдѣлалась богинею судьбы.

Обращая вниманіе на этимологию слова *laima*, мы находимъ по формѣ родственное въ греч. *λοιμός*, которое буквально совпадаетъ съ лит. *laimas* муж. р. Но ихъ значеніе диаметрально противоположно: *λοιμός* значитъ чума, моровая, смертоносная язва, а *laimas* || *laima* || *laimė* — счастье, потомъ судьба, доля, которыя сближаютъ оба послѣднія значенія (такъ какъ судьба, доля можетъ быть и злая, смертельная) *laimas* и *λοιμός*.

И Лайму (богиню судьбы, счастья) мы часто встрѣчаемъ — какъ это уже и выше встрѣчалось, вмѣстѣ съ *Nelaimė* (несчастье, злосчастіе), какъ-то:

<i>Laima gąja ar Nelaimi</i>	Лайма ходила съ Нелаймою
<i>Pa celių runadamas.</i>	По дорожкѣ, разговаривая.
— <i>Ej, Laimi, tu pa priekšu,</i>	— Иди, Лайма, ты впередъ,
<i>Grūd Nelaimi ūdeni¹⁾...</i>	Столкни Злосчастіе въ воду.

* * *

* * *

<i>Nelaimite kąjas ava,</i>	Нелайма обуваетъ ноги,
<i>Dzirás manim lidzi nakt;</i>	Готовится мнѣ сопутствовать;
— <i>Nac, Laimi, tu man lidzi</i>	— Ступай, Лайма, ты со мною
<i>Basajám kájiřám!²⁾</i>	И босыми ногами!

Эта двоякая природа Лаймы тоже подтверждаетъ мое предположеніе, что эта богиня первоначально была облачной дѣвой. Шлейхеръ производитъ *Laima* (*Schicksalsgöttin*) отъ глагола *lemti* (опредѣлять судьбу). Онъ принимаетъ для *lemti*, лат. *lem-t* (того же значенія) корень *lam*, который онъ видитъ въ лит. *lam-stýti* [желать, *Ness. aus Brodovsky*]³⁾. Противъ этого надо возразить, что ни въ лит., ни въ лат. языкахъ нѣтъ примѣровъ, чтобы изъ *lam* произошло *laim*. Это могло бы лишь случиться съ корнемъ *lim*. И греч. *λοιμός*, можетъ

1) *Ag. M.* 1877.

2) *Спр.* стр. 308.

3) См. его *Litauische Grammatik* стр. 46.

быть, сближается съ *λοιμός*, *λεῖπω*¹⁾. Этимъ я ограничусь относительно Лаймы²⁾.

Что лат. текстъ такъ же, какъ лит., имѣлъ миѳическое начало, это мы можемъ заключить изъ 4-го варианта, въ которомъ тоже имѣется миѳическое начало. Съ народнымъ пѣвцомъ случилось здѣсь только недоразумѣніе. Вмѣсто того, чтобы начать съ Лаймы, какъ въ лит. пѣснѣ, онъ примѣнилъ здѣсь одинъ вариантъ о свадьбѣ дочери Солнца. Этотъ случай также свидѣтельствуетъ о подтвержденной выше склонности эпической поэзіи, повторять излюбленные стихи при подходящихъ случаяхъ. Замѣчательно, что въ 3-мъ лит. вариантѣ упоминается о мѣдномъ мостѣ (*variū til-tužis*). О мѣдномъ мостѣ говорится и въ лат. нар. пѣсняхъ (*ср. R. kr. VI, стр. 88; VIII, стр. 4 etc.*).

7. Юноша, умершій вслѣдствіе несчастной любви.

Этотъ паралл. текстъ богатъ содержаніемъ и вариантами. Юноша отправляется въ лодкѣ по волнамъ на смотрины. Онъ заѣзжаетъ въ усадьбу, гдѣ живутъ три красивыя дѣвушки, изъ которыхъ одна прядетъ, другая ткетъ и третья сучитъ шелкъ. На третьей-то онъ желаетъ жениться. Но такъ какъ этой младшей за него не выдаютъ, онъ умираетъ съ горя, выразивши свое желаніе, чтобы его похоронили въ лиловомъ, или розовомъ саду, подъ розовымъ кустомъ, или подъ розовыми листочками. На его могилѣ вырастаетъ пышная роза съ девятью верхушками. Сюда приходятъ каждое воскресенье, даже каждое утро, молодыя дѣвушки украшаться розами. Наконецъ онѣ узнаютъ въ одной благоухающей розовой почкѣ душу умершаго съ горя мѣлодца.

Сравнивая, прежде всего, внѣшнюю форму этихъ текстовъ, мы находимъ, что лит. текстъ, хотя онъ по содержанію вполне соотвѣтствуетъ латышскому, все-таки по размѣру отстаетъ отъ него. Въ лат. т., со всѣми его вариантами, господствуютъ четырехстопные трохеи. Между тѣмъ,

1) *Ср. Benseler, Griechisch-deutsches Schul-Wörterbuch.*

2) *R. kr. IX, моя статья: О трехъ богиняхъ судьбы.*

какъ 1-й и 3-й лит. вар. отличаются отъ латышскаго размѣромъ, 2-й же лит. вар., имѣя тоже упомянутые трохеи, совпадаетъ съ лат. пѣснями вполне.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ различія по содержанію. Лит. т. и его 1-й вар. имѣютъ въ началѣ десять стиховъ, повидимому, принадлежащихъ пѣснямъ о сиротѣ, и потому сюда не относящихся. Хотя и въ началѣ 2-го лит. варианта мы не находимъ никакого чужого прибавленія, все-таки здѣсь недостаетъ поѣздки въ лодкѣ, и конецъ этой дайны, впрочемъ, совершенно соотвѣтствующей лат. тексту, сокращенъ. 3-й лит. вариантъ есть не что иное, какъ конецъ пѣсни, сходной съ нашимъ паралл. текстомъ, хотя и имѣющей другое содержаніе. Какъ уже сказано, нашъ паралл. т. начинается поѣздкою въ лодкѣ. Лит. текстъ и его 1-й вар. называется даже рѣку Нѣманъ (Nemonele, dim.), по которой молодецъ ѣдетъ; лат. т. не упоминаетъ о водахъ, по которымъ совершается поѣздка, а только 9-й вар. называется море. Между тѣмъ, какъ въ 2-мъ лит. и 4-мъ и 5-мъ лат. вар. вовсе не сказано, какимъ образомъ юноша пріѣзжаетъ въ гости, изъ 1-го, 2-го, 3-го и 7-го лат. вар. явствуетъ, что онъ ѣдетъ верхомъ на смотрины. Наконецъ, въ 6-мъ, 8-мъ и 9-мъ лат. вар. поется также о поѣздкѣ въ лодкѣ, какъ и въ паралл. текстѣ и въ 1-мъ лит. вар. Занятіе трехъ дѣвушекъ, какъ по паралл. тексту, такъ и по вариантамъ, одинаковое. Только по 2-му лат. вар., упоминающему о четырехъ дѣвушкахъ, четвертая, младшая, кормитъ свиней и на ней-то парень желаетъ жениться. По лит. т. и его 1-му вар. сестрица срыгаетъ благовонный розовый бутонъ, и мать со слезами говоритъ: это не розовый цвѣтокъ, это душа юноши, умершаго съ горя. По лат. т. наряжаются у могилы молодца три дѣвушки. Число три намекаетъ здѣсь, повидимому, на трехъ дѣвушекъ, къ которымъ несчастный юноша пріѣхалъ на смотрины. Одна говоритъ: „Сорви розу!“ Другая отвѣчаетъ: „Нельзя срыгать!“ Третья дѣвушка говоритъ: „Это душа молодца, который умеръ съ горя по дѣвицѣ!“ По 2-му вар. это два сына бога (Dieva dēli), которые пріѣзжаютъ верхомъ къ могилѣ, отламываютъ у „золотыхъ“ розъ два сучка, приносятъ ихъ въ церковь Мари (Māras baznīcā) и украшаютъ ими алтарь Мари. Маря говоритъ: „Это душа молодца, умершаго съ горя.“ По 7-му вар. вырастаетъ на могилѣ юноши, похороненнаго подъ розовыми листочками, липа съ девятью верхушками. Сюда

приходятъ каждое утро дѣвушки, чтобы украшаться, но ни одна изъ нихъ не ломаетъ верхушки (? galvenieku). Пріѣзжаютъ верхомъ два сына бога и отламываютъ верхушку. 3-й вар., записанный на верхнелатышскомъ діалектѣ, тоже называется двухъ сыновъ бога, но въ другомъ отношеніи. По 9-му вар.¹⁾ вырастаетъ на краю могилы въ цвѣтникѣ пышная роза, и опять-таки не дѣвушки, а два сына бога отламываютъ верхушку и несутъ ее въ избу чужаковъ (tautu istabā). Такъ какъ мать дѣвушекъ (meitu māte) съ удивленіемъ смотритъ на такіе цвѣтки, ей говорятъ, что это не розовые цвѣтки, а душа юноши, умершаго съ горя, вслѣдствіе того, что онъ не получилъ той дѣвушки, которая сучить шелкъ. Напротивъ, по 5-му, 6-му и 8-му вар. дѣвушки плетутъ себѣ вѣночки у могилы, на которой выросла развѣсистая липа, и потомъ онѣ отправляются въ церковь Мари. Маря узнаетъ со слезами, что это душа юноши, умершаго съ горя. Наконецъ, какъ въ 2-мъ и 3-мъ лит., такъ и въ 1-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 7-мъ лат. вар. не встрѣчается метаморфозы.

Подобно тому, какъ здѣсь по нашему паралл. т. и его вариантамъ на могилѣ вырастаетъ роза или липа²⁾, вырастаетъ по португальскому народному романсу на могилѣ влюбленнаго кипарисъ, а на могилѣ любимой дѣвушки, тоже умершей съ горя, вслѣдствіе любви, — апельсинъ. Такія и тому подобныя превращенія, показывающія, что литовцы и латыши вѣровали въ извѣстнаго рода переселеніе душъ, встрѣчаются часто въ литовско-латышскихъ преданіяхъ. Такъ, напр., мы находимъ превращеніе любимой дѣвушки или вообще женщины въ птицу, рыбу и т. д. Многія такія превращенія мы встрѣчаемъ, напр., у Юшкевича въ его лит. дайнахъ (L. dainos 1242 — 1264). Уже упомянутый португальскій нар. романсъ показываетъ, что какъ влюбленный юноша, такъ и любимая дѣвушка превращаются въ голубя. По лат. нар. пѣснямъ³⁾ превращается любимая дѣ-

1) Подобный вар. встрѣчается и въ Latwija. II. No Lihgoschu Eernsta. Rihga, 1874, стр. 18.

2) Ср. это превращеніе ниже въ VI. Объ упавшемъ кольцѣ. Объ утонувшей дѣвицѣ.

3) Zim. III, 41 и 42. Bütt. 2494.

вушка, между прочимъ, въ соловья. Здѣсь надо сравнить греч. сказаніе о Филомелѣ. Въ древнія времена чрезвычайно часто встрѣчались превращенія.

Касательно сыновъ бога (лат. *Dieva dēli*, лит. *Dievo sunelei*) уже неоднократно говорилось выше. Во многихъ пѣсняхъ рѣчь идетъ только объ одномъ сынѣ бога, въ другихъ о нѣсколькихъ. Уже Мангардтъ указываетъ на то, что сынъ бога и планета Венера одно и то же существо. „Дальнѣйшее изслѣдованіе показываетъ, что его мнимое двойственное появленіе, какъ вечерней и утренней звѣзды, дало поводъ, принимать его за одного или за двухъ сыновъ бога, которые дѣйствовали вмѣстѣ или вечеромъ или утромъ.“ Доказательствомъ въ этомъ отношеніи служатъ пѣсни (Спр. стр. 303 и 313; Ulm. 470 и др.), гдѣ два горящіе на морѣ свѣтильники, которые въ первый разъ зажигаютъ сыны бога, а въ другой разъ сами сыны бога являются такими свѣтильниками, подъ которыми нужно подразумѣвать вечернюю и утреннюю звѣзду. Если о сынѣ бога упоминается отдѣльно, то это утренняя звѣзда, а иногда вмѣстѣ вечерняя и утренняя звѣзда, планета Венера. По пѣснѣ Спр., стр. 302, кажется, понятіе (сыновъ бога) распространяется на всѣ звѣзды¹⁾. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, упоминается о ста сынахъ бога, всадникахъ. По другимъ пѣснямъ (W. M. 42 и 43) стоятъ сѣрые кони сына божья во время сватанія передъ дверьми Солнца. Когда дочь Солнца восходитъ по розѣ на небо, она уже издали видитъ сына божья, сѣдлающаго своего коня (см. выше № 2). Божьи сыны приѣзжаютъ верхомъ и выпускаютъ своихъ коней въ золотой загонъ²⁾. „Куда дѣвались божьи кони?“ спрашиваетъ одна лит. пѣсня, и отвѣчаетъ: „божьи сыны на нихъ поѣхали. Куда поѣхали божьи сыны? Искать дочерей Солнца“³⁾. Божьему сыну, какъ всаднику, принадлежатъ и шпоры, которыя куетъ небесный кузнецъ⁴⁾.

Въ тѣсной связи находятся сыны божьи съ дочерью Солнца. Когда она восходитъ по розѣ, она встрѣчается съ

1) W. Mannhardt, Lett. Sonnenmythen стр. 306.
2) Спр. стр. 298. — W. M. 82.
3) Аван., Поэтич. возр. I, стр. 84.
4) Спр. стр. 313.

сыномъ божьимъ (см. выше). Сыны божьи служатъ шаферами, когда дочь Солнца выходитъ замужъ на западѣ¹⁾. Съ другой стороны говорится, что сыны божьи отняли кольцо у дочери Солнца²⁾. По другимъ пѣснямъ они находятъ ея кольцо утромъ на днѣ морскомъ³⁾. Когда она заходитъ въ море, тогда сынъ божій стоитъ на горѣ⁴⁾. Божьи сыны всю ночь до утра гребутъ въ лодкѣ, чтобы спасти жизнь дочери Солнца⁵⁾. Они зажигаютъ двѣ свѣчи на морѣ, ожидая дочь Солнца⁶⁾. Она сгребаетъ сѣно на Двинскомъ берегу, на-супротивъ Утренней звѣзды⁷⁾ (*Auseklis* мужск. р.), и она ломаетъ его мечъ⁸⁾. А большею частью выступаетъ сынъ божій женихомъ дочери Солнца. Пока она купается въ изгибѣ быстрой рѣчки, онъ подсматриваетъ изъ-за куста золотистыхъ лозъ⁹⁾. Когда онъ сватается за дочь Солнца, кони его провожатыхъ стоятъ (вечеромъ) передъ дверьми Солнца; онъ подаетъ ей руку чрезъ *Daugava* [черезъ Двину, большую воду]¹⁰⁾. *Auseklis* (утренняя звѣзда) оставляетъ хороводъ звѣздъ, отправляясь свататься за дочь Солнца (см. выше № 5); онъ (*Аусеклисъ*) рано восходитъ, желая жениться на дочери Солнца¹¹⁾. Божьи сыны строятъ для нея клѣтъ, а она проходитъ, трепеща, какъ листочекъ¹²⁾. . . и т. п.

Мангардтъ справедливо сравниваетъ *Dieva dēli* (лит. *Dievo sunelei*, божьи сынки) съ греч. *Διὸς κούροι* и инд. *açvī-nau*. Онъ говоритъ:

„Свѣдущій человѣкъ можетъ замѣтить, что латышскимъ сказаніямъ о сынахъ бога и о дочери Солнца или дочери бога вполне соотвѣтствуютъ греческія сказанія объ обоихъ Діоскурахъ и ихъ сестрѣ Еленѣ. Хотя ихъ сказаніе, какъ у Гомера, такъ и у Пиндара (въ Кипріяхъ) затемнено раз-

1) Ulm. 483.
2) Спр. стр. 311. — Ulm. 458.
3) Rh. 48 (172). Ness. 5. Schl. стр. 12.
4) Ulm. 469.
5) Bütt. 18. — Спр. стр. 312.
6) Спр. стр. 303; 313.
7) Ib. стр. 310.
8) Ib. стр. 311.
9) Ib.
10) W. M. 42.
11) Спр. стр. 315.
12) Ib. стр. 303.

ными чуждыми мотивами, все-таки у обоих по большей части почти въ чистомъ видѣ сохранилось болѣе древнее преданіе, которое, несомнѣнно, основывается на нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Солницѣ, въ родѣ гимновъ въ Ведахъ, или въ родѣ нашихъ лат. пѣсенъ, и соединило различные образы одной и той же мысли въ одно сказаніе.

Слову Dieva déli, Dievo sunelei по смыслу совершенно соотвѣтствуютъ гр. Διὸς κοῦροι. Какъ тѣ, такъ и другіе означаютъ утреннюю и вечернюю звѣзду¹⁾, изъ которыхъ одна является въ началѣ ночи тамъ, гдѣ солнце заходитъ и находится входъ въ преисподнюю, другая — въ началѣ дня. Поэтому Διὸς κοῦροι живутъ изо дня въ день попеременно одинъ въ могилѣ, другой въ сіяніи земного дня или у отца Зевса²⁾. — Ихъ сестра Елена (Ἑλένη рядомъ съ нимъ Ἑλένοϋ образовано изъ корня σφέλ = svar, какъ παρθένος отъ корня vardh расти, блестящая, утренняя заря или свѣтъ утренняго солнца) приводится у Гомера какъ дочь Солнца, дочь бога — Διὸς κοῦρη, κοῦρη Διὸς αἰγίοχοιο (Ил. III, 426), Διὸς ἐκχέχαινα (Од. IV, 184) и т. д. Если, кромѣ Зевса, ея родного отца, называютъ Тиндарея ея отцомъ передъ всѣмъ свѣтомъ, то это основывается, несомнѣнно, на различныхъ сказаніяхъ и гимнахъ, въ которыхъ, вмѣсто Зевса, именovali ея отцомъ Τυνδ-άρ-εος || Τυνδ-άρης [толкающій, колющій, der Stossende, Stechende]³⁾. Man fühlt sich versucht, dabei an jenes pfeil-artige Hervorstossen, Emporschiessen der ersten Lichtstrahlen des Morgens zu denken, прибавляетъ Мангардтъ.

По той же причинѣ, какъ Dieva déli, снабжены и Διὸς κοῦροι конемъ и телѣгою. Илиада III, 237 называетъ Кастора ἱππόδαμος, гимнъ Гомера къ Διὸς κοῦροι означаетъ обоихъ братьевъ ταχέων ἐπιβήτορες ἵππων, что Voss⁴⁾ какъ въ Од. XVIII, 263, отнесъ къ взлѣзанію на телѣгу, запряженную конями. Вмѣстѣ съ тѣмъ другіе поэты, основываясь на болѣе древнихъ преданіяхъ, или на субъективномъ мнѣніи, изображали Διὸς κοῦροι всадниками. У Эврипида проявляется

еще болѣе древнее представленіе. Διὸς κοῦροι называются возникшими, правящими бѣлыми конями λεύκιπποι (Hel. 646), и 1511 поется:

μόλοιτε ποτ' ἵππιον ἄρμα
δι' αἰθέρος ἰέμενοι,
παῖδες Τυνδαρίδαι,
λαμπρῶν ἄστρον ὑπ' ἀέλλαισιν.

Пиндаръ (Pyth. I, 126. Ol. 3, 39) называетъ Диоскуровъ λευκόπῳλοι, εὐίπποι. Достоверность этого названія подтверждается сказаніемъ, что сыны Зевса похищаютъ себѣ въ супруги Левкиппидовъ Фойбе (чистая, ясная. Curtius Grundz. Aufl. 2. 581) и Гилайру (веселая, срав. ἱλαρὸν φέγγος яркій свѣтъ дня), о которыхъ Preller II 98 справедливо говоритъ: Ихъ имена Гилайра и Фойбе обозначаютъ блестящій свѣтъ и ясный блескъ, ихъ отца Левкиппа надо понимать какъ λευκόπῳλος ἡμέρα¹⁾. Итакъ, сыны неба имѣютъ сестрою красивѣйшую изъ всѣхъ женщинъ, Утреннюю зарю (-разсвѣтъ); сватаясь они протягиваютъ руку геніямъ утренней зари или дневному свѣту.

Мангардтъ продолжаетъ: „Какъ варианты, лишь въ другой формѣ, съ весьма родственнымъ содержаніемъ, лат. пѣсни о Солницѣ помогаютъ намъ понимать сохранившіеся (въ Кипріяхъ у Пиндара Nem. X 55 и слѣд., Apollod. III 11, 2) традиціи, что Диоскуры начали спорить изъ-за стада рогатаго скота съ обоими Афаретидами Линкеемъ (Lichtmann, Lichtmacher? oder der wie ein Luchs sehende) и Идасомъ (der Sehende? Sehenmachende?). Диоскуры скрываются въ дуплѣ дуба (δρυὸς ἐν στελέχει), чтобы подстеречь своихъ враговъ, но Линкей, имѣющій изъ всѣхъ земныхъ жителей самое острое зрѣніе, увидѣлъ ихъ, посмотрѣвъ внизъ съ горы Тайгета²⁾. Идасъ закалываетъ Кастора и бросаетъ въ грудь Полидевка камень съ могилы своего отца Афа-

1) Welcker, Griechische Götterlehre I, стр. 606 и слѣд. стр.

2) Kyprien bei Pindar. Nem. X 86 sq. — W. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 309.

3) Curtius, Grundz. Aufl. 2, 204.

4) Myth. Briefe II, 1.

1) Ср. тамъ же бѣлаго коня дня и W. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 95.

2) Точно такъ же глядитъ сынъ божій съ ивоваго куста, см. выше и срав. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 297 и 309.

рея¹⁾, а его самого поражает молнія Зевса, послѣ того какъ Полидевкъ пронзилъ Идаса копьемъ. Такъ какъ Полидевкъ хочетъ умереть вмѣстѣ со своимъ братомъ, то Зевсъ позволяетъ своимъ сынамъ попеременно пребывать то на небѣ, то въ преисподней.

„Я не согласенъ съ ходячимъ мнѣніемъ“ — говоритъ Мангартъ — „что Афарида мессинскіе Діоскуры, но я вижу въ нихъ въ сравненіи съ утренней и вечерней звѣздой два олицетворенія того времени, когда начинается свѣтать, именно, двойниковъ Левкиппидовъ и латышской дочери Солнца. Какъ послѣдняя то выступаетъ въ качествѣ невѣсты сына божья, то пляшетъ съ нимъ подъ кленомъ, вѣшаетъ вмѣстѣ съ нимъ свое кольцо на дубъ (солнечное древо ночи), то, напротивъ, ломаетъ его мечъ, такъ Афаретиды въ спорѣ о коровахъ (красные свѣтовые лучи утра, ср. 350 коровъ Геліоса) могли являться противниками (гасильщиками) Діоскуровъ, сидящихъ въ дубу (какъ Астеринъ подъ деревомъ, въ которое онъ впоследствии превращается, см. у Манг. стр. 237). Смерть Кастора отъ камня, брошеннаго Идасомъ, соотвѣтствуетъ вполне бросанію камня Солнцемъ въ Мѣсяцъ въ нашей лат. пѣснѣ²⁾. Камень — это солнечный шаръ, прекращающій блескъ утренней звѣзды. Что камень взять съ могилы отца Афаретидовъ, эта мысль приходится здѣсь кстати, если подъ Афаретомъ (форма Афарей *Ἀφαρίστειον*) подразумѣвать умершаго бога Солнца прошедшаго дня, т. е. бога Солнца, еще не облекшагося (покрываломъ ночи) *ἄ-φάρητος* отъ *φάρος*, *φάρος* покрывало, покровъ, ср. *ἄ-κόσμητος* отъ *κόσμος*“³⁾.

Уже Welcker и Preller замѣтили близкое родство греческихъ Діоскуровъ съ обоими Асвінаи индійцевъ. „Еще яснѣе аналогія послѣднихъ съ сынами божьими въ латышскихъ пѣсняхъ о Солницѣ“, говоритъ Мангартъ. Асвины

1) Pindar Nem. X, 123: *Τοὶ δ' ἔσαν-
τα σάθεν τύμβῳ σχεδὸν πατρώϊῳ.
Ἐνθεν ἀρπάξαντες ἡ-
γαλμ' Αἶδα, ξεστὸν πέτρον
Ἐμβαλὼν στέρνῳ Πολυδεύ-
κεος.* — —

2) Ср. выше № 4.

3) Lett. Sonnenmythen стр. 311 и 312.

называются *Divô parâtâ*¹⁾, сынами *Dyaûs'a*, неба. Ихъ имя Асвінаи, хотя оно первоначально и означаетъ владѣльца лошадей или всадника, или сына коня²⁾ (*асва* жеребецъ = солнце, *асва* кобыла = утренняя заря), представляетъ намъ лучи свѣта въ видѣ коней³⁾. Слово, соотвѣтствующее индійскому *асва*, встрѣчается въ лит. *ašva*, *os*, *f.* (кобыла, заводская кобыла), *ašvinis* (лошадь), старопрусс. *asvinan* (кобылье молоко), лат. *ašavi* (какое-нибудь зелье, у Stend. *Binsen*), срав. гот. *eihva-tundi* (лошадиный зубъ). По моему мнѣнію, сюда относится и старопрусс. *kauwe* (кобыла), лат. *ķēve*, диалект. *ðēve* (кобыла). Здѣсь слѣдовало бы констатировать ту же самую перестановку, какова, напр., встрѣчается въ русск. „камень“, литовско-лат. *akmens* и санскр. *āṣṭan*. Итакъ, въ лат. *ķēve* || *ðēve* существовала бы древняя форма, въ которой еще сохранился первичный звукъ *k*. Сюда можно было бы прибавить еще нѣсколько примѣровъ, какъ то: лат. *kuņa* (сука; срав. гр. *κύων*, латинск. *canis* вм. *svanis*, санскр. *śva*, гот. *hup-ds*) рядомъ съ этимъ лит. *šū*, лат. *sunis* (собака). Въ описаніи, встрѣчаемомъ въ Ведахъ о Асвинахъ, не трудно узнать олицетвореніе двухъ звѣздъ, никогда не являющихся одновременно. Мангартъ видитъ и въ нихъ вечернюю и утреннюю звѣзду. „Но онѣ тѣсно связаны, такъ какъ ихъ отношеніе къ солнцу и къ утренней и вечерней зарѣ, какъ въ то, такъ и въ другое время дня, сходно. Онѣ представляются видными и дѣятельными преимущественно утромъ, такъ какъ восходъ солнца во всѣ времена сильнѣе дѣйствовалъ на воображеніе человѣка, чѣмъ закатъ солнца. Знаменитый комментаторъ Ведъ, Yaska, приводитъ древнюю пѣсню, по которой одинъ называется сыномъ Ночи, другой — сыномъ Утренней зари; первый наполняетъ все сыростью, другой — свѣтомъ. И въ одной строфѣ Ригъ-Веды тотъ называется побѣдоноснымъ, пребывающимъ въ воздухѣ, другой — счастливымъ и сыномъ *Dyaûs'a*, и отождествляется съ солнцемъ. Но люди къ обоимъ одинаково взываютъ и приносятъ какъ тому, такъ и другому жертвы. Они появляются раньше всѣхъ боговъ передъ восходомъ солнца, когда

1) Muir, original Sanscrit texts Vol. V, London 1872 стр. 235.

2) По лат. сказаніямъ одинъ герой имѣетъ матерью кобылу.

3) Ср. M. Müller, Vorlesungen über Wissensch. d. Spr. II, 451.

послѣ полуночи свѣтъ начинаетъ бороться съ темнотой и ночь уступаетъ утренней зарѣ. Тогда, только начинаетъ разсвѣтать, они запрягаютъ своихъ коней въ телѣгу и спускаются внизъ на землю, чтобы принять благоговѣйное поклоненіе и жертвоприношенія отъ своихъ поклонниковъ¹⁾. Поэтому вечерняя или утренняя заря (Ušas) и называется ихъ сестрою. Ее во многихъ другихъ гимнахъ, когда рѣчь идетъ о ея бракосочетаніи съ Асвинами, называютъ *κατ' ἑξοχῆν* *Suryā*, т. е. греческ. *Hellē*, или санскр. *Divō duhitā*, дочь неба, *Διὸς θυγάτηρ*, при чемъ они сами называются — сынами неба (*Dyaús*). Она рождается, когда они запрягаютъ своихъ коней въ повозку²⁾. Но Ušas называется и *Suryasya duhitā*, дочь Солнца, и въ Ведахъ говорится, что дочь Солнца стоитъ на телѣгѣ Асвиновъ, что она избрала ихъ обоихъ своими супругами. Но по одному гимну (*Rigv. X 85, 9. 14*) Сомѣ былъ счастливый женихъ дочери Солнца, *Suryā*, и *Aśvināu* два друга счастливаго жениха, сопровождающие его въ свадебной поѣздкѣ, когда *Savitar* (богъ Солнца) выдаетъ свою дочь за Сому³⁾. И *Sayana* рассказываетъ, по одному брагману, что *Savitar* рѣшилъ выдать свою дочь *Suryā* замужъ за царя Сому (*Soma*). Всѣ боги старались получить ея руку; съ этою цѣлью они согласились, что тотъ, кто на скачкахъ, на которыхъ солнце должно быть цѣлью, побѣдитъ, получить ея руку. Асвины побѣдили противниковъ, завладѣли ею, и она сѣла къ нимъ въ телѣгу⁴⁾. — *Soma* олицетворенный напитокъ боговъ ведическаго вѣка. Если принять въ указанныхъ выше мѣстахъ, какъ это часто встрѣчается въ *Атарваведѣ*, въ болѣе новыхъ гимнахъ *Ригъ-Веды* и въ *Брагманахъ*⁵⁾, что Сомѣ есть названіе луны, то порядокъ мыслей будетъ ясенъ. It is not unnatural, from the relation of the two luminaries, that he (der Mond) should have been regarded as son in law of the sun⁶⁾. Можетъ быть, что въ этихъ преда-

1) Muir тамъ же стр. 238.

2) Muir тамъ же стр. 238. — M. Müller, Essays II 82.

3) Muir тамъ же стр. 237.

4) Muir тамъ же стр. 236.

5) Muir тамъ же стр. 271.

6) Muir тамъ же стр. 237.

ніяхъ слово *Soma* замѣняетъ названіе луны въ болѣе древней формѣ. Если допустить это предположеніе, то можно найти въ латышскихъ пѣсняхъ (о сынахъ божьихъ, везущихъ приданое дочери Солнца; о дочери Солнца, проходящей клѣтъ обоихъ сыновъ божьихъ; о соперничествѣ Мѣсяца съ сынами божьими при сватаніи къ дочери Солнца) поразительныя соотвѣтствія. Миѣическую основу *Левкиппидовъ* М. Мюллеръ¹⁾ справедливо находитъ въ *Rigv. I 115, 2*: „Асвины торжественно женятся на Утренней зарѣ, которую везутъ бѣлые кони“²⁾.

Возвращаясь отъ изложеній *Мангардта* къ нашимъ лат. вариантамъ (2, 3, 7 и 9), въ которыхъ тоже встрѣчаются *Dieva dēli*, мы находимъ, съ одной стороны, что этихъ пѣсенъ *Мангардтъ* не зналъ и, съ другой стороны, что въ нихъ говорится о сынахъ божьихъ при такихъ обстоятельствахъ, что они не совсѣмъ подходятъ подъ выше приведенное описаніе. За исключеніемъ 3-го вар., по которому оба сына бога (*Dīva dalēni*) рано отправляются вѣнчаться (*Agry brauīca laulotus*) и такимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, подходятъ подъ описаніе *Мангардта*, три прочіе варианта, по которымъ оба сына бога (*divi Dieva dēli*) подѣбзаютъ къ могилѣ юноши, умершаго съ горя, и отламываютъ два сучка у золотой розы (2. var.), или верхушку липы (7. var.), или, наконецъ, верхушку пышной розы (9. var.), — эти три варианта по ихъ миѣическому содержанію еще темны. Впрочемъ, мы еще ниже нѣсколько разъ встрѣтимъ сыновъ божьихъ.

8. Божественное родство сироты.

Заканчивая обзоръ миѣическихъ пѣсенъ, приведемъ еще этотъ паралл. текстъ. Хотя здѣсь налицо и нѣтъ полного паралл. текста, все-таки мы находимъ въ немъ, какъ на лит., такъ и на лат. сторонѣ сходный порядокъ мыслей, сходное религіозное представленіе и чувство. Въ этомъ текстѣ говорится, что сирота имѣетъ матерью Солнце (*Saule*) или Лайму (судьбу), отцемъ — Мѣсяца (*Mēnā*) или бога

1) Essays II 82.

2) W. Mannhardt, Lett. Sonnenm. стр. 313 и 314.

(Dievs), сестрою — звѣзду (*Žvaigžde*, fem. gen.) и братомъ — Семизвѣздіе (*Sietas*, m. gen.) или братьями — сыновъ божьихъ (*Dieva dēli*).

Лит. вар. показываетъ различіе только въ томъ, что въ немъ сиротою является — юноша, между тѣмъ какъ выше сиротою была дѣвушка, и ясныя звѣзды (въ большомъ числѣ) на небѣ — его сестры, зеленые дубы въ лѣсу — его братья и ясная Денница (*švēsi aušra*) на небѣ — его невѣста. Подобныя этому представленія встрѣчаются и во многихъ лат. нар. пѣсняхъ.

Родственные представленія этимъ лит. и лат. пѣснямъ мы находимъ въ одной русской пѣснѣ, которую изъ Липецкаго уѣзда, Тамбовской губ., приводитъ А. Аванасьевъ въ своемъ сочиненіи:

„Перевозчикъ, добрый мѡлодецъ!
Перевези меня на свою сторону“.
— Я перевезу тебя — за себя возьму.

Въ отвѣтъ ему говорить красная дѣвица:

„Ты спросилъ бы меня,
Чьего я роду, чьего племени?
Я роду ни большого, ни малаго:
Мнѣ матушка — красна Солнушка,
А батюшка — свѣтѣль Мѣсяцъ,
Братцы у меня — часты Звѣздушки,
А сестрицы — бѣлы Зорюшки“¹⁾.

Мангардтъ видитъ и въ этой дѣвицѣ зарю, какъ дочь Солнца, которая проситъ перевозчика перевезти ее чрезъ воду (ночной небесный океанъ) на свою сторону²⁾. По этому дѣвица въ нашемъ паралл. текстѣ не есть земная сирота, а первоначально осиротѣвшая дочь Солнца, о которой уже выше говорено было подробнѣе. Одна лат. пѣсня ясно говоритъ о дочери Солнца, какъ о сиротѣ, сравниваетъ ее съ землею сиротою и подтверждаетъ, такимъ образомъ, выше упомянутое мнѣніе Мангардта, что онѣ, должно быть, тождественны. Эта пѣсня гласитъ:

1) Поэтич. возвр. I 80.
2) Lettische Sonnenm. стр. 305.

Neraudi, man' māsīpa,
Ne tu viena bārenīte;
Saulitei viena meita,
I ta pati bārenīte¹⁾.

Не плачь, моя сестрица,
Ты не одна сиротинка;
У Солнышка одна дочь,
И та даже сиротинка.

При всемъ томъ и человѣкъ находится въ очень близкихъ отношеніяхъ къ звѣздамъ. Такъ, напр., съ паденіемъ звѣзды приводится въ связь рожденіе дитяти, и послѣ смерти человѣкъ, въ качествѣ звѣзды, нисходитъ въ жилище душъ:

Ne ta zvaigzne visu nakt',
Kur' ūslēca vakarā;
Us pusnakti ieligoja
Dvēselīšu namiņā²⁾.

Не всю ночь (свѣтитъ) звѣзда,
Которая восходитъ вечеромъ;
Къ полуночи она нисходитъ
Въ жилище душъ.

И Daugava (большая небесная вода) полна дорогихъ душъ, повидимому, въ родѣ еще не сверкающихъ звѣздъ:

Daugaviņa, melnacīte,
Melna tek vakarā;
Kā ta melna ne teceja,
Pilna dārgu dvēselīšu!³⁾

Двинушка, черноглазая,
Черная она течетъ вечеромъ;
Какъ не течь ей черною, —
Она полна дорогихъ душъ
(жизней Спр.).

Въ этихъ и другихъ лат. пѣсняхъ часто встрѣчается очень древнее вѣрованіе, по которому души умершихъ незримы на небесномъ пространствѣ или пребываютъ во мракѣ ночного неба. Поэтому дитя съ заходящимъ Солнцемъ посылаетъ вечерній привѣтъ усопшей матери⁴⁾.

Уже выше, въ № 4, гдѣ Мѣсяцъ женится на Солнцѣ, рѣчь была о томъ, что отъ ихъ брака рождались дѣти-звѣзды. Лит. текстъ со всѣми своими вариантами еще подтверждаетъ это. — Частыя тройныя повторенія въ лит. дайнахъ, повидимому, свидѣлствуютъ, что здѣсь передъ нами древніе священные гимны, которые, можетъ быть, когда-то пѣлись при богослуженіи. Число три издревле священно. Такимъ образомъ и литовецъ и латышъ встрѣчались въ своей земной

1) Ag. M. 164.

2) Спр. стр. 315. — Мангардтъ (стр. 324) видитъ въ этой звѣздѣ вечернюю-утреннюю звѣзду.

3) Спр. стр. 12.

4) Ib. стр. 310, 8.

скорби, въ безпомощномъ состояніи сиротъ, на общей почвѣ, по случаю призванія общихъ божествъ, замѣняющихъ имъ часто отца и мать, брата и сестру.

III. Военныя пѣсни.

Литовскія и латышскія военныя пѣсни весьма своеобразны. Очень рѣдко онѣ приводятъ насъ на театръ войны или въ самую борьбу. По большей части въ нихъ говорится о приготовленіяхъ къ войнѣ. Вороны, лебеди, синица несутъ сестрѣ извѣстіе о томъ, что братъ ея долженъ отправиться на войну. Сестры помогаютъ брату одѣваться и украшаютъ его надлежащимъ образомъ передъ важной поѣздкой. Съ пѣніемъ онѣ его наряжаютъ и со слезами провожаютъ его. Конечно, отецъ и мать, а также и возлюбленная принимаютъ во всемъ живое участіе. Уѣзжая верхомъ, братъ оставляетъ условный знакъ, по которому можно узнать, возвратится ли онъ или нѣтъ. Онъ сажаетъ, напр., дубъ. Если дубъ зазеленѣетъ, то братъ возвратится, если дубъ засохнетъ, то братъ не возвратится и т. п. Потомъ слѣдуетъ трогательное прощаніе, вопросъ: когда онъ возвратится, и отвѣтъ: спустя девять лѣтъ (отъ „лѣто“, *ra devīri vasarī*); если онъ самъ не возвратится, то прибѣжитъ его конь домой; спросите его, гдѣ остался всадникъ etc., etc. Многіе тому подобные образы представляютъ какъ лит., такъ и лат. военныя пѣсни въ параллельныхъ текстахъ и вариантахъ. Такъ же въ нихъ поется и рассказывается, какъ прибѣгаетъ домой обрызганный кровью конь и отвѣчаетъ сестрамъ на ихъ вопросы, что всадникъ-братъ остался тамъ, гдѣ рѣки кровью текутъ, гдѣ строятъ мосты изъ костей и т. д. Многія пѣсни этого отдѣла содержатъ миѣическіе элементы, доказывая тѣмъ глубокую древность. Такъ, напр., когда сестры, заливаясь слезами, спрашиваютъ, кто имъ будетъ помогать горевать по убитомъ братѣ, самое благодѣтельное божество готово имъ помогать.

Солнышко говорило, заходя:

Я буду вамъ помогать горевать по братѣ;

Девять дней по утрамъ я буду закутываться въ туманъ,

А на десятое утро не взойду.

Слѣдовательно, само солнце готово закрыться траурнымъ покрываломъ и одинъ день даже не восходитъ, скорбя о павшемъ героѣ. Оно готово приостановить свое теченіе, какъ во времена Иисуса Навина, когда боролись дѣти Израиля. Въ этихъ военныхъ пѣсняхъ, какъ уже сказано, заключаются иногда миѣическіе элементы. Въ нихъ поется и рассказывается, напр., что сыны божьи обходятъ театръ войны, собирая души покойныхъ. Найдя одну изъ павшихъ душъ, они завертываютъ ее въ бѣлую пелену, приносятъ въ священную сѣнь, укладываютъ въ божью колыбель (*Dieva šūpuli*); приставляютъ качать Марю (или Лайму), которая качаетъ, припѣвая:

„Убитого воина душенька,
Безсмертна ты во вѣки вѣковъ.“

Здѣсь, стало-быть, открывается намъ видъ на извѣстнаго рода Валгаллу латышей.

Далѣе, эти пѣсни приводятъ намъ и другіе образы: Два голубя пьютъ изъ лужи, и оба воркуютъ; два брата отправляются на войну, оба ѣдутъ въ раздумьи: итти или нейти, или остаться имъ на родинѣ? На родинѣ жизнь хороша и т. д. Или отправляясь на войну, братъ оставляетъ сестру въ колыбели; возвратившись назадъ, онъ находитъ ее взрослою. Или, наконецъ, не избавляетъ юноши отъ войны ни отецъ, ни мать, ни сестра, ни братъ, а возлюбленная.

Итакъ, мы видимъ, что эти своеобразныя лит. и лат. даины имѣютъ темою преимущественно прощаніе, возвращеніе или невозвращеніе воина изъ войны, изъ чего мы заключаемъ объ ужасахъ войны. „Гдѣ въ нихъ встрѣчается отголосокъ историческихъ событій, тамъ является всемірно-историческій фактъ большею частью лишь подкладкой, которая подлежитъ чисто субъективно-лирическому воззрѣнію.“¹⁾ Если уже въ соотвѣтствіяхъ лит. и лат. пѣсенъ находится свидѣтельство ихъ глубокой древности, то, напротивъ, другія пѣсни, въ которыхъ встрѣчаются такія имена, какъ-то: Вильна, Рига, Прусская земля или Прусс. граница, куда отправляются лит. и лат. воины на своихъ быстрыхъ коняхъ, ясно свидѣтельствуютъ, что эти пѣсни относятся ко времени

ордена или, по крайней мѣрѣ, къ тому времени, когда примѣнялись упомянутыя имена.

1. Два голубя, два брата.

Здѣсь мы имѣемъ, собственно говоря, только нѣсколько стиховъ, составляющихъ паралл. текстъ. Но они для насъ очень поучительны. — Два голубя пьютъ изъ лужи. Они пьютъ въ раздумьи: пить, или не пить, или махать крылышками? Напившись, они взмахиваютъ крыльями и улетаютъ въ лѣсъ и садятся тамъ на ель. Два брата ѣдутъ верхомъ по дорогѣ [лит. т.] ¹⁾, или идутъ пѣшкомъ, ѣдутъ верхомъ на войну (лат. т.). Оба они отправляются въ раздумьи: итти или нейти, или разсѣдлать коней (лит. т.)? или остаться на родинѣ? — Это лишь немного различающееся соотвѣтствіе параллельнаго текста, имѣющаго со всѣми своими вариантами одинъ и тотъ же трохаическій размѣръ.

Конецъ обѣихъ пѣсенъ, совпадающихъ въ началѣ, имѣетъ во всемъ и одинаковое содержаніе, именно, описаніе домашней жизни. По соотвѣтствію текста, здѣсь передъ нами только часть военной пѣсни, потому что объ обоихъ лит. братьяхъ говорится лишь, что они ѣдутъ верхомъ по дорогѣ или по полю (2. var.). Оба же лат. брата, о которыхъ въ текстѣ и во всѣхъ вариантахъ ясно сказано, что они отправляются на войну, все-таки размышляютъ о преимуществахъ домашней жизни, сравнительно съ военною жизнью, и, слѣдовательно, насчетъ этихъ братьевъ тоже неизвѣстно, принимаютъ ли они дѣйствительно участіе въ войнѣ.

Что касается вариантовъ, то 2-й лит. вар., представляя цѣлую пѣсню, соотвѣтствуетъ, большею частью, какъ 2-му лат. вар., такъ и самому тексту. Здѣсь выражаются чувствованія любовной жизни и, какъ лат. вариантъ, такъ и лат. текстъ упоминаютъ какъ бы въ противоположность мирной жизни, о суровой походной жизни.

Какъ уже сказано, и этотъ паралл. текстъ для насъ очень поучителенъ. Ибо онъ показываетъ, что въ пѣсняхъ,

1) Jušk. L. d. 1169, 15 размышляютъ оба брата о томъ, кому изъ нихъ ѣхать верхомъ на войну (katrām karān joti).

почти совсѣмъ различнаго содержанія, часто повторяются тѣ же самые излюбленные стихи и обороты. Такъ, напр. здѣсь встрѣчается сопоставленіе двухъ голубей съ двумя братьями и далѣе сопоставленіе этихъ послѣднихъ съ двумя сестрами, шьющими (въ клѣти) въ раздумьи: шить имъ или не шить, или нешитое подарить (лит. т.)? Народъ придерживается многихъ подобныхъ тому излюбленныхъ оборотовъ, прибавляя ихъ къ новымъ пѣснямъ. По моему мнѣнію, это случилось здѣсь въ 2-мъ и 3-мъ лат. вар. ¹⁾. Здѣсь это древнее, типичное сопоставленіе служить, повидимому, началомъ солдатской пѣснѣ болѣе новаго времени. Это могло случиться тѣмъ болѣе, что типичные обороты здѣсь, какъ и въ другихъ пѣсняхъ, такого общаго содержанія, что они легко подходятъ подъ всякую связь мыслей, въ особенности, когда эта связь шатка, какъ это обыкновенно бываетъ въ народныхъ пѣсняхъ. Влѣдствіе этого и понятно, что эта пѣсня, имѣющая въ лит. языкѣ болѣе характеръ идилліи, а въ лат. характеръ военной пѣсни, можетъ имѣть одно и то же типичное начало. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, насколько въ этомъ текстѣ заключаются соотвѣтствія, настолько онъ является общимъ достояніемъ литовцевъ и латышей. Которой изъ пѣсенъ, литовской или латышской, принадлежитъ старшинство, это трудно сказать. Въ 3-мъ лат. вар. встрѣчается слово Kurzeme (Курляндія), чѣмъ означено литовское сосѣдство, и въ 4-мъ вар., содержащемъ серьезную военную пѣсню съ трагическимъ исходомъ, упоминается о литовской границѣ (Leišu robežas), гдѣ палъ на полѣ брани всадникъ-знаменосецъ. Эти слова — Kurzeme и Leišu robežas — намекаютъ на сношеніе обоихъ народовъ. Если въ этой пѣснѣ упоминается о сраженіи, случившемся на лит. границѣ, то мы имѣемъ въ томъ достаточный залогъ глубокой древности этой пѣсни. Это значитъ, что эта пѣсня относится ко временамъ ордена, и даже указываетъ на времена борьбы латышей (земигаловъ) съ литовцами. Въ виду этихъ фактовъ, мы должны констатировать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ древнею военною пѣснею, при чемъ не исключается и то, что ея начало, parallelismus membrorum, можетъ быть,

1) Подобный вариантъ встрѣчается и въ Latwija. II. No Lihgoschu Eernsta* стр. 35.

заимствовано изъ литовскихъ пѣсенъ, потому что въ лит. текстѣ имѣется одной параллелью больше, чѣмъ въ лат. Съ другой же стороны, начало того, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, въ лат. текстѣ и его вариантахъ, представляетъ большую разновидность, чѣмъ въ лит. Итакъ, право насчетъ старшинства на обѣихъ сторонахъ почти одинаково. Далѣе, несомнѣнно лишь то, что мы встрѣчаемъ здѣсь древнѣйшій типъ стиховъ, который, какъ латыши, такъ и литовцы примѣняли къ болѣе новымъ произведеніямъ. Конецъ лит. текста:

Ī tris kertes šilkus siuvo, Въ трехъ углахъ (? платка) она
вышиваетъ шелкомъ,

Ī ketvirtā sava vardā. Въ четвертомъ свое имя.

соотвѣтствуютъ латышскимъ стихамъ:

Vidū savu sirdi šuvu, Въ серединѣ я вышила свое
сердце,

Apkārt šuvu mīlas domas. Вокругъ я вышила милыя мысли.

2. Сестра война.

Здѣсь мы также находимъ соотвѣтствіе между цѣлыми пѣснями. Притомъ мы встрѣчаемъ и здѣсь одинаковый размѣръ, четырехстопные трохеи. — Братъ, отправляясь на войну, оставляетъ маленькую сестрицу въ колыбели. Возвратившись назадъ, онъ находитъ ее взрослою и болѣе не узнаетъ ея. Онъ спрашиваетъ матушку, кто эта красавица-дѣвица? и получаетъ въ отвѣтъ, что это его сестра, которую онъ оставилъ въ колыбели¹⁾. — Лит. пѣсня отличается въ концѣ отъ латышской. По лит. дайнѣ братъ находитъ, что его взрослая сестра качаетъ въ колыбели своего малютку. Это его такъ раздражаетъ, что онъ хочетъ самымъ острымъ мечемъ отрубить сестрѣ голову. Мать, успокоивая его, проситъ его, не дѣлать этого въ субботу, а въ воскресенье, чтобы много людей видѣли это и чтобы другія дѣвушки такъ не поступали. По лат. пѣснѣ братъ говоритъ насчетъ прекрасной, взрослой сестры, что еслибъ онъ зналъ раньше, что его сестрица такъ выросла, онъ купилъ бы ей

вѣнчекъ съ серебряными привѣсками, чтобы она вспоминала о немъ, сидя на концѣ за столомъ подлѣ суженаго. Лит. текстъ имѣетъ, какъ это видно, при сравненіи съ лат. пѣснями и съ лит. вариантомъ, новое лишнее начало, заимствованное, повидимому, изъ застольныхъ пѣсенъ.

Въ главныхъ чертахъ и варианты соотвѣтствуютъ между собою. По лит. варианту воинъ оставляетъ дѣвушку (mēgēle) въ колыбели, по лат. сестру. Возвратившись домой, онъ находитъ дѣвушку за ткацкимъ станкомъ, или сестру усердною швейкою. Онъ спрашиваетъ дѣвушку, кто ей сдѣлалъ новый станокъ etc. (лит. вар.), или онъ проситъ швейку, вышить ему военное знамя — зеленое или красное —, такъ какъ она его больше не увидитъ. Слѣдовательно, онъ отправляется опять на войну. Онъ говоритъ: Если бы была моя воля, я взялъ бы съ собою тебя на прусскую границу. Тогда бъ ты увидѣла, сестрица моя, какую жизнь ведетъ твой братецъ: сабли летаютъ вокругъ, огонь опаляетъ глаза (Брив. 1012).

3. Вѣсть о войнѣ.

Этотъ паралл. т. отличается многочисленными вариантами, какъ на лит., такъ и на лат. сторонѣ. Я не могъ здѣсь привести ихъ всѣхъ, такъ какъ, напр., у Юшкевича еще многія пѣсни содержатъ отголосокъ приведенныхъ здѣсь образцовъ. Въ этихъ дайнахъ разсматриваемый предметъ какъ у литовца, такъ и у латыша очень легко измѣняемъ, о чемъ свидѣлствуютъ уже многочисленные варианты. Притомъ въ этихъ пѣсняхъ господствуетъ древнее, оригинальное воззрѣніе. Содержаніе этого паралл. текста вкратцѣ слѣдующее.

Прилетаютъ голуби (лит. т.) или синица (лат. т.) съ вѣстіемъ, что братъ долженъ отправиться на войну. Потомъ сестры одѣваютъ и украшаютъ брата. Со слезами онѣ провожаютъ его и спрашиваютъ его при прощаніи, когда онъ возвратится. Лит. братъ говоритъ, что онъ возвратится тогда, когда разцвѣтетъ красная роза отца; латышъ говоритъ: Плачь, сестрица, или не плачь, но больше ты меня не увидишь!... Если ты не дождешься меня, то ожидай моего коня чрезъ девять лѣтъ, въ ту пору, когда цвѣтетъ черемуха. Спросите моего коня, гдѣ остался

1) Срав. и вариантъ въ Latwija. II, стр. 1.

всадникъ¹⁾. Въ одно воскресное утро роза разцвѣла, но братъ не возвратился. Лит. сестры ходятъ на гору къ ясенному забору ожидать брата. Онѣ переходятъ черезъ гору и долину, снимаютъ ясенный заборъ, — братъ не возвращается. Наконецъ бѣжитъ конь безъ брата домой, и на вопросы сестеръ онѣ отвѣчаютъ, что брата убили въ битвѣ и пустили его на волю. Девять рѣкъ переплылъ онѣ и чрезъ десятую рѣку пронырнулъ. Тогда сестры начинаютъ рыдать, приговаривая, кто имъ будетъ помогать горевать о братѣ. Солнце говоритъ, что оно имъ поможетъ горевать. Девять дней по утрамъ оно готово закутываться въ туманъ, а на десятое утро не взойдетъ. По лат. тексту прибѣжавшій домой конь рассказываетъ: Тамъ остался всадникъ, гдѣ лежатъ мужи, какъ дубы; гдѣ изъ сабель складываютъ костры, изъ шапокъ мечутъ стоги. . . Не прошло и часа времени, двѣ рѣки потекли кровью, а третья — горькими слезами!²⁾

Лит. пѣсня, представленная въ видѣ варианта, за исключеніемъ начала, почти совсѣмъ соотвѣтствуетъ концу только что приведеннаго лат. текста. Начало этой даины гласитъ: Прилетѣлъ черный воронъ. Онѣ принесть бѣлую руку и золотое кольцо. На вопросъ, гдѣ онѣ ихъ получили, онѣ отвѣчаютъ, что онѣ участвовали въ большой битвѣ. По вар. (Jušk. L. d. 1169) воронъ говоритъ, что подъ г. Ригю было большое сраженіе (Ringūžes miestuzēly dīdis karas būvu —), оттуда приносить онѣ бѣлую руку брата etc. Тамъ сплетали изъ мечей заборы, копали ружьями канавы, кровь текла рѣкою etc. Лат. пѣсня (Брив. 1006) имѣетъ въ своемъ началѣ извѣстный уже намъ parallelismus membrorum. Потомъ въ ней слѣдуетъ, подобно какъ въ паралл. т., убранство брата³⁾ и проводы его со слезами, при чемъ возлюбленная

1) Такой отвѣтъ даетъ и лит. братъ по Jušk. L. d. 1135, 9. И равно, какъ по лит., такъ и по лат. пѣснямъ плачутъ по отпавшемуся воинѣ отецъ, мать, сестра и возлюбленная. Ср. Jušk. L. d. 1140 и Брив. 1009; 1010.

2) По вар. (Брив. 1009): Черные вороны клюютъ тѣла, Солнце бѣлитъ кости.

3) Почти по всѣмъ относящимся сюда лат. пѣснямъ сестра отправляется въ садъ и украшаетъ шапку брата. Нѣчто подобное мы находимъ въ лит. дайнахъ. См. Jušk. L. d. 1133; 1171 и другія.

его просить, чтобы онѣ въ кругу воиновъ вспоминалъ о ней. Послѣ того слѣдуетъ извѣстное намъ уже мѣсто о возвратившемся конѣ, отъ котораго такъ же, какъ и въ 4-мъ вар. (см. № 1 этого отдѣла) узнаютъ, что всадникъ-знаменосецъ палъ на лит. границѣ (Us tiem Leišu gobežiem) или по вар. (Bezz. D., стр. 36, № 7) на прусской границѣ (Us tēm Prūkšu gūbežim), гдѣ лежатъ мужи, какъ дубы etc., какъ уже выше, въ текстѣ. Новою чертою является здѣсь то, что милая ѣдетъ по полю сраженія, трепеща какъ осиновый листочекъ. Конецъ этой пѣсни совпадаетъ съ приведеннымъ уже 4-мъ вариантомъ предыдущаго № 1. На литовской границѣ, гдѣ лежатъ мужи, какъ дубы, расхаживаютъ Dieva dēli (сыны божьи), подбирая души павшихъ; нашедши душу, они завертываютъ ее въ бѣлую пелену, вносятъ въ священную сѣнь (Ienes svētā, pa-ēnī), укладываютъ въ колыбель бога (Guldin' Dieva šūpulī), приставляютъ качать ангела, который качаетъ, припѣвая:

„Убитого воина душенька,
Безсмертна ты во вѣки вѣковъ“.

Итакъ, многочисленные варианты и различный размѣръ, съ одной стороны, и бросающееся въ глаза соотвѣтствіе этихъ пѣсенъ, съ другой стороны, — все это приводитъ насъ къ заключенію, что и здѣсь, какъ литовецъ, такъ и латышъ, при общемъ религіозномъ воззрѣніи, пользовались общимъ предметомъ и почти одинаковыми представленіями при проявленіи своей фантазіи.

Какъ латышъ, такъ и литовецъ находится во времена творчества своихъ дайнъ еще въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ природѣ и жизни природы. Разцвѣтаніе розы, подростаніе или засыханіе дуба etc. служатъ для него предзнаменованіемъ. Онѣ разговариваетъ еще съ животными. Птицы, какъ: голуби, вороны, синица приносятъ ему извѣстіе; конь извѣщаетъ его о кровавой кончинѣ героя-всадника. Издревле уже приписывается этимъ животнымъ способность предсказанія. Какъ передъ Троей сами боги участвуютъ въ борьбѣ, такъ и они здѣсь на литовской, прусской границѣ или подъ Ригю не безучастны. Солнце закрываетъ свое свѣтлое лицо, чтобы вмѣстѣ съ сестрами погоревать о павшемъ героѣ-братѣ, и Dieva dēli подбираютъ на полѣ сраженія

души убитыхъ воиновъ ¹⁾. Въ участіи Солнца въ общей горести мы видимъ древнее народное вѣрованіе, по которому вся природа принимаетъ участіе въ судьбѣ человѣка. Можно здѣсь сравнить плачъ Ярославны, тоже обращающейся къ Солнцу ²⁾. О сынахъ божьихъ (Dieva dēli) уже говорилось выше (№ 7), что они призываютъ верхомъ къ могилѣ юноши, умершаго съ горя. И здѣсь они имѣютъ отношеніе къ мертвымъ — павшимъ на войнѣ. По греч. и инд. источникамъ (см. выше) Діоскуры, Асвины, которыхъ Мангардтъ сравниваетъ съ Dieva dēli, Dievo sunēlei, между прочимъ, тоже являлись борцами; и здѣсь мы встрѣчаемъ Dieva dēli (сыновъ божьихъ) тоже на полѣ сраженія. Что касается Мѣсяца, то о немъ прямо сказано, что онъ спѣшитъ, бѣжитъ на войну, на помощь молодцамъ ³⁾. При сватаніи къ дочери Солнца выступаетъ одинъ изъ сыновъ божьихъ (Auseklis) его соперникомъ. Итакъ, эти божественныя существа встрѣчаются какъ на войнѣ, такъ и въ мирной жизни. Ангелъ въ вариантахъ, изображающихъ латышскую Валгаллу, такая же христіанская замѣна, какъ Маря, вмѣсто Лаймы, о чемъ говорено было уже выше.

Между тѣмъ, какъ лат. военныя пѣсни, по которымъ война происходитъ на литовской границѣ ⁴⁾, предполагаютъ время, которое, можетъ быть, намекаетъ на эпоху до появленія ордена, когда латыши боролись еще съ литовцами, литовскія же даины, въ которыхъ упоминается о полѣ сраженія подъ г. Ригой ⁵⁾, опредѣляютъ время господства ордена. Такъ же лит. и лат. пѣсни, по которымъ война ведется въ прусской землѣ [лит. Prūsū žėmė] ⁶⁾, или на прусской границѣ [лат. Prūsū robežī] ⁷⁾, очевидно, относятся къ временамъ господства ордена. По крайней мѣрѣ, о лат. пѣснѣ (Брив. 1009), по причинѣ ея древняго, миѣческаго элемента, можно это сказать почти безъ всякаго сомнѣнія. Хотя лит. дайна

1) По другимъ нар. пѣснямъ и Перкунъ и Мѣсяцъ участвуютъ въ борьбѣ.

2) См. Слово о пѣлку Игоревѣ.

3) Спр., стр. 314, 3.

4) Брив. 1006. Zim. VI, 11.

5) Jušk. L. d. 1169, 7.

6) Ib. 1141, 5 и 6.

7) Брив. 1009.

(Jušk. L. d. 1141) имѣетъ новыя черты, все-таки она сходится съ латышской въ томъ, что въ ней, какъ и въ латышской, упоминается о милой, которая готова за своимъ возлюбленнымъ слѣдовать на войну.

Метаморфоза и, стало-быть, миѣологическая черта встрѣчается въ томъ, что (Jušk. L. d. 1136, 17 и 18) конь, возвратившійся домой, рассказываетъ сестрамъ, что тамъ, гдѣ упала голова брата, выросъ сѣрый камень (išdýgu pilks akmenēlis) и что, гдѣ пролилась его провь, тамъ образовалась глубокая рѣка (še tekēju gilūs upēlis).

По дайнѣ (Jušk. L. d. 1085) прилетаютъ къ брату, павшему подобно дубу, три кукушки (Trys rāibos gegēles), изъ которыхъ одна садится рядомъ съ нимъ, другая у изголовья, а третья у ногъ его. Кукушка, сидящая рядомъ съ нимъ, — это его мать, кукушка у его головы — это его сестра, а кукушка у его ногъ — это его милая. Тѣ же самыя превращенія мы встрѣтимъ еще ниже (VII).

Лебедь, встрѣчаемый въ лит. дайнѣ въ качествѣ предвѣстника войны, у латышей (Biel. 984) предвѣстникъ любви, и синица (лит. žylė, žylyte, žylėle, лат. zile, zilite), которая по военнымъ пѣснямъ, относящимся сюда, является у латышей предвѣстницею войны (впрочемъ и предвѣстницею мороза etc.), служить, напротивъ, у литовцевъ предвѣстницею любви, какъ это видно, напр., изъ нѣсни Jušk. L. d. 66. Итакъ, лебедь и синица перемѣнили здѣсь свои роли.

4. Освобожденіе воина.

На этотъ паралл. т. напалъ уже Беценбергеръ (см. Lit. Forsch.). Я прибавляю къ нему два латышскіе варианта. — Юноша находится на войнѣ и посылаетъ своего слугу (tarnel') къ отцу, чтобы отецъ выкупилъ его. Несмотря на то, что отецъ имѣетъ сто подъяремныхъ воловъ, или лошадей, или землю, онъ не можетъ выкупить сына. Несчастный юноша отправляетъ слугу по очереди къ матери, брату, сестрѣ и невѣстѣ. Но ни мать (несмотря на свое богатство платьемъ, холстомъ, лит. т., коровами, лат. т.), ни братъ (хотя онъ имѣетъ сто гнѣдыхъ коней), ни сестра (несмотря на то, что у нея есть золотое кольцо, лит. т., овцы или приданое, лат. т.) не могутъ его выкупить. Только дѣвушка-невѣста одна

освобождаетъ его при помощи своего миртоваго вѣнка (лит. т.), или своимъ вѣнцомъ, или своимъ имуществомъ.

Хотя и здѣсь встрѣчается различный размѣръ, все-таки соотвѣтствіе сравнительно полное. По лат. тексту братъ плачетъ на самой войнѣ, по лит. — онъ говоритъ, что онъ молодымъ попалъ въ бѣду (aš jauns ipolau ī vargel'). Vargēlis dim. отъ vargas (бѣда, бѣдствіе), vargti (жить бѣдно, ж. въ нуждѣ; хилѣть, быть больнымъ, бѣдствовать), лат. vārgt (того же значенія), vargs (болѣзненный, хворый); сюда относится и слав. врагъ, пол. wrog (врагъ, зло), готск. wargs, древне-верхне-нѣм. warg, средне-верхне-нѣм. warg (homicida, diabolus ¹). Можетъ быть, что въ этомъ мѣстѣ лит. vargelis имѣетъ значеніе „врагъ“, такъ какъ бѣда, несчастіе, въ которое попалъ юноша, лат. текстъ называетъ прямо словомъ война. Тотъ же самый повѣствовательный тонъ, встрѣчаемый здѣсь въ паралл. текстѣ, я нахожу еще въ нѣкоторыхъ лит. и лат. пѣсняхъ. И тутъ выступаютъ по очереди члены семейства. Такъ, напр., по дайнгъ (Jušk. L. d. 151) ни отецъ, ни мать, ни сестра не могутъ выкупить дѣвушки изъ власти знатныхъ господъ (didi bojórai) или поляковъ (Lénkai), какъ только ея милый ²). И по лат. пѣснѣ, которую я самъ слышалъ изъ устъ народа, ни отцу, ни матери, ни брату, ни сестрѣ не удастся упросить лежащаго подъ зеленымъ орѣшникомъ сына и брата войти на дворъ (sētiņā); лишь когда милая приходитъ къ нему, только тогда онъ готовъ послѣдовать за ней на дворъ.

Подобный нашему паралл. тексту мотивъ встрѣчается въ нѣмецкой пѣснѣ [Liebrecht, Zur Volkskunde, 236] ³), по которой дѣвица выкупаетъ милаго изъ тюрьмы своимъ вѣнкомъ. Или по славянской пѣснѣ (Karelac Jačke 61—2) „милая выкупаетъ изъ войска, изъ рекручины. Отецъ (мать, брат, сестра) жалѣютъ 300 дукатовъ, милая рада дать вдвое“ ⁴).

1) Cp. Ness. Thesaurus linguae Prussicae.

2) Cp. А. А. Потебня. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. II: Колядки и щедровки. Варшава. 1887. Стр. 526: „Подобный мотив — в основаніи сицилійской п. о похищенной тунисскимъ корсаромъ, Liebrecht, Zur Volkskunde, 222 слѣд.“

3) Ib. стр. 528.

4) Ib. стр. 528 и 529.

IV. Пѣсни о похищеніи невѣсты.

Похищенная сестра.

Похищеніе невѣсты явствуетъ изъ многихъ свадебныхъ обрядовъ, какъ-то: вооруженіе извѣстныхъ лицъ ¹), скриваніе невѣсты при приближеніи поѣзжанъ жениха, бѣгство невѣсты, плачъ молодой жены при прощаніи съ матерью, враждебное отношеніе провожатыхъ жениха и невѣсты, выражающееся въ насмѣшливыхъ пѣсняхъ и т. п. Слова, какъ-то: лит. vedejai, лат. vedeji (ведущіе, отъ лит. vesti, лат. vest; похитители) означаютъ провожатыхъ жениха; лат. ranāksnieki (преслѣдователи, догонщики, отъ лат. ranākt, догнать, лит. pra-nokti, перегонять, обогнать), служатъ для обозначенія провожатыхъ невѣсты; лит. vedys (женихъ), лат. vedamā (невѣста, собственно говоря, похищаемая), — всѣ эти слова намекаютъ на древній обычай похищенія невѣсты. Воспоминаніе объ этомъ древнемъ обычаѣ сохранилось и во многихъ лит. и лат. нар. пѣсняхъ, по которымъ, при приближеніи сватовъ, дѣвушка должна бѣжать и прятаться ²). Но полное освѣщеніе этого вопроса получается изъ нашего паралл. текста и всѣхъ его вариантовъ.

Похищеніе невѣсты совершалось такимъ образомъ, что будущій верхомъ сватъ со своими друзьями поджидалъ избранную дѣвушку и похищалъ ее на приведенной съ собою лошади, или съ пастбища, или съ дороги, въ то время, когда она отправлялась на полевые работы, или похитители пробирались на дворъ (въ усадьбу) и похищали избранную изъ комнаты или изъ клѣтки, гдѣ она на разсвѣтѣ молола муку ручной мельницей. Родственники, а именно, братья невѣсты, преслѣдуютъ похитителей. „Хотя мы“ — поется въ одной пѣснѣ — „не отнимемъ ягненка у волковъ, все-таки мы побранимъ ихъ хорошенько“ ³).

Болѣе мирный конецъ мы находимъ здѣсь въ паралл. т. и его вариантахъ, изображающихъ событіе драматически. Уже до пѣнія пѣтуховъ встаетъ мать и, замѣтивши похище-

1) Cp. выше свадьбу дочери Солнца.

2) Cp. А. Winter: „Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern“ стр. 162.

3) Ibidem.

ніе дочери, поспѣшно будить сыновей (лит. т.). По лат. тексту, девять братьевъ, принуждающихъ свою единственную сестру каждое утро молоть пуру ржи, посылаютъ мать, чтобы она навѣстила сестру. Мать возвращается со слезами и говоритъ, что нѣтъ молольницы у жернововъ. Мать побуждаетъ (какъ по лит., такъ и по лат. тексту) сыновей сѣдлать скорѣй коней и помчаться за сестрой въ догоню. Она указываетъ имъ даже на дорогу, по которой слѣдуетъ догонять сестрицу. Догонщики прѣзжаютъ на большую дорогу, усыпанную рутами. Во время дальнѣйшей поѣздки верхомъ они вѣзжаютъ на зеленые пастбища и приближаются къ зеленымъ липамъ. На верхушкѣ липы сидитъ пестрая кукушка. На вопросы всадниковъ, кукушка указываетъ имъ дальнѣйшій путь (лит. т.). Братья проѣхали верхомъ сто миль ночью, двѣсти днемъ. Въ концѣ каждой сотни миль стоятъ девять музыкантовъ, играющихъ для той сестры, которую наканунѣ провезли мимо и у которой есть девять братьевъ. Игроки такъ же, какъ и кукушка, указываютъ братьямъ дальнѣйшій путь (лат. т.). Братья верхомъ доѣзжаютъ до высокой горы, до пестрой усадьбы. Тамъ они находятъ сестру въ слезахъ. Они утѣшаютъ ее; они готовы отдать своихъ лошадей, чтобы выкупить сестру. Но сестра говоритъ: Охъ, братцы, гдѣ вы были вчера, когда я еще была дѣвушкою въ рутовомъ вѣнкѣ? Сегодня я уже замужемъ (лит. т.). Или въ концѣ третьей сотни миль братья находятъ ворота отворенными. Выходитъ старуха, усмиряя свирѣпыхъ собакъ, пускаетъ братьевъ на дворъ, вводитъ ихъ въ избу, приглашаетъ ихъ сѣсть у бѣлаго липоваго стола на стулья, переплетенныхъ тростникомъ, угощаетъ гостей бѣлымъ хлѣбомъ съ масломъ и проситъ не взыскать за угощеніе. Но братья не ѣдятъ, и не пьютъ ничего, потому что они озабочены освобожденіемъ сестры. Вдругъ они увидѣли, что ихъ любимая сестра сидитъ на концѣ стола; братья залились слезами и вступили съ нею въ разговоръ: Сестрица, золотая крошечка, пойдѣ съ нами домой. Братецъ, восковой кружочекъ, я не пойду съ тобой. Я нашла хорошую землю и милаго пахаря хорошей земли. Поклонись моей маменькѣ и скажи ей, зачѣмъ она посылала меня въ темную комнату молоть чистую рожь (лат. т.)?

Варианты мало чѣмъ отличаются отъ только что рассмотрѣннаго текста. Соотвѣтствіе 1-го лит. и 1-го лат. ва-

риантовъ состоитъ въ томъ, что по нимъ мать находитъ двери комнаты дочери отворенными. Погоня братьевъ не содержитъ здѣсь ничего миѣческаго: здѣсь не являются путеводителями ни кукушка, ни игроки въ концѣ каждой сотни миль, какъ это встрѣчается въ текстѣ. Братья сѣдлаютъ шесть коней и достигаютъ сперва зеленого пастбища, гдѣ они находятъ, что тамъ только что паслись лошади. Потомъ они подѣзжаютъ къ быстрой рѣкѣ и находятъ, что тамъ поили лошадей; далѣе они подѣзжаютъ къ зеленой липѣ, находятъ тамъ огонь и узнаютъ, что здѣсь плясали съ ихъ сестрою. Въ зеленые листья проткнули ея булавки, на верхушкѣ липы повѣшенъ ея вѣнокъ etc. (1-й лит. вар.). По 1-му лат. варианту братья наконецъ достигаютъ такъ же, какъ и по лит. тексту, высокой горы. На верху высокой горы стоитъ большое село. Тутъ они встрѣчаютъ похищенную сестру. Ихъ встрѣча тамъ сельскими красавицами напоминаетъ о сельскихъ красавицахъ, на которыхъ было указано выше въ № 7 (ср. тамъ 1-й, 2-й, 3-й и 7-й вар.). По 2-му лит. варианту братья настигаютъ свою похищенную сестру на морѣ; она сидитъ въ лодкѣ и разговариваетъ съ лодочникомъ. По 2-му лат. вар. идетъ братъ навѣстить свою сестру. Со слезами онъ возвращается: нѣтъ ея въ комнатѣ у жернововъ. Онъ надѣваетъ черный сюртукъ и сѣдлаетъ своего коня. Потомъ онъ ѣдетъ верхомъ на лошади сто миль и прѣзжаетъ къ высокой горѣ. Тамъ играютъ тридцать музыкантовъ для той дѣвушки, которую сегодня провезли мимо. Братъ ѣдетъ верхомъ еще сто миль и подѣзжаетъ ко второй высокой горѣ. Тамъ играютъ тридцать гусяровъ (kokletaji). Въ концѣ третьей сотни миль находится дубовая мыза; она обнесена липовымъ заборомъ, и ворота заперты на замокъ. Выходятъ три сына отца. Двое изъ нихъ вводятъ его самого, а третій его коня. Ему предлагаютъ кушанья и напитки и даютъ время осмотрѣться. Онъ не ѣстъ и не пьетъ ничего, а осматривается только и видитъ свою сестру; она сидитъ на концѣ стола, въ бѣломъ чепцѣ на головѣ, съ кувшиномъ пива въ рукѣ. Она ему говоритъ: Кушай, пей, братецъ, я болѣе не твоя; полюбила съ мнѣ эта земля и полюбился мнѣ пахарь-женихъ. По 3-му лат. вар. играютъ въ концѣ первой сотни миль музыканты (здѣсь не сказано, сколько ихъ). Они совѣтуютъ братьямъ проѣхать еще сотню миль. Тутъ братья-догонь-

пики встрѣчаютъ опять игроковъ и свою сестру. 3-й лит. вар. описываетъ дорогу братьямъ-догонщикамъ такъ же, какъ лит. т. и 1-й лит. вар. Напротивъ, 3-й лат. вар. болѣе похожъ на лат. т. Какъ новая черта въ этомъ вариантѣ, записанномъ на верхнелатышскомъ говорѣ, упоминается о сапогахъ, между тѣмъ какъ въ текстѣ приведено слѣдующее одѣяніе братьевъ: рысьи шубы, куньи шапки и блестящія шпоры. По этому варианту, въ концѣ первой сотни миль, играютъ пять волыночниковъ; а въ концѣ второй сотни миль играютъ пять музыкантовъ и въ концѣ третьей сотни миль пляшутъ сто красавицъ. Здѣсь братья находятъ свою сестру, которая довольна своимъ новымъ положеніемъ, и говоритъ братьямъ: Скажите маменькѣ, чтобы она по мнѣ не плакала. Я ушла весной, когда воды сбѣжали, когда деревца покрылись листьями.

Стало-быть, всѣ пѣсни повѣствуютъ о похищеніи. И при прибытіи братьевъ-догонщиковъ похищенная сестра сидитъ за столомъ чужака уже женою.

Миѳическіе элементы тоже встрѣчаются въ этихъ пѣсняхъ о похищеніи и придаютъ имъ отпечатокъ глубокой древности. Такъ оказывается миѳическою чертою въ лит. текстѣ то, что пестрая кукушка показываетъ братьямъ-догонщикамъ дальнѣйшій путь. Въ латышскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ кукушка тоже служитъ птицею-вѣстуней. Въ кукушку превращаются иногда сестра, мать и возлюбленная (см. выше III, 3), какъ мы это еще ниже (см. VII) увидимъ ¹⁾. И числа три, девять, встрѣчаемыя въ лат. текстѣ, священныя и миѳическія. Съ числами три и девять мы встрѣчались уже выше въ № 1, гдѣ рѣчь была о свадьбѣ дочери Солнца. Эти примѣты, именно, миѳическія числа, заставляютъ меня предполагать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ древнимъ миѳическимъ матеріаломъ. Можетъ быть, что здѣсь находятся слѣды первоначальной свадьбы дочери Солнца или даже самого Солнца въ первую весну; можетъ быть, что девять братьевъ, гонящихся за своей единственной, похищенной сестрою, были первоначально сыны бога (Dievs) или сыны

1) Въ древне-индійскихъ преданіяхъ встрѣчается *kōka-yātu*, призракъ (*kōka*, кукушка, *yātu*, чародѣйство) въ образѣ кукушки. Ср. Rigg. 620, 22.

Перкуна; ибо въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ поется, что Перкунъ имѣетъ девять сыновъ ¹⁾, — которые являются верхомъ на свадьбѣ дочери бога, Солнца, или дочери Солнца. Этотъ древній обычай свадьбы, устраиваемой при помощи похищенія, былъ перенесенъ въ глубокой древности изъ чело-вѣческой жизни на жизнь боговъ и обратно, и потомъ былъ принятъ какъ священный, символическій обрядъ. Свадьба Солнца празднуется по лит. источникамъ весною, по лат. — лѣтомъ; но весна и лѣто граничатъ одна съ другимъ. И на лит. и лат. языкахъ совпадаютъ эти времена года почти въ одно цѣлое; ибо *pa-vasaris* (весна) значитъ наступающее лѣто, *vasara* и санскр. *vasanta* (того же самого корня) обозначаетъ весну; *pavasaris* и *vasara* стоятъ въ томъ же морфологическомъ отношеніи, какъ напр., лат. *pa-délis* и *déls*, лит. *rósunis* и *sunūs* (пасынокъ и сынъ). И похищеніе сестры происходитъ тоже весною. 4-й лат. вариантъ прямо упоминаетъ о веснѣ, и по кукушкѣ въ лит. текстѣ можно заключить о веснѣ. Если по лат. тексту братья надѣваютъ шубы, то это намекаетъ на то, что весна только что началась и было еще холодно. Весна или лѣто, это все равно; оба случая прямо наводятъ на мысль, что въ девяти или пяти игрокахъ приходится искать извѣстныхъ девять или пять сыновъ Перкуна ²⁾, стало-быть, громовые раскаты можно принять за свадебную музыку на свадьбѣ Солнца ³⁾. Девять братьевъ — это, быть можетъ, девять мѣсяцевъ своеобразно раздѣленного года, слѣдующихъ за Солнцемъ, похищеннымъ изъ темной комнаты (зимній поворотъ солнца), и три остановки догонщиковъ-братьевъ — это три времени года, потому что, какъ уже сказано, весна и лѣто въ глазахъ литовца и латыша первоначально совпадаютъ почти въ одно время года. У славянъ и у германцевъ тоже встрѣчаются первоначально три времени года. Потебня пишетъ: „Т. о. солнце представляетъ здѣсь среднюю пору года, весну, и

1) Спр., стр. 316 (2). И пять игроковъ въ 4-мъ лат. вар. относятся, очевидно, къ пяти сынамъ Перкуна, ср. Спр., стр. 315, 1. — Ср. у русскихъ „девять сыновъ разбойниковъ“; „9 братьевъ и сестра“ см. Потебня: Объясненія малорусск. II, стр. 720—722.

2) По лат. нар. пѣснямъ у него или девять или пять или даже шесть сыновей. Ср. Спр., стр. 315, 1 и 316, 2. — Аг. М. 1899 и 1900.

3) Ср. Аван.: Поэтич. возр. I, стр. 78.

год дѣлится на три части, согласно с воззрѣніем, которое Тацит приписываетъ Германцамъ: сказавъ, что Германцы ненасаждаютъ (плодовых) садовъ, неотдѣляютъ (ихъ отъ) луговъ и неорошаютъ, а требуютъ отъ земли только жатвы, почему и самый годъ дѣлятъ не на столько же частей (какъ Римляне); онъ говоритъ: „hiems et ver et aestas intellectum ac vocabula habent, autumnus perinde nomen ac bona ignorantur“ Тас. Germ. 26. Это можетъ быть примирено с существованіемъ у Герм. и у Славянъ издревле названія для осени, какъ поры жатвы, части лѣта (Grim. Myth. 717—8)¹⁾. Здѣсь совпадаютъ лѣто и осень, какъ у литовцевъ и латышей весна и лѣто.

Къ соотвѣтствію этихъ пѣсенъ по содержанію присоединяется еще почти одинаковый размѣръ. Лат. дайны имѣютъ и здѣсь извѣстные четырехстопные трохеи, которые мы встрѣчаемъ и въ 2-мъ лит. вар., между тѣмъ какъ въ лит. текстѣ, рядомъ съ этимъ въ 1-мъ и 3-мъ вар., находятся въ второмъ стихѣ трехстопные, а въ первомъ тоже четырехстопные трохеи.

Куны шапки (лат. *cauri cepurites*, лит. *kiáuniu kepurėles*, *kepurūžes*; литовско-лат. *kiáune-caune* соотвѣтствуетъ и по формѣ русск. куница) и шпоры (лат. *pieši*, лит. *rentinei*, *dim. rentinėlei*), встрѣчаемыя здѣсь въ лат. текстѣ, представляютъ, впрочемъ, принадлежность и одежды тоже литовца, какъ это явствуетъ, напр., изъ дайнъ (Jušk. L. sv. d.) 19; 22; 403; 435 и т. д.

V. Объ упавшемъ вѣнкѣ.

(Дѣвица теряетъ вѣнокъ.)

Къ пѣснямъ о похищеніи невѣсты примыкаютъ дайны объ упавшемъ вѣнкѣ, объ упавшемъ кольцѣ — объ утонувшей дѣвицѣ, и всѣ онѣ относятся къ судьбѣ дѣвицы, къ вступленію или невступленію въ бракъ, къ дѣвичьей чести etc.

Содержаніе относящагося сюда паралл. текста слѣдующее. Дѣвица вѣтъ вѣнокъ, надѣваетъ его на голову и отправляется за водою (лит. т.) или ходитъ вдоль моря (лат. т.). Вдругъ поднимается сѣверный вѣтеръ (лит. т.), или восточ-

ный вѣтеръ (лат. т.) и уноситъ вѣнокъ въ быструю рѣку (лит. т.) или въ море (лат. т.). Приѣзжаютъ верхомъ три юноши. Младшій изъ нихъ плыветъ за вѣнкомъ и утопаетъ. Отцу же говорятъ, что это случилось на водопоѣ (лит. т.). За моремъ (за заливомъ?) дѣвица видитъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ хочетъ отправиться за вѣнкомъ въ море и проситъ дѣвицу поддержать его лошадь и ничего не говорить матери о вѣнкѣ, но о гнѣдомъ конѣ съ золотымъ сѣдломъ (лат. т.).

Изъ вариантовъ обнаруживаютъ большее сходство съ паралл. текстомъ литовскіе. По нимъ такъ же, какъ и по лат. тексту, это море (заливъ), въ которое вѣтеръ уноситъ вѣнокъ дѣвицы. Какъ отъ паралл. текста, такъ и отъ лит. вариантовъ, большею частью, отличаются лат. варианты. По лат. вариантамъ, дѣвица отдыхаетъ послѣ обѣда на морѣ и вѣщаетъ свой вѣнокъ на камышъ. Приплываетъ зеленая щука и похищаетъ вѣнокъ. Дѣвица проситъ брата взять ясеневую лодку и погнаться за вѣнкомъ; но ясеневая лодка слишкомъ тяжела, — братъ не можетъ догнать вѣнка. Дѣвица теперь проситъ брата взять литовскую лодку. На этой легкой лодкѣ братъ, проѣхавъ сто миль, приѣзжаетъ на то мѣсто, куда занесло вѣнокъ. Братъ предлагаетъ въ видѣ выкупа сто марокъ, но не получаетъ даже отвѣта; онъ сулитъ двѣсти, — тогда ему отвѣчаютъ, — пусть придетъ сама собственница вѣнка постлать постель¹⁾.

Такъ какъ лит. т. здѣсь имѣетъ много вариантовъ, но лат. почти никакихъ; такъ какъ лит. т., какъ по содержанію, такъ и по формѣ, вполне соотвѣтствуетъ латышскому, а въ лат. текстѣ встрѣчается въ лат. нар. поэзіи мало употребительный размѣръ, — то я склоняюсь къ тому мнѣнію, что лат. пѣсня здѣсь заимствована изъ лит. нар. творчества. Лат. варианты, напротивъ того, съ обычными лат. трохеями, которымъ въ томъ соотвѣтствуетъ лишь 1-й лит. вар., безъ сомнѣнія, лат. подлинники.

Сходный съ этимъ нашимъ паралл. текстомъ мотивъ (вѣтеръ уноситъ вѣнокъ) встрѣчается и въ малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ, какъ это видно у Потебни²⁾.

1) См. Объясненія малорусск. II, стр. 184.

1) Срав. и вариантъ въ Latwija. II, стр. 23.
2) См. Объясненія малорусск. II, стр. 555—564.

VI. Объ упавшемъ кольцѣ.

(Объ утонувшей дѣвицѣ.)

Уже выше упомянуто, что всѣ эти пѣсни (объ упавшемъ кольцѣ — объ утонувшей дѣвицѣ, объ упавшемъ вѣнкѣ и о похищенной дѣвицѣ) касаются судьбы дѣвицы — ея вступленія и невступленія въ бракъ, сохраненія дѣвичьей чести и т. п. Даже миѣическія черты содержатъ дайны этого рода объ упавшемъ кольцѣ — утонувшей дѣвицѣ. Тутъ встрѣчаются и нѣкоторыя собственные имена рѣкъ.

Паралл. т. вкратцѣ имѣетъ слѣдующее содержаніе. Три дѣвушки идутъ вдоль рѣки. Младшая изъ нихъ уронила при срываніи черемуховыхъ цвѣтковъ кольцо. Хватая кольцо, она сама упадаетъ въ рѣчку. Рѣчка уноситъ ее въ Нѣманъ (лит. т.) или въ Гауйиню (Gauja, dim. Gaujīda, лифляндская рѣка Аа, лат. т.); Нѣманъ несетъ ее въ рѣку Русъ (лит. т.), Гауя въ море (лат. т.); рѣка Русъ несетъ ее въ гафъ (лит. mags, заливъ), гафъ несетъ ее въ море (лит. т.). Море выбрасываетъ ее на берегъ. На томъ мѣстѣ вырастаетъ густолиственная липа съ девятью вершинами. Къ этой липѣ приходитъ братъ, чтобы изъ ея сука сдѣлать пастушій рогъ, духовой инструментъ или пастушью свирѣль (лит. т.), или гусли (kōkles, лат. т.). Трогательные звуки издаютъ эти гусли. Со слезами говоритъ мать: это не звуки липы, это душа твоей сестры — носится надъ водою (лит. т.). Или: такъ поетъ моя младшая дочь; или: эти гусли звучатъ трогательно, жалобно, какъ жалоба покинутой милой (лат. т.).

Въ лит. текстѣ не упоминается о кольцѣ, какъ это дѣлается во всѣхъ его вариантахъ. Но въ нихъ нѣтъ ничего объ утопаніи дѣвицы. Дѣвица теряетъ свое кольцо, или при обмываніи сѣтей въ морѣ, или въ то время, когда она вырываетъ ленъ на полѣ, или срываетъ лилію въ саду. Кто найдетъ кольцо, тотъ долженъ его отдать, такъ какъ это не ея кольцо, а милый юноша далъ ей его въ знакъ любви. Или упавшее въ море кольцо выбрасывается на сѣнокосъ, и косящій юноша находитъ его на девятомъ покосѣ. Или приѣзжаетъ верхомъ юноша; онъ хочетъ плыть за кольцомъ въ море etc. Итакъ, этотъ вар. примыкаетъ къ пѣснямъ объ упавшемъ вѣнкѣ. Лат. варианты не отличаются такъ рѣзко отъ паралл. текста, какъ литовскіе. 3-й лат. вар. расходится

только въ томъ съ лат. текстомъ, что упавшая въ рѣку дѣвица попадаетъ въ озеро, потомъ въ Двину и оттуда въ море. Слѣдовательно, лат. преданіе приводитъ насъ на берега Двины, лифляндской Аа, стало-быть, въ Лифляндію, въ литовскомъ же преданіи говорится о Нѣманѣ, рѣкѣ Русѣ, Куришъ-гафѣ, т. е. выступаетъ на сцену прусская Литва. Въ лат. текстѣ упоминается и о Ригѣ.

Итакъ, уже касательно мѣста оба текста отличаются другъ отъ друга. Хотя они имѣютъ одинаковый размѣръ, четырехстопные трохеи, все-таки по ихъ мѣстному отгѣнку они отличаются другъ отъ друга и исключаютъ предположеніе заимствованія, либо съ той, либо съ другой стороны. Это подтверждаютъ и взаимные многочисленные варианты. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ можно опять предполагать только общій литовско-латышскій прототипъ, послужившій первоначальнымъ основаніемъ этого паралл. текста.

Подобный параллелизмъ: три липы, три дѣвицы, встрѣчается какъ въ началѣ лит. текста, такъ нерѣдко и въ лат. пѣсняхъ, а именно здѣсь говорится о трехъ соснахъ, трехъ дѣвицахъ. Какъ числа три, девять (см. выше) указываютъ на миѣическій элементъ, точно такъ же и въ метаморфозѣ, по которой утонувшая дѣвица превращается въ липу съ девятью верхушками, виденъ миѣическій характеръ. Нѣчто подобное мы видѣли уже выше (№ 7), гдѣ душа юноши, умершаго съ горя, превратилась въ розу или въ липу съ девятью верхушками. 1-й лат. вар. въ своемъ началѣ, именно относительно считанія дочерей, нѣсколько похожъ на № 5 выше. Что въ потерѣ кольца народъ видитъ оскорбленіе чести, это явствуетъ изъ лат. пословицы: *Voi po tam tev gredzens pokritis?* (упадетъ ли у тебя отъ этого кольцо? т. е. повредитъ ли это твоей чести?)

Уже сказано, что число три миѣическое. Какъ уже выше (въ № 6) показано, у латышей встрѣчаются три богини судьбы (*tria fata*). Онѣ всѣ три часто появляются у воды¹⁾. Въ нѣкоторыхъ лат. пѣсняхъ прямо сказано, что судьба (*Laima*) тонетъ²⁾. Можетъ быть, что три дѣвицы

1) Спр., стр. 307, 20; Аг. М. 215; 217.

2) Спр., стр. 305, 9 и 307, 20.

здѣсь, въ нашемъ паралл. текстѣ, первоначально были три богини счастья или судьбы¹⁾.

VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.

(Три кукушки.)

Пѣсни этого отдѣла содержатъ, собственно говоря, восторженную похвалу материнской любви.

Здѣсь юноша рассказываетъ самъ о себѣ, что онъ проѣзжалъ верхомъ черезъ мостъ и упалъ съ пугливой лошади. Онъ лежалъ тамъ долго — двѣ недѣли (лат. т.) — и никто не приходилъ къ нему. Наконецъ, на третьей недѣлѣ, въ глухую полночь прилетаютъ къ нему три лебедя (лит. т.), три кукушки (лат. т. и лит. вар.). Лебеди садятся на его могилѣ, одинъ у ногъ, другой у изголовья, третій сбоку — ближе къ сердцу. Кукушки кукуютъ, одна у ногъ, другая у изголовья, а третья ближе къ сердцу. Это не лебеди, и не кукушки, а — невѣста садится у ногъ, сестра у изголовья, мать сбоку — ближе къ сердцу. Невѣста печалится о немъ три недѣли (лит. т.), полумѣсяцъ (лат. т.), сестра три года (лит. т.), или два съ половиною года (лат. т.), мать же въ продолженіе всей жизни. Лат. т. упоминаетъ еще подъ конецъ, что невѣста провожаетъ его лишь съ мѣста, сестра до церкви, а матушка, няньчившая его, сопровождаетъ его до родины. По лит. варианту, приведенному цѣликомъ, невѣста провожаетъ его до воротъ, сестра — до половины дороги, а мать — до могилы. Эта дайна варьируетъ сюжетъ, содержащійся въ паралл. текстѣ, въ большей подробности.

Въ разсмотрѣнномъ вариантѣ отличительную черту отъ паралл. текста составляетъ только то, что въ немъ юноша общается умереть и опечалить матушку. Оплакивать его будутъ, говоритъ онъ, колокола, органы и старая матушка; но ни колокола, ни органы, ни старая матушка не воскресятъ его плачемъ. Плачемъ воскресить его только черная земля, бѣлая гробовая доска. Онъ отправится теперь въ ту страну, гдѣ онъ не будетъ испытывать ни нужды, ни бѣдъ.

1) Ср. Потѣб.: Объясненія малорусс. II, стр. 564.

ствія, т. е. въ страну бѣлой доски. По одной лат. пѣснѣ умирающій говоритъ:

Nu es iešu tai ciemā, Теперь я пойду гостить туда,
Kur mūžam ne atnāce! ¹⁾ Откуда во вѣки не возвращаются!

Несмотря на примѣсь новой черты въ вариантѣ, гдѣ идетъ рѣчь о колоколахъ и органахъ, мы находимъ и въ этой пѣснѣ древнее, оригинальное воззрѣніе. Что касается метаморфозъ (мать, сестра, невѣста превращаются здѣсь въ лебедей или въ кукушекъ), то о нихъ уже выше (II, 7; III, 3; IV и VI) была рѣчь. Было уже раньше сказано, что вездѣ тамъ, гдѣ встрѣчаются метаморфозы, мы имѣемъ дѣло съ миѳическимъ матеріаломъ. Также и о томъ выше упоминалось, что извѣстныя числа тоже миѳическія. Можетъ быть, что встрѣчаемое здѣсь число три тоже слѣдуетъ считать миѳическимъ и отнести къ тремъ богинямъ судьбы.

Такъ какъ лат. т. не имѣетъ никакихъ вариантовъ, и въ немъ встрѣчается необычный латышской нар. поэзіи размѣръ и онъ по содержанію и по формѣ соответствуетъ литовскому, то можно его считать заимствованнымъ изъ лит. нар. творчества. Кромѣ того, здѣсь встрѣчается верхнелатышскій говоръ, приближающійся больше къ верхнелитовскому, чѣмъ нижнелатышскій или письменный языкъ.

Сходный съ нашимъ паралл. текстомъ мотивъ содержитъ и одна болгарская народная пѣсня. По ней тоже три кукушки, въ дѣйствительности мать, сестра и милая, печалются на отцовскомъ дворѣ о плѣненномъ на чужбинѣ героѣ.

VIII. О потерянномъ конѣ.

(Предложеніе вступить въ бракъ.)

Поводомъ къ предложенію вступить въ бракъ — даже со стороны женскаго пола — по этимъ пѣснямъ служитъ конь, который убѣжалъ отъ юноши и котораго поймала красавица.

Содержаніе паралл. текста слѣдующее. Молодецъ потерялъ своего коня. Онъ долго ищетъ его. Наконецъ —

1) Спр., стр. 220, 36.

на четвертый день (лат. т.) — онъ находитъ коня, пойманнаго красавицею и поставленнаго въ конюшню ея отца (лит. т.), или на ея скотномъ дворѣ (лат. т.). Она не хочетъ возвратитъ коня, ибо онъ причинилъ ей большой убытокъ: сломалъ новый заборъ, истопталъ зеленныя руты (лит. т.), истопталъ ея розовый садъ и братнину рожь (лат. т.). Молодецъ спрашиваетъ, сколько стоитъ заборъ и руты, и получаетъ въ отвѣтъ: пять, шесть талеровъ и сверхъ того ее — красавицу. Юноша отвѣчаетъ: Я прибавлю еще пять талеровъ и женюсь на тебѣ, молодкѣ (лит. т.). По лат. тексту дѣвица говоритъ, что хотя братъ и готовъ понести убытокъ, причиненный его ржи, все-таки она не понесетъ убытка, нанесеннаго ея розовому саду; молодецъ долженъ общать ей, что онъ женится на ней, тогда она забудетъ повреждение, нанесенное розамъ. Юноша отвѣчаетъ: какъ мнѣ жениться на тебѣ, когда ты мнѣ не по сердцу! Не одинъ день, но всю жизнь придется намъ жить вмѣстѣ; это не покрывало, которое можно снять или накинуть на себя при туманной погодѣ¹⁾.

Подобно лит. пѣснямъ и по нѣкоторымъ лат. вариантамъ юноша женится на красавицѣ.

Такъ какъ мы здѣсь у литовцевъ и у латышей имѣемъ достаточное количество вариантовъ, и паралл. текстъ, при всѣхъ своихъ соотвѣтствіяхъ, все-таки имѣетъ отличительныя черты, то о заимствованіи здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Мы должны и здѣсь предположить только общую, изъ одинаковыхъ нравовъ и жизненныхъ условій вытекающую идею, которая въ теченіе времени варіировалась у литовцевъ и у латышей. Такимъ образомъ и размѣръ согласуется лишь отчасти.

IX. О сватаніи, о ночевкѣ.

Помѣщенные подъ этимъ заглавіемъ паралл. тексты съ вариантами — своего рода эротическія пѣсни, показывающія общія воззрѣнія и нравы литовцевъ и латышей.

1) По лит. тексту юноша ищетъ коня въ туманное утро.

1. Преимущество дѣвицы передъ вдовою.

Юношу, отправляющагося свататься (по лит. тексту это братъ, котораго пѣсня называетъ зябликомъ или соколомъ) спрашиваютъ, гдѣ онъ проведетъ слѣдующую ночь. Онъ отвѣчаетъ или уклончиво, что онъ будетъ ночевать въ зеленомъ лѣсу (лит. т.), или не даетъ никакого отвѣта (лат. т.), или онъ отвѣчаетъ намеками, что онъ поѣдетъ верхомъ черезъ черешневый садъ, ко вдовѣ, или черезъ рутовый садъ къ дѣвицѣ (1-й лит. вар.), или что онъ будетъ ночевать на высокой горѣ, въ новой клѣтѣ, у молодой красавицы (лат. вар.). Далѣе, ему предлагается вопросъ, женится ли онъ на вдовѣ и обезпечитъ ли онъ ея дѣтей? Нѣтъ, говоритъ онъ, постель вдовы растрепана и запасъ ея любовныхъ рѣчей истощился. Наконецъ, его спрашиваютъ, хочетъ ли онъ жениться на дѣвицѣ, любить ее и снять съ ея головы вѣнокъ и сохранять его? На это онъ отвѣчаетъ: да; ибо постель дѣвицы не растрепана и въ любовныхъ рѣчахъ у нея нѣтъ недостатка (лат. т. и лат. вар.).

Въ 1-мъ лит. вариантѣ предшествуетъ вопросу (куда братъ поѣдетъ) параллелизмъ: Солнце бѣжитъ надъ лѣсомъ, братъ сидитъ на конѣ. Во 2-мъ вариантѣ, какъ параллель вопроса, предложеннаго брату, *brangvardižis* (имѣющему славное, дорогое имя), предшествуетъ обращеніе къ піону, кто его посадилъ, кто его полоть? etc. По лат. варианту вопросамъ (женится ли юноша на вдовѣ или на дѣвицѣ) предпосылаются, какъ параллели, распросы, посѣтъ ли юноша овесъ на нови, или ленъ на пашнѣ? Подобныя размышленія, съ одной стороны, о жизни природы, съ другой стороны, о человѣческой жизни, встрѣчаются въ этой народной поэзіи очень часто. И эта поэтическая форма, которую мы находимъ здѣсь въ разсматриваемыхъ и въ другихъ пѣсняхъ, выраженная въ вопросѣ и отвѣтѣ, которые задаютъ другъ другу, сестра брату, юноша дѣвицѣ, обычна какъ у литовцевъ, такъ и у латышей.

Сравнительно съ пѣснями о похищеніи невѣсты, пѣсни о сватаніи и ночевкѣ болѣе поздняго происхожденія. Упомянутіе въ лат. вариантѣ о корчмѣ (*krodziņš*, dim.) указываетъ на болѣе новую народную жизнь. Но соотвѣтствіе взаимныхъ текстовъ здѣсь весьма значительно и указываетъ намъ на тѣ времена, когда обмѣнъ духовныхъ произведеній

между латышами и литовцами еще не прекращался. Такъ, мы находимъ здѣсь присущій обоимъ народамъ обычай, сохранившійся у латышей еще до новѣйшаго времени и, вѣроятно, встрѣчаемый еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно, что женихъ отправляется верхомъ къ своей милой и ночуетъ у нея. И по этимъ даинамъ, имѣющимъ такъ называемый латышскій дактиль, какъ для литовцевъ, такъ и для латышей женитьба на вдовѣ не желательна.

2. Молодая жена.

Молодой человѣкъ, не имѣющій ни кола, ни двора, не знаетъ, куда помѣстить дѣвушку, свою невѣсту (лит. т.), свою жену (лат. т.). Она должна оставаться далеко отъ него, на чужбинѣ. Онъ хочетъ построить себѣ лодку, чтобы въ ней каждый вечеръ посѣщать свою жену (лит. т.), или онъ желаетъ отправить ее въ лодкѣ на чужбину (лат. т.). Кукуетъ кукушка, поетъ снѣгирь¹⁾ (поползень или иволга лит. т.), поетъ соловей (лат. т.) и дѣвушка-жена плачетъ на чужбинѣ. Не плачь, утѣшься, говоритъ молодой мужъ, я буду посѣщать тебя каждый вечеръ (лит. т.); въ этомъ или въ слѣдующемъ году я посѣщу тебя (лат. т.). Это параллельный текстъ.

Лит. текстъ имѣетъ отличное отъ латышскаго начало, и лат. текстъ содержитъ въ концѣ, повидимому, новое прибавленіе, котораго нѣтъ въ лит.

Объ этихъ немногихъ пѣсняхъ едва ли можно что-нибудь больше сказать. Въ нихъ встрѣчается дактилическій размѣръ, и онѣ не имѣютъ почти никакихъ вариантовъ. Лит. т. тринадцатью годами раньше записанъ, чѣмъ лат.; но это лишь случайно, и изъ этого ничего нельзя заключить насчетъ первенства той или другой пѣсни. Приходится еще упомянуть о приведенномъ уже раньше соотвѣтствіи отдѣльных частей (*parallelismus membrorum*), которое въ лит. и лат. нар. поэзіи очень ходяче и замѣчается здѣсь между пѣніемъ птицъ, съ одной стороны, и плачемъ женщинъ, съ другой стороны. Стало-быть, мы опять встрѣчаемъ на одной сторонѣ жизнь природы, на другой — жизнь людей.

1) Лит. volunge, es, f. = лат. vālodze, es, f. (иволга крикливая).

3. Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка и у вдовца.

Параллель этихъ текстовъ замѣтилъ А. Бенценбергеръ уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ¹⁾. Какъ выше въ № 1 этого отдѣла сказано о нежеланіи юноши жениться на вдовѣ, такъ и здѣсь говорится о большомъ отвращеніи дѣвицы ко вдовцу или старому мужу. Дѣвица постилаетъ постель юношѣ, молодому жениху, и подстиляетъ ему три слоя перинъ, кладетъ въ изголовьѣ нѣсколько подушекъ, по лат. тексту она еще покрываетъ жениха бѣлыми шерстяными одѣялами и ложится сама къ нему, какъ цвѣтушая розочка. Она проситъ пѣтуха, чтобы онъ утромъ рано не пѣлъ, и упрасиваетъ день, чтобы онъ рано не разсвѣталъ; такъ какъ время мечтать о любви, вести любовныя рѣчи слишкомъ коротко. Напротивъ, если дѣвицѣ приходится постилать постель вдовцу, старику, то она подстиляетъ ему три слоя терну и чертополоху, кладетъ подъ голову нѣсколько маленькихъ камней, по лат. тексту покрываетъ его притомъ старою бороною, ложится сама ко вдовцу-старику, трепеща, какъ листочекъ. Теперь она проситъ пѣтуха, чтобы онъ пораньше пропѣлъ, умоляетъ ночь, чтобы она не была долга, и день, чтобы онъ скорѣе разсвѣталъ, такъ какъ мечтать не о чемъ, не о чемъ вести рѣчи.

Передавая лат. текстъ А. Бенценбергеръ замѣчаетъ слѣдующее: *Ich teile hier das entsprechende lettische gedicht mit (s. d. einleitung), über das Bielenstein mit recht urteilt, dass es eine perle von volkspoesie sei, die kaum ihres gleichen finden dürfte in der reinheit, mit der hier eine brautnacht geschildert wird*²⁾. То же самое можно сказать и насчетъ лит. дайны. Мы находимъ здѣсь тоже одинаковый размѣръ, именно, четырехстопные трохеи. Дальнѣйшее изображеніе того обстоятельства, какъ дѣвица покрываетъ холостяка или вдовца и какъ она къ тому и другому ложится сама, является чертою, недостающей въ лит. текстѣ, но встрѣчающейся, напротивъ, въ лит. вариантѣ. По этому варианту дѣвица даетъ холостяку два, три одѣяла на ночь и ложится сама къ нему, какъ лилія къ маерану; напротивъ, вдовцу она предлагаетъ вмѣсто одѣяла пять, шесть сосно-

1) Cp. *ero Lit. Forsch.*, стр. 28. Зам. 4.

2) *Ibid.*

выхъ вѣтвей, и спитъ съ нимъ, какъ лилія подлѣ терна. Следовательно, и эти пѣсни показываютъ, что литовецъ и латышъ или лучше литвинка и латышка излагаютъ одинаковую идею съ различными отбѣнками.

4. Любовныя размышленія на ночномъ.

Эти пѣсни трактуютъ исключительно о ночлегѣ и содержатъ уже нѣкоторыя новыя, чтобы не сказать, модныя черты. Мы имѣемъ здѣсь, въ этихъ пѣсняхъ, нѣкоторый только отголосокъ и малое соотвѣтствіе или совпаденіе. Параллельный текстъ ограничивается здѣсь лишь одинаковою идеею о ночлегѣ. Болѣе близкія обстоятельства на той и на другой сторонѣ указываютъ на нѣкоторый только отголосокъ, и не представляютъ дѣйствительнаго соотвѣтствія или совпаденія. Лит. текстъ имѣетъ очень распространенное въ лит. и лат. пѣсняхъ начало, которое болѣе подходитъ подъ застольныя пѣсни, о чемъ впереди будетъ рѣчь.

Молодецъ пьетъ и раздумываетъ, гдѣ бы ему найти ночлегъ для себя и для своей гнѣдой лошади. Онъ рѣшается отправиться въ березовую рощу. Березовые листочки замѣняютъ его коню чистый овесъ. Для себя онъ наломаетъ березовыхъ вѣтвей, которыя замѣняютъ ему постель и подушку. Ружье сбоку замѣнитъ ему дѣвушку-невѣсту. Онъ повѣситъ шапку, которая замѣнитъ ему часы или пестраго пѣтуха.

По лат. тексту дѣвушка, при видѣ ночующаго, краснѣетъ, какъ брусника, и спрашиваетъ его, гдѣ онъ провелъ ночь, у матушки или у другой дѣвушки. Отвѣтъ юноши, отчасти соотвѣтствующій литовской пѣснѣ, гласитъ: Я спалъ подъ елью и подстилалъ, вмѣсто простыни, еловыя вѣтви. Отвѣтъ дѣвушки напоминаетъ немного предыдущій № 3 этого же отдѣла. Дѣвушка готова прислать ночующему пару льняныхъ простынь, бѣлыя шерстяныя одѣяла, пару платочковъ и тонкія льняныя шапочки.

По лит. вар. у Юшкевича сестра спрашиваетъ брата, гдѣ онъ провелъ ночь, какъ это явствуетъ изъ обращенія *broluželi manu, dobielėli manu* (братецъ мой, клеверъ мой). Или *broluželi, dobielėli* значитъ здѣсь то же самое, что иногда *balelė* въ лат. нар. пѣсняхъ, (см. выше V) просто, юноша, парень. Если допустить такое толкованіе, то это опять-таки мы имѣли бы въ лицѣ дѣвушки милую, которая спра-

шиваетъ, гдѣ парень провелъ ночь. И его отвѣтъ *mutatis mutandis* одинаковъ съ тѣмъ отвѣтомъ, который мы уже выше встрѣчали въ лит. и лат. текстахъ. Только здѣсь описаніе болѣе драматическое. По 1-му лат. вар. молодцу кажется ночь на ночномъ слишкомъ долгою. Его ожидаетъ милая, къ которой онъ въ эту ночь не отправляется, но проводитъ ночь на горѣ, въ бѣломъ клеверѣ, у своего гнѣдого коня, подложивъ сѣдло подъ голову и накрывшись уздою. 2-й лат. вар. напоминаетъ въ своемъ началѣ № 7, во II отдѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о занятіяхъ трехъ дѣвушекъ. Впрочемъ, эта пѣсня представляетъ вариантъ, похожій на лат. текстъ, въ которомъ милый рассказываетъ любимой дѣвушкѣ про свой ночлегъ. Ни подъ сосною, ни подъ елью, ни у другой дѣвушки онъ не ночевалъ, а лежалъ на зеленомъ полѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ; у него были липовыя листья подъ головою и зеленыя еловыя вѣтви служили ему простынею. Дѣвушка отвѣчаетъ ему такъ же, какъ это представлено выше, въ лат. текстѣ.

Лит. и лат. пѣсни имѣютъ здѣсь характеръ вариантовъ, при томъ съ различнымъ размѣромъ. Лат. пѣсни въ своихъ обычныхъ четырехстопныхъ трохеяхъ указываютъ на болѣе глубокую старость, чѣмъ литовскія. Онѣ, по крайней мѣрѣ, не упоминаютъ о такихъ новыхъ предметахъ, каковы: ружье (*puškele*), часы (*žėgorelis*) и т. п.

5. Ночлегъ.

Здѣсь мы имѣемъ почти слово въ слово соотвѣтствующее начало множества лит. и лат. пѣсенъ, рѣзко отличающихся одна отъ другой во всемъ остальномъ. Въ непосредственно предыдущемъ № 4 мы встрѣтили въ обѣихъ первыхъ строфахъ литовскаго текста уже сходное начало. — Нѣкто раздумываетъ, гдѣ ему ночевать. Наконецъ, онъ рѣшается поѣхать верхомъ къ дѣвушкѣ, чтобы провести у ней ночь.

Это начало, встрѣчаемое во многихъ пѣсняхъ, въ остальномъ по содержанію различныхъ, и находившее всеобщую любовь и распространеніе, служило, повидимому, народному поэту, такъ сказать, схемою, метрическимъ образцомъ къ дальнѣйшему поэтическому творчеству. Объ этомъ свидѣ-

тельствуютъ совпаденія, состоящія иногда лишь изъ одного стиха и встрѣчаемыя въ лит. и лат. дайнахъ, какъ-то:

Joiau diena, joiau nakti — ¹⁾ Jáju dienu, jáju nakti — ²⁾
(Бду верхомъ день, бду верхомъ ночь).

Этотъ стихъ служитъ началомъ литовскихъ и латышскихъ пѣсенъ, принадлежащихъ лишь къ одному отдѣлу любовныхъ пѣсенъ, различныхъ по содержанію. Такіе часто повторяющіеся, рефреновидные стихи ³⁾ имѣли, вѣроятно, первоначально и одинаковый напѣвъ.

Насколько въ этомъ паралл. текстѣ поется о бражникахъ, мы обратимъ на него вниманіе еще ниже, когда будемъ говорить о застольныхъ пѣсняхъ.

Х. О посѣщеніи братомъ сестры, вышедшей замужъ.

(Защита обиженной сестры.)

Относящіяся сюда пѣсни переносятъ насъ во времена господства грубыхъ нравовъ и, вслѣдствіе этого, обнаруживаютъ глубокую древность.

Вооруженный мечемъ братъ отправляется къ вышедшей замужъ сестрѣ. Ибо онъ узналъ, что ея мужъ жестоко обращается съ нею. Братъ строго и рѣшительно выступаетъ противъ зятя. Съ мечемъ въ рукѣ онъ восклицаетъ: Выходи, негодяй-зять! Какъ ты поступаешь съ сестрою (лит. т.)? Чѣмъ провинилась сестра? Приходится ли тебѣ ѣсть немолотый хлѣбъ? Или тебѣ приходится ходить въ немытомъ бѣльѣ? Мой булатный мечъ, твоя голова съ плечъ! Сейчасъ я тебя убью (лат. т.)! Твоя голова слетитъ, какъ кочанъ, твоя кровь польется, какъ будто опадутъ листья піона (лит. т.). Твоя голова, какъ горшокъ, съ грохотомъ полетитъ къ воротамъ (лат. т.)! — Но братъ ограничивается лишь однѣми угрозами.

1) Справ. Jušk. L. d. 1559.

2) Справ. Zim. IV, 18.

3) Они встрѣчаются и у Юшкевича L. sv. d. 483 и 487. Ср. и Zim. ib.

По нѣкоторымъ вариантамъ братъ говоритъ: кто будетъ давать сестрѣ хлѣбъ, если я отрублю у зятя голову? По лит. варианту (Jušk. L. sv. d. 912) не прошло и полугода, братъ опять слышитъ, что сестра страдаетъ. Онъ приглашаетъ другихъ братьевъ осѣдлать коней, чтобы провѣдать сестру: довольна ли она своимъ новымъ положеніемъ? зеленѣютъ ли и цвѣтутъ ли ея руты? — Сестра не довольна, не весела, ея руты завяли во время цвѣтенія. По лат. варианту (Bütt. 1436) сестра спрашиваетъ своего брата, куда онъ поѣдетъ верхомъ, зачѣмъ онъ обуваетъ вечеромъ ноги. Братъ отвѣчаетъ: „Не говори ничего, сестрица, подай мнѣ мой мечъ; я слышу, что жестоко обходятся съ нашею замужнею сестрою.“ Когда онъ пріѣзжаетъ къ сестрѣ, она спѣшитъ открыть ему ворота. Одною рукою она открываетъ ворота, а другою утираетъ слезы. Братъ вынимаетъ платокъ, утираетъ ей слезы и, утѣшая ее, говоритъ: „Твой мужъ достоинъ порицанія, зато что онъ бранитъ тебя; своимъ мечемъ я покажу ему Бога.“

Эти пѣсни переносятъ насъ, если не ошибаюсь, въ раннюю эпоху народной жизни, вѣроятно, во времена лит. и лат. самостоятельности и свободы, когда литовцы и латыши съ мечемъ въ рукахъ сражались за право и порядокъ и вступались за своихъ родственниковъ. Такъ какъ за обиженную сестру вступается не отецъ, а братъ, то изъ этого явствуется, что въ этомъ случаѣ въ мудромъ наставленіи не было такой необходимости, какъ въ сильной, молодой рукѣ. Эти пѣсни переносятъ насъ въ тѣ времена, когда еще похищали невѣсту; ибо въ этихъ пѣсняхъ представляется, какъ братья заботятся о сестрѣ, живущей на чужой сторонѣ, гонятся за ней, защищаютъ ее и т. д. Въ этихъ пѣсняхъ главное занятіе женщины составляетъ молотье на ручной мельницѣ.

Какъ это уже отмѣчено при текстахъ, они представляютъ не цѣлыя пѣсни, а лишь отрывки пѣсенъ, имѣющихъ соотвѣтствія. Это обстоятельство и различный размѣръ, очевидно, свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ представляютъ собой взаимныя, самостоятельныя произведенія, вытекавшія изъ одинаковыхъ нравовъ и воззрѣній.

XI. Сиротскія пѣсни.

О сиротскихъ пѣсняхъ, заключающихъ въ себѣ миѳическіе элементы, по которымъ, напр., сирота, отыскивая родителей, взлѣзаетъ по вѣтвямъ розы или боба до неба, мы уже говорили выше (см. II). Здѣсь мы разберемъ лишь тѣ произведенія, которыя не содержатъ почти ничего миѳического, но важны своимъ совпадениемъ.

1. Могила матери.

Латышскій текстъ, соответствующій литовскому, сохранился лишь въ видѣ отрывковъ, которые разбросаны въ народѣ, гдѣ собиратели записывали ту или другую строфу одной первоначально цѣлой пѣсни. Я сопоставилъ эти отдѣльные отрывки или строфы съ лит. текстомъ такъ, что они теперь представляютъ опять одно цѣлое и показываютъ полный латышскій текстъ, цѣликомъ соответствующій литовскому. Что эти отдѣльные отрывки первоначально составляли одну цѣлую пѣсню, объ этомъ свидѣлствуетъ, во-первыхъ, сопоставленная лит. дайна, представляющаяся цѣлою, во-вторыхъ, лат. вариантъ, записанный Биленштейномъ и изданный Бенценбергеромъ ¹⁾, въ-третьихъ, варианты у Бривземніака (881 etc.), которые являются еще въ видѣ цѣлыхъ, длинныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, мы уже выше, въ миѳическихъ пѣсняхъ, видѣли, что въ нихъ иногда съ цѣлыми, длинными лит. дайнами сопоставлены краткія, афористическія лат. пѣсенки, какъ имѣющія вмѣстѣ съ литовскими пѣснями одинаковое содержаніе. Что съ цѣлыми лит. дайнами сопоставляются иногда лишь лат. отрывки — это мы увидимъ еще ниже. Здѣсь именно замѣчается склонность латышскаго гения, въ отличіе отъ литовскаго, переходить къ почти гномическому творчеству, четверо- и шестеростишіямъ, господствовавшимъ въ позднѣйшее время въ лат. нар. поэзіи. И въ этомъ отдѣлѣ преобладаютъ такого рода краткія пѣсенки.

Содержаніе этого паралл. текста слѣдующее. Охъ, знала бы я горку (могилку), гдѣ лежитъ моя матушка, я

насадила бы на ней зеленые липы, яблони (лит. т.), я обнесла бы ее пестрыми (дубовыми 2. var.) досками (лат. т.), или: я украсила бы могилу красными розочками (1. var.). Вставай, матушка, я приподыму дернъ, я тебѣ расскажу, что со мною дѣлаетъ мачеха. Она рвала меня, била меня, драла меня за волосы и подавала мнѣ черезъ огонь хлѣбъ. Мать покинула меня, какъ курица цыплятъ. Цыплята бѣгаютъ вмѣстѣ, а я, сиротинушка, одинока.

Этотъ сюжетъ передается, какъ въ литовскихъ, такъ и въ латышскихъ пѣсняхъ извѣстными четырехстопными трохеями.

2. Отвѣтъ матери изъ могилы.

Подъ этимъ заглавіемъ мы находимъ опять, какъ у латышей, такъ и у литовцевъ цѣлыя пѣсни. Чтобы имѣть по возможности полное соответствіе, я прибавилъ къ литовской пѣснѣ нѣсколько стиховъ (они поставлены въ скобкахъ) по замѣчаніямъ и дополненіямъ Боленя, въ изданіи Резы.

Содержаніе этихъ пѣсенъ слѣдующее. Сирота въ лѣсу приходитъ къ могилѣ матери и горько плачетъ по ней. Тогда спрашиваетъ мать: Кто плачетъ здѣсь по мнѣ? Кто топчетъ могилу? Сирота отвѣчаетъ: Я, матушка, я одинокая сиротинушка. Кто будетъ причесывать мою головушку? Кто будетъ мыть мой ротикъ? Кто будетъ говорить мнѣ слова любви (лит. т.)? По лат. тексту, записанному на верхнелатышскомъ говорѣ, сирота будитъ свою мать, чтобы послѣдняя причесала ей голову, надѣла бы ей чистую рубаху, обула бы ей ноги. По обоимъ текстамъ мать одинаково отвѣчаетъ сиротѣ, что у ней есть другая мать, которая все это сдѣлаетъ. По лит. дайнѣ еще говорится, что юноша будетъ говорить ей слова любви. Потомъ сирота жалуется, что другая мать, мачеха, надѣвая ей рубаху, обходится съ нею очень жестоко. По лат. пѣснѣ въ заключеніе поется, что мачеха проклинаетъ падчерицу, чтобы она умерла прежде, чѣмъ износить свою рубаху и потребуетъ другую. Обувая ей ноги, мачеха обжигетъ ихъ крапивою.

Между тѣмъ, какъ лат. пѣсня (именно буженіемъ матери) сначала напоминаетъ болѣе о предыдущемъ № 1, лит. дайна начинается тѣмъ, что сироту посылаютъ въ лѣсъ со-

1) См. его Lit. Forsch., стр. XI.

бирать ягоды. Лат. же пѣсня имѣетъ начало, по которому слышится годость сироты въ лѣсу, которая будить свою мать изъ могилы.

Замѣчательно здѣсь по лит. и лат. текстамъ то возрѣніе, которое опять примыкаетъ къ миѣическому, а именно, что по наивному, народному вѣрованію мать собственно не мертва, а только спитъ, отдыхаетъ подъ дерномъ, такъ что ее можно разбудить и она тогда будетъ отвѣчать. По бѣлорусской пѣснѣ (Виленской губерніи) сирота тоже будить свою матушку, чтобы она встала изъ могилы и послужила ей на дѣвичникѣ (*Dziwieć wieczor*). Мать отвѣчаетъ ей, что она не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ сѣрая земля лежитъ у нея на сердцѣ, такъ что она не можетъ вздохнуть¹⁾. Э. Вольтеръ невѣрно относитъ пѣсни, принадлежащія сюда, а равно и нѣкоторыя уже выше (II, 2) приведенныя пѣсни къ погребальнымъ²⁾.

3. Строгіе бары.

Мы встрѣчаемъ здѣсь только одно лат. четверостишіе, соотвѣтствующее по содержанію и размѣру послѣдней строфѣ лит. дайны, состоящей изъ трехъ строфъ. По духу обѣ первыя строфы литовской пѣсни таковы, что латышъ, безъ сомнѣнія, и ихъ можетъ принять за свои собственныя или родственныя произведенія. Эти пѣсни намекаютъ на то, что поющій ихъ народъ ужъ болѣе не свободенъ и не самостоятеленъ. Пѣвецъ желаетъ, чтобы мать его вовсе не воспитала. Стоитъ ли ему жить для бѣдствія, для горькихъ слезъ? Лучше было бы бросить его въ рѣку, въ глубокое озеро; тамъ онъ жилъ бы съ рыбами, полосатыми щуками. Злые бары и чиновники (лит. т., тѣмъ начинается параллельный текстъ), или строгіе бары, сторожа (лат. т.) не даютъ своевременно вечера (лат. т.), покоя (лит. т.). Заходи, Солнышко, спѣши, Мѣсяцъ (лит. т.), или: Спѣши, Сол-

1) См. *Pieśni Białoruskie z powiatu dziśnieńskiego gubernii wileńskiej* zapisał Adolf Černý. Dodatek do *Pieśni Białorusko-Polskich z powiatu sokólskiego gubernii grodzieńskiej*, zapisanych przez Prof. Dr. J. Baudouin de Courtenay. W. Krakowie. 1894. Стр. 3, № 4.

2) См. его Матеріалы, стр. 369—375.

нышко, скорѣе къ Богу, ниспошли намъ святой вечеръ! — такъ молится въ своей нуждѣ пѣвецъ, обращаясь къ своимъ древнимъ богамъ.

Все настроеніе этихъ пѣсенъ, а именно, встрѣчаемое въ лат. пѣсенкѣ выраженіе *vagarites* (dim., презрительные сторожа) переносятъ насъ во времена крѣпостного состоянія и барщины. Несомнѣнно, что латышское четверостишіе лишь остатокъ болѣе длинной пѣсни.

XII. Странное обѣщаніе.

И здѣсь мы имѣемъ лишь краткій параллельный текстъ, состоящій только изъ нѣсколькихъ строфъ болѣе длинныхъ дайнь. Лит. текстъ представляетъ конецъ длинной пѣсни, въ которой встрѣчаются миѣическіе элементы и поется о походѣ. Такъ, напр., воинамъ должны прислуживать дѣвы бога (*Dievo dukružēlēs*) своими бѣлыми ручками и утѣшать словами любви и т. п. Лат. текстъ представляетъ тоже лишь конецъ длинной пѣсни (зинге). Стендеръ, записавшій эти строфы, предпосылаетъ имъ слѣдующее примѣчаніе: „Въ одной зингѣ, въ которой несчастный бѣглецъ на вопросъ матери, когда онъ возвратится, отвѣчаетъ: —“ (теперь слѣдуютъ лат. строки). По лит. дайнь уходящіе отвѣчаютъ тоже на вопросъ, когда они возвратятся изъ Венгерской земли. И оба отвѣта, лит. и лат., представлены въ параллельномъ текстѣ: Когда зазеленѣютъ колья, когда вырастутъ камни (лит. т.), или когда они сгніютъ (лат. т.), когда начнутъ цвѣсти на морѣ деревья (лит. т.), когда будетъ по поверхности воды плавать булыжникъ и потонетъ въ водѣ перо (лат. т. и лит. вар. *Jušk. L. sv. d. 822*, строфа 8; *974*, строфа 9) — (до этого мѣста мы имѣемъ соотвѣтствіе) —, тогда они возвратятся изъ Венгерской земли, тогда придетъ бѣглецъ навѣстить отца и мать.

Мы здѣсь встрѣчаемся, стало-быть, съ своего рода народною ироніею, подобною той, которая встрѣчается въ народныхъ сказкахъ о трехъ сыновьяхъ. Двое изъ нихъ считаются умными, а третій дурачкомъ. На дѣлѣ же всегда оказывается противоположное. Такъ и здѣсь обѣщанное возвращеніе есть только иронія, потому что оно связано съ невозможными условіями.

Лат. текстъ вмѣстѣ съ примѣчаніемъ Стендера, по которому онъ оказывается первоначально длинною пѣсней (zinge), записанъ уже болѣе ста двѣнадцати лѣтъ тому назадъ и снова свидѣтельствуетъ о томъ, что многія теперешнія короткія лат. пѣсенки, четверостишія, шестеростишія и т. д., не представляютъ первичную, но болѣе новую, афористическую форму первоначально длинныхъ пѣсенъ, соответствующихъ литовскимъ дайнамъ. Бергманъ, издавшій въ своемъ сборникѣ то же самое шестеростишіе тридцатью годами позже Стендера, уже точно такъ же, какъ Бютнеръ, опубликовавшій въ своемъ объемистомъ изданіи эту пѣсню, не знаетъ ничего о томъ, что эта пѣсенка представляетъ лишь конецъ первоначально длинной дайны (zinge).

По лит. вариантамъ, которымъ соответствуетъ лат. пословица (Брив. 200), слѣдуетъ странное, лишь мало отличающееся отъ упомянутаго отвѣта обѣщаніе на вопросъ (который такъ же, какъ и выше, приходится предположить): Когда спрошенный юноша женится на любимой имъ дѣвушкѣ? или: Когда будетъ ихъ свадьба? или: Когда они обмѣняются словами любви? и т. п. Въ лит. вариантѣ (Jušk. L. sv. d. 974, строфа 8) выполнение обѣщанія, между прочимъ, зависитъ отъ того, когда лисица будетъ плясать подъ игру пѣтуха на скрипкѣ. Этому соответствуютъ слѣдующія лат. изреченія:

Kad pūcei aste ziedēs; Когда у лисицы будетъ цвѣсти хвостъ;

Kad zaķis pār ceļu pārskries¹⁾. Когда заяцъ не будетъ перебѣгать черезъ дорогу.

Къ этому нашему паралл. тексту встрѣчаются и русск., нѣм., шотланд., швед. и финскія параллели, въ родѣ слѣдующихъ: „Когда почернѣетъ лебедь и побѣлѣетъ воронъ“, „когда всплыветъ камень и потонетъ перо“, „оли камень начнетъ плавать, а хмель почнетъ грязнуги (тонуги)“²⁾.

ХІІІ. Дорогая семья.

Заглавіе этого отдѣла я заимствовалъ изъ „Lettische Volkslieder“ К. Ульмана, который назвалъ въ своемъ нѣмец-

1) L.

2) Потенія: Объясненія малорусс. II, стр. 560. — См. Uhland, Schriften zur Gesch. der Dichtung III, 217 и 218.

комъ переводѣ лат. вариантъ подъ слѣдующимъ № 1 „Die kostbare Familie“¹⁾. Это названіе вполне соответствуетъ содержанію рассматриваемыхъ здѣсь пѣсенъ. Ибо для самого пѣвца эта семья, о которой поется въ этихъ пѣсняхъ, дорога, потому что онъ по очереди узнаетъ дорогихъ сердцу людей и послѣ долгаго напраснаго исканія наконецъ находитъ свою душеньку, свою милую невѣсту. При этомъ случаѣ мы знакомимся съ разнообразными занятіями, съ большимъ богатствомъ и разными помѣщеніями и недвижимымъ имуществомъ этой семьи, свидѣтельствующимъ о зажиточности ея.

1. Приматы.

Этотъ паралл. текстъ можно было бы назвать пѣсней распознаванія. Пѣвецъ хвастается въ немъ, что онъ узнаетъ своего отца между сотнею бражниковъ по его бѣлымъ рукамъ, красивымъ щекамъ, по серебряному (лит. т.), алмазному (лат. т.) стеклу, по серебряной кружкѣ (лат. т.). Такъ онъ узнаетъ по очереди всѣхъ членовъ семьи: мать между сотнею ткачихъ, прядильщицъ (лат. т.), по новому ткацкому станку, по ея тонкому холсту, по ея камышевому берду, по серебряному челноку, по серебряной прялкѣ, по тонкому утку (лат. т.); сестру онъ узнаетъ между сотнею швей по ея бѣлымъ ручкамъ, по ея тонкому шву, по зеленому, шелковому швейному прибору, по серебряной иглѣ, по золотой иголкѣ, по тонкому швейному прибору (лат. т.); брата онъ узнаетъ между сотнею пахарей по его новому плугу, по сѣрому быку (онъ пахалъ стальными сошниками гуфу земли, лит. т.), по алмазному плугу, по гнѣдому коню (лат. т.); наконецъ, онъ узнаетъ невѣсту между сотнею ткачихъ по алмазному ткацкому станку, по золотому челноку (въ лит. т. недостаетъ этой строфы); пѣвица узнаетъ милаго между сотнею косарей по его стальной косѣ, по изящному косовищу, по серебряному бруску, по широкому покосу (лит. т.), между сотнею стрѣлковъ по серебряному луку и по булатному мечу (лат. т.).

1) Cp. Lettische Volkslieder, стр. 165.

Оба текста, какъ литовскій ¹⁾, такъ и латышскій, начинаются почти одинаковою анафорою:

О аš раіпау — Es pazinu —
(Охъ, я узналъ).

Латышскія строфы содержатъ еще эпифору:

Это мой родной отецъ,
Это мой милый бражникъ;
Это моя родная мать,
Это моя милая прядильщица etc.

между тѣмъ, какъ въ литовскихъ строфахъ этого нѣтъ. Тутъ, напротивъ, еще подробнѣе описываются отдѣльныя лица и ихъ орудія. Эпитетъ *ists*, -а (родной, настоящий), которымъ лат. пѣсня надѣляетъ всѣхъ воспѣваемыхъ членовъ семьи, не находится въ лит. дайнѣ. Очередь милыхъ, воспѣваемыхъ лицъ тоже нѣсколько отличается на обѣихъ сторонахъ. Несмотря на то, нельзя не признать большое соотвѣтствіе пѣсенъ какъ по формѣ, такъ и по содержанию. Надо особенно отмѣтить здѣсь почти одинаковую идеализацію вещей и лицъ. Новою чертою въ лит. текстѣ является предложение: *Gėrė rincką vynelį* (онъ пилъ рейнское вино); но *rinckas vynelis, rinėvynis || rinšvynis, rinšvynas* означало первобытно, конечно, рейнское вино, а потомъ вино вообще. Несомнѣнно, древнею чертою надо считать лукъ и мечъ въ числѣ охотничьихъ принадлежностей милаго въ лат. пѣснѣ.

Что касается вариантовъ, то мы находимъ, что лит. вар. воспѣваетъ лишь юношу, милаго и милую, стало-быть, молчитъ о членахъ семьи, между тѣмъ, какъ лат. вариантъ упоминаетъ объ отцѣ, матери, братѣ и сестрѣ, но не упоминаетъ о миломъ и о милой. Эта лат. пѣсня предпосылаетъ каждой уже извѣстной строфѣ, какъ новое украшеніе, двѣ строфы, въ которыхъ спрашивается: Охъ, красавицы, гдѣ вы нарвали розъ и гдѣ сплели изъ нихъ вѣнокъ? И красавицы отвѣчаютъ: Въ Москвѣ мы нарвали розъ и сплели изъ нихъ вѣнокъ, въ Данцигѣ мы износили ихъ ²⁾. Впро-

1) Юшкевичъ предпосылаетъ этой дайнѣ двѣ по содержанию различныя пѣсенки, имѣющія лишь одинаковый размѣръ.

2) Это напоминаетъ объ отвѣтѣ дѣвицъ, приведенномъ выше (II, № 7, 5-й, 6-й и 8-й вар.): Мы вѣнки покупали въ г. Ригѣ и приготавливали ихъ въ нѣмецкой землѣ.

чемъ, этотъ лат. вар. повтореніемъ одной строки въ каждой строфѣ, по своему построению, ближе подходитъ къ литовскому тексту, имѣющему это повтореніе, чѣмъ лат. текстъ. Касательно одинаковыхъ членовъ семьи, этому лат. варианту съ 9-ой строфы почти вполне соотвѣтствуетъ лит. дайна (*Jušk. L. sv. d. 134*).

2. Поиски возлюбленной.

Одинаковый мотивъ въ этихъ пѣсняхъ представляютъ исканіе и нахожденіе милой-душеньки.

По лит. тексту юноша ищетъ душеньки (*širdelė*) по очереди въ комнатѣ, въ которой стоятъ жернова, въ прядильнѣ, по всему дому и на берегу рѣки. Онъ находитъ тамъ: трехъ молольщицъ, стальную ручную мельницу, мѣдную колѣнчатую рукоятку; трехъ прядильщицъ, бѣлый ленъ, молодыхъ пряхъ; трехъ ткачихъ, шелковое полотно, мѣдный ткацкій станокъ, но не нашелъ милой-душеньки. Онъ спѣшитъ на берегъ рѣки. Тамъ онъ находитъ трехъ прачекъ: моютъ онѣ тонкіе холсты; въ рукахъ у нихъ мѣдный валець, и тамъ онъ находитъ свою душеньку.

По лит. дайнѣ милый вмѣстѣ съ другими ищетъ свою милую, на что намекаетъ слово *eisim* (пойдемъ), по лат. же пѣснѣ милый отправляется одинъ на поиски. На это указываетъ форма *iešu* (пойду). Онъ отправляется на сѣнокосъ, на засѣянное льномъ поле, на бѣлильню, въ катальню, въ избу и въ ту комнату, гдѣ стоятъ жернова. Онъ встрѣчаетъ тамъ по очереди трехъ дѣвушекъ, сгребавшихъ сѣно, трехъ дѣвушекъ, вырывающихъ ленъ, трехъ прачекъ, трехъ катальщицъ, трехъ прядильщицъ, но не встрѣчаетъ своей милой (*ligavīca*). Наконецъ, онъ отправляется въ ту комнату, въ которой стоятъ жернова. Тамъ мелютъ три молольщицы, тамъ онъ находитъ свою милую.

Итакъ, лит. пѣвецъ начинаетъ пѣсню съ той комнаты, въ которой стоятъ жернова, а латышскій заканчиваетъ ею. Милый, въ лит. дайнѣ, находитъ время въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ подробнѣе осматривать и описывать предметы; въ латышской, напротивъ, этого нѣтъ. Лат. милый какъ бы болѣе вознущается и долженъ зато дольше искать, ему приходится пройти двумя мѣстами болѣе, чѣмъ его лит. товарищу.

Замѣчательно и здѣсь повторяющееся число три. Не намекаетъ ли и это на три судьбы (tria fata)?

По лит. варианту, подобно этому, и дѣвица ищетъ своего милаго. Она отправляется на ровныя поля, къ пахарямъ, на ровные луга къ косарямъ, но нигдѣ не находитъ его. Наконецъ, она приходитъ въ корчму, къ бражникамъ, и тамъ она видитъ его пьянаго, съ бессмысленною улыбкою смотрящаго на всѣхъ. — Слѣдовательно, здѣсь или это прибавленіе, или вся пѣсня болѣе новаго времени, какъ это показываетъ мѣсто о корчемной жизни; все-таки эта пѣсня, повидимому, создана по древнему образцу. Размѣръ во всѣхъ этихъ пѣсняхъ одинаковый, именно, собственный литовско-латышскій двухстопный дактиль.

XIV. Пьяница.

(Сидящій на лошади.)

Эти немногіе стихи о пьяницѣ приводятъ насъ такъ же, какъ непосредственно предыдущій лит. вар., къ корчмѣ, но не въ корчму. Корчму или какой-нибудь кабакъ придается здѣсь еще предполагать. Ибо пьяница хвастается лишь тѣмъ (и это паралл. текстъ здѣсь), что онъ выпилъ на сто зексеровъ ¹⁾ (лит. т.), на сто марокъ ²⁾ (лат. т.), сидя на лошади. Онъ выпилъ бы еще на другую сотню (зексеровъ или марокъ), но не стоялъ болѣе его бойкій конь.

Итакъ, пьяница находится передъ какимъ-нибудь кабакомъ и, сидя на своемъ конѣ, онъ пьетъ до тѣхъ поръ, пока его бѣгунъ не станетъ выражать нетерпѣнія. Вѣрный конь долженъ опредѣлить для этого пьяницы мѣру питья. Кажется, что это древній обычай пить такимъ образомъ. Ибо какъ у литовца, такъ и у латыша существовало это обыкновеніе. Характерно здѣсь также то, что какъ литовецъ, такъ и латышъ всегда представляются вмѣстѣ со своимъ конемъ, будь это дома, на дворѣ, или на полѣ, на войнѣ, или во время поѣздки верхомъ къ милой, или —

1) Два серебряные гроша = шесть прусск. грошей.

2) Бывшая въ употребленіи въ прежнія времена въ Курляндіи и Лифляндіи мелкая монета = 3 копейки.

какъ здѣсь — передъ кабакомъ, или, наконецъ, на ночномъ и т. п. Всѣ эти случаи мы своевременно встрѣчали уже выше. Только тогда, когда всадникъ погибъ, напр., палъ на войнѣ, мы видимъ коня одного; но онъ бѣжитъ домой, чтобы рассказать о своемъ всадникѣ. Литовецъ и латышъ со своимъ добрымъ конемъ неразлучны.

Здѣсь не должно казаться страннымъ, что лит. и лат. пѣсни этого рода совпадаютъ лишь въ немногихъ отдѣльных строфахъ, особенно, если принять во вниманіе, что круговыхъ пѣсенъ въ этой нар. поэзіи сравнительно мало и что пѣсни, относящіяся къ корчмѣ, къ кабаку, — произведенія лишь болѣе новаго происхожденія, т. е. совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда латыши съ литовцами едва ли имѣли еще какія-нибудь сношенія. Немногіе соотвѣтствующіе здѣсь стихи, вѣроятно, случайны, при чемъ только обычай пить, сидя на конѣ, представляетъ нѣчто древнее, первобытно свойственное обоимъ народамъ. И въ лат. пѣсняхъ говорится про такихъ людей, которые слывятся пьяницами и любителями скачекъ.

XV. Свадьба птицъ, волка.

(Разныя роли гостей.)

Здѣсь мы имѣемъ по формѣ и содержанію совершенно полный паралл. текстъ, представляющій намъ отрывокъ древняго литовско-латышскаго животнаго эпоса. Въ этихъ пѣсняхъ изображается свадьба птицъ или волка. На свадьбѣ какъ птицы, такъ и лѣсныя животныя играютъ различныя роли. Каждая птица, каждый звѣрь получаетъ, соотвѣственно своимъ качествамъ, въ эпической формѣ эпитетъ, обозначающій роль, которую каждое изъ животныхъ играетъ на празднествѣ.

Если по параллельному тексту остается неизвѣстнымъ, кто собственно женится, то въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ лит. вар. прямо говорится, что женится волкъ, и что медвѣдь пріѣхалъ на его свадьбу съ бочкою пива (alus). Подобно параллельному тексту, и здѣсь роли распределены между отдѣльными птицами и звѣрями. Эти дайны оканчиваются тѣмъ, что волкъ, будучи въ веселомъ настроеніи, приглашаетъ козу на танецъ. Волкъ дѣлаетъ это, характерно разсуждая: если съ

добрымъ намѣреніемъ, то я буду плясать съ теткою, если же со злымъ, то я разорву ее. Отвѣтъ козы тоже многозначителенъ: и изъ твоей шкуры приготовить шубу милomu пастуху, который пасетъ меня на клеверѣ и на овсѣ. По 4-му лит. вар. женится одинъ грибъ, *baravykas* (боровикъ, *boletus edulis*), на другомъ. Всѣ деревья съ радостью отправляются верхомъ на свадьбу; и долгоногій лось хочетъ принять участіе въ поѣздкѣ, и за нимъ отправляются, подобно тому, какъ въ паралл. текстѣ, заяцъ, медвѣдь и лисица. И здѣсь *mutatis mutandis* торжество оканчивается пляскою.

Что касается лат. вариантовъ, то по 2-му вар. женится жаворонокъ, свадьба котораго празднуется, подобно тому, какъ это изображено въ паралл. текстѣ. По 3-му вар. это свадьба сверчка¹⁾, на которой звѣри и птицы играютъ свои естественныя роли, и блоха оказывается очень легкою плясуньей. По 4-му лат. вар., въ нѣмецкомъ переводѣ, это свадьба сына лѣса („des Waldessohnes“), на которую богъ лѣса (Waldgott), уходя глубоко въ камышъ, приглашаетъ животныхъ: Приходите, всѣ свободныя животныя лѣса, на свадьбу сына лѣса! По этому приглашенію появляются многочисленныя птицы и звѣри. Подъ сыномъ лѣса, можетъ быть, подразумѣвается волкъ, потому что по народному вѣрованію его въ извѣстное время года не называютъ по имени. Какъ богъ лѣса (Meža-tēvs, собственно, отецъ лѣса) приглашаетъ всѣхъ животныхъ лѣса на свадьбу, такъ по одной пѣснѣ, у Бютнера, богиня лѣса (Meža-māte) даетъ птицамъ человѣческія имена.

Итакъ, птицы, животныя, насѣкомыя и растенія (грибы и деревья) являются въ этихъ пѣсняхъ дѣйствующими лицами, и свадьба, которую они празднуютъ, обозначаетъ и символизируетъ естественное побужденіе всей разнообразной природы къ размноженію. Поэтому чрезвычайно важно, что богъ лѣса (вѣроятно, подобное лицо, какъ *Πάν*, сатиры и фавны) приглашаетъ животныхъ лѣса на свадьбу. В. Ман-

1) Выраженіе *circeji pauda* (деньги сверчковъ), приношеніе обрубленныхъ, состоящее изъ пары мелкихъ монетъ, и встрѣчаемое въ лат. свадебныхъ обрядахъ, можетъ быть, имѣло связь съ этою свадьбою сверчка.

гардтъ пишетъ: „Wenn nach einem platonischen Epigramm Pan mit seiner Syrinx die Baumnympfen (Hamadryaden) und Quellnympfen (Hydriaden) zum Tanzen bringt, wenn er die Pitys, die personifizierte Fichte, geliebt haben soll¹⁾, so ist deutlich zu erkennen, wie man im Sausen des Windes, der die Bäume tanzen macht, seine Gegenwart spürte²⁾. Dann buhlt er, gleich Faunus, um die Dryaden, woher er auch, gleich sonstigen Waldgeistern, als lüstern, geil, befruchtend, *κῆλων* (Kratinos), *πολύσπορος*, *πάνσπορος*, geschildert wurde; Heraklit braucht *παγεύειν γυναῖκας* im Sinne von beschlafen“³⁾.

Такъ какъ въ этихъ пѣсняхъ упоминается и о такихъ животныхъ, какъ, напр., о медвѣдѣ, которыя уже давно не водятся въ латышской землѣ, то мы имѣемъ въ нихъ внѣшніе признаки древности этихъ поэтическихъ произведеній. Какъ здѣсь птицы, вмѣстѣ съ четвероногими животными, празднуютъ свадьбу, такъ и по другимъ свидѣтельствамъ (срав. В. et W. 141. 142. Кол. 52 и лат. сказки) они воюютъ другъ съ другомъ, при чемъ также обнаруживаются ихъ естественныя качества.

Во 2-мъ лат. вар. „а“ встрѣчается слово *uķelite*, эпитетъ ласточки (*bezdeliga*). Латышу теперь это слово совершенно непонятно; но сравнивая его съ литовскимъ, мы тотчасъ находимъ его смыслъ; *uķ-el-ite*, очевидно, образовано съ уменьшительнымъ суффиксомъ *-el-ite* изъ слова, употребляющагося теперь еще въ лит. языкѣ, *ukis*, *-io*, *m.* (дворъ, жилище) и

1) Longus II, 39 *ἡράσθη μὲν Πίτυος, ἡράσθη δὲ Σύριγγος, παύεται δὲ οὐδέποτε Δρυάδων ἐνοχλῶν καὶ Ἐπιμηλίσιν νόμιμας παρέχων πράγματα*. Aristides I, 249. Jebb sagt: bei den Dichtern hallen die Pane und Satyrn auf den Bergen und um die Bäume sich ergötzend in der Sommerzeit als die musikalischsten der Götter.

2) Vgl. M. Müller Essays II, 142: „Gab es irgendwo in Hellas eine mit Fichten bedeckte Seeküste, wie die Küste von Dorset, so mochte wol ein griechischer Dichter, der ein Ohr hatte für das weiche klagende Gespräch des Windes und der zitternden Fichten und ein Auge für die Verwüstung, die ein wilder Nordwind anrichtete, seinen Kindern von den Wundern des Waldes erzählen und von der armen Pitys, der Fichte, um die Pan, der sanfte Windhauch, wirbt und die vom eifersüchtigen Boreas, dem Nordwinde, niedergestreckt wird“. Vgl. auch Welcker G. L. II, 666—67.

3) Срав. Antike Wald- und Feldkulte aus nordeuropäischer Ueberlieferung erläutert von Wilhelm Mannhardt. Berlin 1877. Стр. 131.

соотвѣтствуетъ лит. ukininke, -es, f. (хозяйка); ukelite означаетъ, такимъ образомъ, любезную хозяйку, и стихи:

Bezdeliga, ukelite,
Ar viesiem runataja

получаютъ тогда подходящий смыслъ:

Ласточка, любезная хозяйка,
Разговариваетъ съ гостями.

XVI. О козлѣ.

(Приключенія козла на мельницѣ.)

Своего рода народный юморъ встрѣчается въ этихъ пѣсняхъ, по которымъ козелъ отправляется на мельницу молоть муку. Все содержаніе этихъ дайнъ выражается въ вопросахъ и въ отвѣтахъ. Спрашиваютъ козла, гдѣ онъ былъ? что онъ дѣлалъ? etc. И онъ отвѣчаетъ, что онъ былъ на мельницѣ, мололъ тамъ рожь и пшеницу, мѣрилъ рогами, металъ бороною; ѣлъ отруби, или пилъ молоко и медъ, пилъ сыворотку, помой, или пиво и вино; спалъ у дѣвушекъ, его поролли розгами, онъ кричалъ и т. п.

Съ очень незначительными, несущественными отличіями мы встрѣчаемъ то же самое содержаніе и въ вариантахъ. Только вар. у Юшкевича (L. d. 149) имѣетъ большее различіе. Въ этомъ вариантѣ не козелъ, а заяцъ (zuikis), былъ на мельницѣ. Онъ лежалъ тамъ въ пыли, сидѣлъ въ ситникѣ. Бѣлая борзая собаки предслѣдовали его; онъ бѣжалъ, и въ него стрѣляли.

Хотя всѣ эти пѣсни и имѣютъ отпечатокъ литовско-латышской нар. поэзіи (онѣ встрѣчаются въ дактилическомъ, свойственномъ этой поэзіи размѣрѣ, скорый темпъ котораго какъ нельзя болѣе подходитъ къ юмористическимъ и насмѣшливымъ пѣснямъ), но все-таки кажется, что въ этихъ пѣсняхъ мы имѣемъ произведенія болѣе новаго времени, идея которыхъ, можетъ быть, занесена изъ чужихъ краевъ. Что это пѣсни болѣе новаго происхожденія, о томъ свидѣтельствуется прежде всего то обстоятельство, что козелъ (заяцъ) приводится на мельницу (лит. malūnas, лат. sudmalas), а не въ комнату, въ которой стоятъ жернова (лит. и лат.

maltuve), къ ручной мельницѣ (лит. gornos, лат. dzirnas). Ибо malūnas, sud-malas означаетъ болѣе новыя, модныя мельницы, напр., водяную, вѣтреную мельницу и т. д. Здѣсь, а именно въ лит. дайнахъ, встрѣчаются еще и другіе признаки ихъ позднѣйшаго происхожденія, напр., слова: šinkóre, šinkarka (шинкарочка), karčema (корчма), потомъ собственные имена: Urše и Barbele.

Мы имѣемъ одиннадцать редакцій этой пѣсни о козлѣ, болѣе или менѣе отличающихся одна отъ другой, а именно, въ пяти литовскихъ (4 у Юшкевича, 1 у Лескина), и въ шести латышскихъ (2 у Цимзе, 2 у Бергмана, 1 у B. et W. и 1 мною записана) пѣсняхъ. Ни одинъ изъ этихъ названныхъ собирателей не сомнѣвался въ томъ, что это народная пѣсня. Ибо никто изъ нихъ не сдѣлалъ относительно этого никакого примѣчанія. Исключая Юшкевича и Цимзе, критику которыхъ нельзя назвать совершенно строгой, и Лескинъ не выражаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія по поводу этой дайны, какъ народной пѣсни, хотя онъ указываетъ на три варианта у Юшкевича. Она казалась имъ, безъ сомнѣнія, народной пѣсней. И она на самомъ дѣлѣ такова. Вопросъ здѣсь только въ томъ, какого рода эта народная пѣсня? Имѣемъ ли мы въ ней литовско-латышскій подлинникъ, со временемъ измѣненный и передѣланный на новый ладъ? Или она создана подъ чужимъ вліяніемъ? или представляетъ она заимствованіе? Я слабо помню, что, будучи мальчикомъ, я слыхалъ въ училищѣ эту пѣсню и по-нѣмецки:

Wo bist du denn gewesen,
Mein ziegender Bock? —

Но продолженія этой пѣсни не знаю. Я искалъ ея между нѣмецкими народными пѣснями, но не нашелъ ея, хотя нѣкоторые нѣмцы и говорили мнѣ, что и они нѣкогда пѣли въ училищѣ подобную пѣсню. Прочитывая случайно афишу эстонскаго пѣвческаго праздника 1894 г., я замѣтилъ, что и эсты считаютъ подобную пѣсню произведеніемъ своего народного творчества. Что это такое? Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло со странническою пѣснею? Можетъ быть, она заимствована литовцами и латышами изъ Германіи? Этому противорѣчитъ народная форма, народный ритмъ и большое отличіе ея отъ заимствованныхъ лже-народныхъ пѣсенъ, каковы, напр.:

Es stāv us augsta kalna
Un skatos jūrā. — —

По первому взгляду видно, что такая пѣсня заимствована изъ нѣмецкаго языка:

Ich stand auf hohen Bergen
Und schaut' ins tiefe Thal¹⁾. — —

О томъ свидѣтельствуется уже и чужой размѣръ, невѣрный языкъ etc. Но что касается нашей дайны о козлѣ, то это совершенно другое дѣло. Она обнаруживаетъ качества, свойственныя литовско-латышской народной поэзіи, и отнюдь не можетъ быть простымъ переводомъ съ чужаго языка. Поэтому собиратели, записавшіе ее, вовсе не сомнѣвались въ томъ, что она принадлежитъ къ литовско-латышскому народному творчеству. О подобной нѣмецкой народной пѣснѣ, кажется, они ничего не знали. Итакъ, можно допустить, что здѣсь произошелъ обмѣнъ чужихъ мотивовъ и идей. И этотъ обмѣнъ приходится отнести къ болѣе отдаленнымъ временамъ назадъ. Съ другой стороны, можно, повидимому, въ этомъ козлѣ, который мелеть на мельницѣ рожь, видѣть миѣическое существо (Kornbock, Haferbock, Korngeiss, Roggenbock, Ziegenbock), что В. Мангардтъ²⁾ и доказалъ въ германскихъ и латышскихъ, а Потебня³⁾ въ русскихъ народныхъ преданіяхъ. Если бъ, въ самомъ дѣлѣ, нашъ козелъ совпадалъ съ этимъ миѣическимъ существомъ, то онъ представлялся бы намъ индо-европейскимъ миѣическимъ слѣдомъ упомянутаго хлѣбнаго демона (Korndämon). Или мы имѣемъ здѣсь лишь плодъ игры народной фантазіи безъ основательной миѣической подкладки?

XVII. Колыбельныя пѣсенки.

(Мышка приноситъ сонъ.)

Мы имѣемъ въ этомъ отдѣлѣ только нѣсколько очень краткихъ пѣсенокъ, соотвѣтствія которыхъ нельзя не от-

1) Ср. Des Knaben Wunderhorn von Arnim und Brentano 1876, стр. 271.

2) См. его Antike Wald- und Feldkulte стр. 155—200.

3) См. его Объясненія малорусс. II, стр. 173—180.

мѣтить. Какъ литовская, такъ и латышская мать или нянька призываетъ при убаюкиваніи дитяти мышку, и проситъ ее принести малюткѣ въ колыбель сладкій сонъ, по скамеечкамъ, по постелькамъ, чрезъ клѣтъ, кухню, избушку и печное отверстіе, и проситъ мышку принести сонъ такъ, чтобы кошка этого не замѣтила, ибо она помѣшаетъ ребенку заснуть.

Итакъ, въ поэтическихъ выраженіяхъ желаютъ для сна дитяти наибольшей тишины въ помѣщеніяхъ дома, куда смѣетъ являться только тихо ходящая мышка, которая должна служить спящему любимцу.

XVIII. Многократный обмѣнъ.

(Даръ удача и отца.)

Несмотря на отличія въ частностяхъ, все-таки и здѣсь мы находимъ во всемъ сходство между лит. и лат. текстами, содержащими одинаковую идею и одинаковые мотивы. Ихъ размѣръ тоже почти одинаковъ, трохеическій.

Содержаніе ихъ слѣдующее. Кто-то замѣчаетъ удача, который, сидя на высокой горѣ, вьетъ шелковое гнѣздо и кладетъ яйца. Онъ привѣтствуетъ удача и получаетъ зато яйцо. Онъ отдаетъ это яйцо матери, мать даетъ ему „кусокъ золота“¹⁾, который онъ отдаетъ свинѣ; свинья даетъ ему поросенка, котораго онъ отдаетъ волку. Волкъ даетъ ему шубу; онъ отдаетъ эту шубу барину и получаетъ корову. За корову онъ получаетъ отъ барича лошадь, на которой онъ весело ѣдетъ верхомъ (лит. т.). — Индюкъ голыми ногами подбираетъ щепки. Выбѣгаетъ Малу-Ритентиньшъ (Mālu-Ritentiņš, собств. глиняное колесо): Здравствуй, пестрая корова! Куда ты дѣнешь молоко? — Я его отдамъ жабѣ и получу сало; сало я отдамъ сапожнику на башмаки. Башмаки я дамъ невѣстѣ за поцѣлуй; поцѣлуй я передамъ литовцу, литовецъ дастъ мнѣ кобылу, кобылу я отдамъ волку, который за это прекрасно попляшетъ (лат. т.).

Варианты отличаются отъ этого текста лишь въ началѣ. Кто-то видитъ отца, сидящаго на горѣ у колодца, съ мѣшкомъ, наполненнымъ бобами, на спинѣ. Онъ проситъ у отца одну бобинку, а получаетъ цѣлый мѣшокъ. Онъ от-

1) Ср. русск. народную сказку: „Мѣна“.

даетъ мѣшокъ съ бобами свинѣ, получаетъ за то сало и т. д., слово въ слово, какъ выше, въ лат. текстѣ.

По своему содержанію этотъ паралл. текстъ не вполне понятенъ. Кажется, что здѣсь своего рода поэтическая игра, въ которой какъ бы проявляется *pexus causalis* извѣстныхъ вещей. Женщина, которая мнѣ передавала эти стихи, замѣтила при этомъ, что ея отецъ, который слылъ знаткомъ заговоровъ противъ укушенія змѣй, каждый разъ, когда кто-нибудь просилъ его сообщить ему заговоры, произносилъ эти стихи. — Жаба (*ķauķis*), которая получаетъ молоко (см. лат. т.), встрѣчается и у Стендера¹⁾ между *Pienu mātes* (молочныя матери, молочныя богини — это были змѣи и жабы).

ХІХ. Служба.

(Различное вознагражденіе.)

Эти произведенія можно назвать лавинными пѣснями, потому что ихъ стихи размножаются въ родѣ лавинъ: второй стихъ одною строкою больше перваго, третій двумя строками больше, четвертый тремя и т. д. до тѣхъ поръ, пока такимъ образомъ, не исчерпается извѣстный кругъ мыслей или сумма воспѣваемыхъ предметовъ, а именно такъ, что весь первый стихъ повторяется во второмъ, второй въ третьемъ и т. д. Слѣдовательно, послѣдняя строфа состоитъ изъ новой строки и всѣхъ предшествующихъ стиховъ, и цѣлая пѣсня вполне показываетъ видъ лавины. Такимъ образомъ получается нѣчто чудовищное и комическое. Такова одна нѣмецкая студенческая пѣсня:

Laurentia, liebe Laurentia mein,
Wann werden wir wieder beisammen sein? — —

По своему содержанію, эти лит. и лат. нар. пѣсни относятся къ домашнему хозяйству и касаются, по очереди, всего количества домашнихъ животныхъ. Служащій у барина, по очереди, получаетъ въ первый годъ курицу, во второй — утку, въ третій — гуся, въ четвертый — козла и т. д. Такимъ образомъ онъ приобретаетъ послѣдовательно, черезъ

1) Ср. *ergo Lettische Mythologie* стр. 261 и 267.

годъ, еще овцу, свинью, корову, коня и т. д. Такъ какъ онъ, наконецъ, получаетъ и дѣвушку-нѣвесту (лит. т.), то его домашній бытъ теперь устроенъ. Соотвѣтствіе обоихъ паралл. текстовъ полное. Въ лат. текстѣ пропущены только два года службы.

XX. Прощаніе.

(Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей.)

Эти пѣсни знакомятъ насъ съ одинаковыми свадебными обрядами литовцевъ и латышей¹⁾. Эти даины нѣсколько отличаются размѣромъ: литовскія даины встрѣчаются въ двухъ-стопныхъ или трехъ-стопныхъ, а латышскія въ четырехъ-стопныхъ трошеяхъ; но по содержанію онѣ во всемъ совпадаютъ. Тутъ выражено прощаніе молодой жены послѣ свадьбы съ ея любимой родиною, съ родительскимъ домомъ, со всѣми милыми мѣстами и предметами etc. Она прощается со слезами на глазахъ со столомъ, поломъ, дверьми, дворомъ, садомъ, колодцемъ, рѣкой; съ полями и лѣсами, съ горами и долинами, съ рощами и птицами, съ ихъ пѣніемъ и т. д., печально разсуждая, что она болѣе не будетъ мыть этого стола, не будетъ подметать этого пола, не будетъ открывать этихъ дверей и т. п.

Заключеніе.

Резюмируя результаты этого труда, мы получаемъ, прежде всего, значительную группу болѣе или менѣе точно соотвѣтствующихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ (числомъ 74), названныхъ въ своемъ мѣстѣ параллельными текстами и вариантами. Ихъ совпаденіе и соотвѣтствіе было, какъ уже сказано, болѣе или менѣе полное. Онѣ относились одна къ другой или какъ одинаковыя пѣсни двухъ различныхъ говоровъ, или какъ варианты, имѣющіе

1) См. *Jušk. Sv. R.* — R. kr. VI. — *Ueber Hochzeitsbräuche der Letten nach ihren Volksliedern* von A. Winter.

все-таки одинаковую идею и тѣ же мотивы, несмотря на нѣсколько несущественныхъ отличій по содержанію и по формѣ. Паралл. тексты сопровождаются своими вариантами, изъ которыхъ болѣе важные, содержащіе больше соотвѣтствій или что-нибудь характеристичное, напечатаны *in extenso*, а менѣе важные, обнаруживающіе лишь очень близкое родство воззрѣній, или представляющіе только отголосокъ, помѣщены лишь для ссылокъ. Всѣхъ этихъ вариантовъ, число которыхъ въ введеніи точно указано, около пятисотъ. При рѣшеніи вопроса, представляетъ ли текстъ подлинникъ или заимствование изъ другого говора или даже изъ чужого языка, принималось иногда, между прочимъ, во вниманіи и количество вариантовъ. Ибо, чѣмъ болѣе текучъ и чѣмъ болѣе измѣняется характеръ пѣсни или, вообще, народнаго произведенія, тѣмъ болѣе это свидѣтельствуетъ о ихъ глубокой древности.

Помѣщенные въ двадцати отдѣлахъ народныя пѣсни распадаются, по числу вариантовъ, на три группы:

1) на такія, которыя имѣютъ какъ на лит., такъ и на лат. сторонѣ а) множество или б) только нѣсколько вариантовъ,

2) на такія, гдѣ встрѣчаются варианты лишь на одной — литовской, или латышской сторонѣ и

3) на такія, гдѣ на обѣихъ сторонахъ, вообще, нѣтъ никакихъ вариантовъ.

Въ первомъ случаѣ, а именно а) гдѣ на обѣихъ сторонахъ встрѣчаются многочисленные варианты, легко и почти безъ всякаго сомнѣнія можно сказать, что тутъ имѣешь дѣло съ древнею литовско-латышскою народною поэзіею. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, какъ и въ первомъ, подъ б), гдѣ на обѣихъ сторонахъ мы имѣемъ лишь нѣсколько вариантовъ, было трудно и иногда невозможно рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ подлинникомъ или съ заимствованиемъ извѣстныхъ дайнъ. Хотя я, въ общемъ, былъ склоненъ, касательно старшинства отдавать предпочтеніе той сторонѣ, на которой имѣлись варианты, передъ тою, на которой таковыхъ не имѣлось, все-таки я дѣлалъ это съ большою осторожностью, потому что и здѣсь, можетъ быть, не исключается случайность. Такъ какъ сборники пѣсенъ большею частью не полны, то можетъ быть, что на той или на другой сто-

ронѣ еще многія пѣсни не записаны. Вообще, въ этой области о математической точности и рѣчи быть не можетъ.

Нессельманъ въ предисловіи своего сборника (стр. XII) говоритъ, что литовское народное творчество исключительно лирическое, и что эпическій элементъ лежитъ совершенно внѣ его круга, что повѣствовательная форма (въ стихахъ) литовцу вообще неизвѣстна. Что это мнѣніе невѣрно, въ томъ мы уже выше убѣдились. Ибо, почти всѣ тексты, приведенные въ этомъ сочиненіи, — какъ разъ баллады и романсы, т. е. повѣствовательныя произведенія. Вообще, ошибочно дѣлать естественное или народное творчество на эпосъ, лирическую поэзію etc., какъ это обыкновенно дѣлается въ искусственной поэзіи. По моему мнѣнію, литовско-латышская нар. поэзія соединяетъ, какъ бы потенциально, въ себѣ еще всѣ виды вмѣстѣ.

Что касается внутренняго характера этихъ пѣсенъ, то видно, что изъ нихъ миѳическія далеко превосходятъ всѣ другія не только численностью, но и тѣмъ, что миѳическая черта проходитъ, какъ красная нить, чрезъ значительное большинство остальныхъ пѣсенъ. Къ этимъ миѳологическимъ памятникамъ и намекамъ (*Reminiscenzen und Anspielungen*), которые разбросаны почти по всѣмъ разобраннѣмъ пѣснямъ, примыкаетъ упоминаніе о нѣкоторыхъ обрядахъ, основывающихся на древней языческой религіи. Вороны являются вѣстниками несчастья; цвѣтеніе извѣстнаго цвѣтка, ростъ или увяданіе посаженнаго дерева etc. означаетъ хорошее или дурное предзнаменованіе; сѣченіе мечемъ на несчастье, бѣдствіе и т. п. Рядомъ съ миѳическимъ моментомъ очень важно для опредѣленія древности этихъ пѣсенъ, что въ нихъ поется о древнихъ обычаяхъ и обрядахъ, какъ-то о похищеніи невѣсты, заступничествѣ брата, съ мечемъ въ рукѣ, за обиженную сестру и т. д.

Признаки, по которымъ наши пѣсни по ихъ содержанію и происхожденію относятся насъ къ извѣстнымъ временамъ, группируются слѣдующимъ образомъ. Самыми древними оказываются миѳическія пѣсни, какъ и всѣ тѣ, которыя содержатъ отношенія къ древнимъ народнымъ обрядамъ. Эти произведенія распадаются на двѣ части: 1) на такія, которыя относятся насъ къ временамъ первобытной общности индо-германскихъ народовъ (напр., сказанія о Солницѣ) и 2) на

такія, которыя намекають лишь на первобытную общность литовско-латышскаго народа (напр., произведенія о Лаймѣ). Объ этой послѣдней общности свидѣтельствуютъ всѣ параллельные тексты. — Какъ упомянутые признаки указываютъ на неопредѣленную, туманную даль, такъ и во многихъ, выше разсмотрѣнныхъ пѣсняхъ встрѣчаются такіе признаки, которые относятъ насъ уже къ болѣе близкимъ, уже къ болѣе осязаемымъ, даже, наконецъ, къ историческимъ временамъ. Къ менѣе опредѣленнымъ признакамъ принадлежатъ, прежде всего, упоминанія о медвѣдѣ, о волкѣ, о рыскахъ шубахъ и т. д. Конечно, исчезновеніе волка изъ мѣстностей, населенныхъ латышами, указываетъ лишь на болѣе новое время; волки даже теперь еще изрѣдка встрѣчаются въ нашемъ краѣ; но время, когда медвѣдь обиталъ въ латышской землѣ и народъ наблюдалъ его качества и воспѣвалъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ, очень далеко отъ насъ. Также обыкновеніе получать у рыси шубу очень древне. Кромѣ того, о рыскахъ шубахъ упоминается вмѣстѣ съ древнимъ обычаемъ похищенія невѣсты. Въ нѣкоторыхъ лат. пѣсняхъ встрѣчается упоминаніе о кабанѣ и о зубрѣ, бѣлый рогъ котораго служить сосудомъ для питья и духовымъ инструментомъ, — все это животныя, которыхъ давно въ латышской землѣ нѣтъ. Признаки, относящіе насъ къ болѣе осязаемымъ, даже уже къ историческимъ временамъ, это въ нашихъ пѣсняхъ сраженія подъ Ригию, Вильною, на литовской границѣ, въ прусской землѣ и на прусской границѣ. Стало-быть, эти пѣсни относятъ насъ къ тѣмъ временамъ, когда литовцы и латыши или боролись другъ съ другомъ, или мѣрили свои силы съ нѣмецкими завоевателями. Наконецъ, упоминаніе о Маріи во многихъ пѣсняхъ, записанныхъ въ Курляндіи и въ „евангелической“ Лифляндіи, не имѣющихъ, впрочемъ, никакихъ отношеній къ болѣе новымъ обстоятельствамъ, относитъ насъ за четыреста лѣтъ назадъ ко временамъ католичества. Это имя оказывается не первичнымъ, но оно является или замѣною, или смѣшиваніемъ съ другимъ мифическимъ существомъ, напр., съ Лаймою, съ Солнцемъ, съ дочерью Солнца и съ другими.

Къ этимъ признакамъ послѣдняго рода, относящимся къ отдѣльнымъ пѣснямъ, присоединяется еще, какъ очень важное обстоятельство, точное соотвѣтствіе всѣхъ приведенныхъ литовскихъ пѣсенъ латышскимъ. Итакъ, если, судя

по большей части выше упомянутыхъ внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ, содержаніе этихъ пѣсенъ, въ главныхъ чертахъ, существовало уже до начала тринадцатаго столѣтія, то эти поэтическія произведенія приводятъ насъ, въ видѣ параллельныхъ текстовъ, къ подобному же результату. Такъ какъ они оказывались во всемъ общимъ достояніемъ, первобытнымъ сокровищемъ литовцевъ и латышей, такъ какъ они непременно относятъ насъ къ тѣмъ временамъ, когда латыши и литовцы составляли еще одинъ, нераздѣленный народъ, который говорилъ всѣмъ его членамъ еще понятнымъ языкомъ и еще вмѣстѣ создавалъ и передавалъ свои духовныя произведенія, то мы имѣемъ во множествѣ этихъ параллельныхъ текстовъ памятники, относящіе насъ къ болѣе раннимъ временамъ, чѣмъ тринадцатое столѣтіе. Если Биленштейнъ утверждаетъ о латышскихъ загадкахъ ¹⁾, которыя мы сравнимъ съ литовскими во II части нашего сочиненія, что онѣ соотвѣтствуютъ догомерической ступени греческаго народа, то я могу насчетъ этихъ параллельныхъ текстовъ, а именно насчетъ мифическихъ пѣсенъ (сказанія о Солнцѣ), выразить гипотезу, что они соотвѣтствуютъ приблизительно гомерической ступени греческаго народа.

Какъ бы то ни было, все-таки въ этомъ трудѣ, основываясь на объемистыхъ, многочисленныхъ, сборникахъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и сравнивая литовскія народныя пѣсни съ латышскими, я привелъ въ извѣстность группу литовскихъ и латышскихъ дайнъ, числомъ около пятисотъ, изъ которыхъ значительное большинство представляетъ древнее общее достояніе обоихъ связанныхъ братскими узами народовъ. Несмотря на нѣкоторыя латышскія пѣсни, заимствованныя изъ литовскихъ, и наоборотъ, эти соотвѣтствія открываютъ намъ обширную историческую перспективу. Что между подлежащими сравненію пѣснями мифическія представляютъ большинство, это очень важно. Это именно и доказываетъ, что при помощи сравненія можно опредѣлить древность этихъ пѣсенъ.

Что въ народныхъ пѣсняхъ находятся древнія формы языка, это уже давно было замѣчено многими учеными. На

1) Ср. его 1000 Lettische Räthsel, стр. 14.

это уже было указано въ введеніи, и примѣчанія этого рода встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ текста и выводовъ. Такъ, напр., мы замѣтили древній суффиксъ мѣстнаго падежа мн. ч. -su (X, лат. вар.) и нашли ошибочнымъ выраженное Резою мнѣніе, что въ латышскомъ языкѣ недостаетъ, между прочимъ, слово *martī*, невѣста (стр. 328). Въ лат. текстѣ (VII) встрѣчается это слово (*morša*), и *mārša* (слово того же корня, лишь въ нѣсколько измѣненномъ значеніи) мы часто находимъ въ лат. нар. пѣсняхъ.

Важно и то обстоятельство, что въ большей части пѣсенъ упоминается о морѣ, которое въ литовско-латышской миѳологіи играетъ извѣстную роль. Изъ этого можно заключить, что творцы этихъ произведеній издревле жили у моря. Это доказываютъ и ихъ морскія божества, какъ-то: *Bangputis* (вздувающий волны), *Jurata*, *Juras-māte* (богиня моря) etc. По именамъ рѣкъ и мѣстъ, встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ параллельныхъ текстахъ, можно приблизительно отмѣтить границы древней литовско-латышской земли. Въ этомъ отношеніи важны имена, какъ-то: *Gauja* (Лифл. Аа), *Daugava* (Зап. Двина), *Nemuna* (Нѣманъ), *Rusne* (рѣка Руса), *mares*, *jures* (Куришъ-гафъ) и *Danska* (Данцигъ). Приблизительно, это земля, обитаемая еще теперь латышами и литовцами.

Основная черта этихъ пѣсенъ заключается въ томъ, что онѣ чисто народныя, т. е., что въ нихъ нѣтъ ничего непосредственно не принадлежащаго простымъ воззрѣніямъ самого народа. Здѣсь нѣтъ ничего чужого, ничего принятаго извнѣ. Мы встрѣчаемъ здѣсь древнюю языческую миѳологію, не представляющую никакихъ мертвыхъ, отвлеченныхъ понятій, но дѣйствительныя миѳологическія лица. Мы находимъ въ этихъ пѣсняхъ народную мораль, такъ чисто человѣчески естественную, столь чисто литовско-латышскую, что мы не замѣчаемъ тутъ никакого вліянія христіанства¹⁾. Здѣсь встрѣчаются ихъ море, гафъ и морское побережье, имена ихъ рѣкъ; здѣсь мы встрѣчаемъ ихъ лѣса, ихъ луга, ихъ нивы, пашни и мѣста погребенія, даже устройство ихъ дворовъ-усадебъ отражается въ ситуаціяхъ ихъ пѣсенъ. Эти произведенія проводятъ насъ чрезъ всѣ возрастныя ступени

и отношенія жизни, начиная съ колыбели чрезъ труды, страданія и радости до могилы. Мы видимъ тамъ брата, который спѣшитъ на войну; сестру, которая проводитъ его. Или мы видимъ, что братья гонятся за своею похищенною сестрою; далѣе, мы видимъ, что юноша теряетъ коня, а дѣвушка вѣнокъ; видимъ, какъ различно дѣвица принимаетъ вдовца и холостяка. Мы видимъ, какъ въ жизни животныхъ отражается человѣческая жизнь; мы встрѣчаемъ тамъ шутки и серьезность положенія, слезы и прощаніе.

Стало-быть, мы имѣемъ въ этихъ народныхъ произведеніяхъ, представляющихъ своего рода литовско-латышскую или балтійскую Ригъ-Веду, довольно полную картину культуры обоихъ связанныхъ братскими узами народовъ, рисующую ихъ жизнь и весь окружающій ихъ міръ. Этотъ міръ еще не вполне культурный въ нашемъ смыслѣ, но и не варварскій.

1) Ср. статью Бютнера „Das lettische Volkslied“ въ журналѣ „Baltische Monatsschrift“ 1874 г.